

ISSN 2079-9160

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

№ 1–2(16–17)

МОСКВА
2017

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

Учредители

Институт языкознания РАН
Российский комитет тюркологов при ОИФН РАН

Редакционный совет

Ш.Х. Акалин (Турция), К. Абдулла (Азербайджан), К.А. Бичелдей (Кызыл),
И. Вашари (Венгрия), Н.Х. Гаджихмедов (Махачкала), (Казань), Т.М. Гарипов
(Уфа), А.П. Деревянко (Москва), М.З. Закиев (Казань), Ю.Н. Исаев (Чебоксары),
А.Б. Куделин (Москва), К.М. Миннуллин (Казань), К.М. Мусаев (Москва),
М. Ольмес (Турция), В.Н. Тугужекова (Абакан), Ф.Г. Хисамитдинова (Уфа),
П. Циме (Германия), А.А. Чеченов (Москва), Н.Н. Широбокова (Новосибирск),
Ю. Янхунен (Финляндия)

Редакционная коллегия

Главный редактор: Д.М. Насилов (Москва)
Зам. главного редактора: Е.А. Оганова (Москва), Н.Н. Телицин (Санкт-Петербург)
Отв. секретарь: Т.А. Аникеева (Москва)
А.И. Геляева (Нальчик), А.В. Дыбо (Москва), И.В. Кормушин (Москва),
И.В. Кульганек (Санкт-Петербург), И.Л. Кызласов (Москва), О.А. Мудрак (Москва),
И.А. Невская (Германия), Ю.В. Псянчин (Уфа), Л.С. Селендили (Симферополь),
К.-М. А. Симчит (Кызыл), Ж.С. Сыздыкова (Москва), Л.Н. Тыбыкова (Горно-
Алтайск), Ф.С. Хакимзянов (Казань), М.Д. Чертыкова (Абакан), И.В. Шенцова
(Новокузнецк)

Региональные сотрудники

Х.Ч. Алишина (Тюмень), А.В. Есипова (Новокузнецк), Л.С. Кара-оол (Кызыл),
Н.И. Попова (Якутск), С.Б. Сарбашева (Горно-Алтайск)

Издатель

От имени РКТ при ОИФН РАН – И.В. Кормушин

№ 1–2(16–17)

МОСКВА
2017

COMMITTEE OF RUSSIAN TURKOLOGISTS
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORICAL AND PHILOLOGICAL SCIENCES

Russian TURKOLOGY

Founded by

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
The Committee of Russian Turkologists, Russian Academy of Sciences,
Department of Historical and Philological Sciences

Advisory Board

Sh.H. Akalin (Turkey), K. Abdulla (Azerbaijan), K.A. Bicheldey (Kyzyl),
A.A. Chechenov (Moscow), A.P. Derevyanko (Moscow), N.H. Gajiaxmedov (Mak-
hachkala), T.M. Garipov (Ufa), Yu.N. Isaev (Cheboksari), Ju. Janhunen (Finland),
F.G. Khisamitdinova (Ufa), A.B. Kudelin (Moscow), K.M. Minnullin (Kazan),
K.M. Musaev (Moscow), M. Olmez (Turkey), N.N. Shirobokova (Novosibirsk),
V.N. Tuguzhekova (Abakan), I. Vásáry (Hungary), M.Z. Zakiev (Kazan), P. Zime
(Germany)

Editorial Board

Editor-in-Chief: D.M. Nasilov (Moscow),
Deputy Editor-in-Chief: E.A. Oganova (Moscow), N.N. Telitsin (Saint-Petersburg)
Executive Editor: T.A. Anikeeva (Moscow)
M.D. Chertykova (Abakan), A.V. Dybo (Moscow), A.I. Gelyaeva (Nal'chik),
F.S. Khakimzyanov (Kazan), I.V. Kormushin (Moscow), I.V. Kulganek (St. Petersburg),
I.L. Kyzlasov (Moscow), O.A. Mudrak (Moscow), I.A. Nevskaya (Germany),
Y.V. Psyanchin (Ufa), L.S. Selendili (Simferopol), I.V. Shentsova (Novokuznetsk),
K.-M. A. Simchit (Kyzyl), Zh.S. Syzdykova (Moscow), L.N. Tybykova (Gorno-
Altaysk),

Regional Staff

X.Ch. Alishina (Tyumen), A.V. Esipova (Novokuznetsk), L.S. Kara-ool (Kyzyl),
N.Í. Popova (Yakutsk), S.B. Sarbasheva (Gorno-Altaysk)

Publisher

On behalf of the Committee of Russian Turkologists – I.V. Kormushin

№ 1–2(16–17)

MOSCOW
2017

*Благодарим за помощь в издании данного выпуска
ООО НПФ «Пакер» и лично директора
Марата Мирсатовича
Нагуманова*

*Памяти заместителя председателя Российского комитета тюркологов
при Историко-филологическом отделении Российской академии наук,
главного редактора журнала «Российская тюркология»,
доктора филологических наук, профессора
Дмитрия Михайловича
НАСИЛОВА*

ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ НАСИЛОВ
(1935–2017)

26 июня 2017 года ушел из жизни один из ведущих российских тюркологов, уникальный специалист по языкам коренных малочисленных народов России, заведующий кафедрой тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (2013–2017), заместитель председателя Российского комитета тюркологов при Историко-филологическом отделении Российской академии наук, главный редактор журнала «Российская тюркология», доктор филологических наук, профессор Дмитрий Михайлович Насилов.

Д.М. Насилов родился 18 марта 1935 г. в г. Зарайске Московской области. На выбор профессии повлиял ближайший родственник, крупный ученый-востоковед, педагог, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР Владимир Михайлович Насилов.

Д.М. Насилов посвятил свою жизнь изучению тюркских языков. Выдержав вступительные испытания, он поступил на восточное отделение филологического факультета МГУ, которое с отличием закончил в 1958 году, защитив дипломную работу на кафедре тюркской филологии.

По направлению Министерства образования Д.М. Насилов поехал в Узбекистан, где с 1958 по 1960 гг. работал преподавателем кафедры узбекского языка Самаркандского университета. В 1964 г., успешно окончив очную аспирантуру в Институте языкознания, он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Структура времени индикатива в древнеуйгурском языке (по памятникам уйгурского письма)».

С 1963 г. научная деятельность Д.М. Насилова на протяжении тридцати лет была связана с Ленинградским отделением Института языкознания (ныне Институт лингвистических исследований РАН), где он прошел путь от младшего научного сотрудника до заведующего отделом алтайских языков. За эти годы Дмитрий Михайлович стал одним из наиболее признанных и заслуженных отечественных ученых в области тюркской филологии, внес значительный вклад в теоретическую грамматику тюркских и других алтайских языков, скрупулезно изучал грамматические категории глагола в алтайских языках. После блестящей защиты докторской диссертации по теме «Проблемы тюркской аспектологии: акциональность» (1990) ему было присвоено звание доктора филологических наук.

Продолжая научную и педагогическую деятельность на кафедре тюркской филологии восточного факультета Петербургского государственного университета, он одновременно читал лекционные курсы в ведущих вузах страны, плодотворно готовил к защите своих учеников (под его научным руководством было защищено 8 диссертаций), оппонировал кандидатские и докторские диссертации (всего Д.М. Насилов выступил оппонентом более 50 диссертаций).

В 1993 г. профессора Насилова пригласили в созданный при Министерстве национальностей РФ Институт языков народов России, где он работал в должности заместителя директора института.

В 1996 г. Дмитрий Михайлович вернулся в родные пенаты – Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, где начал интенсивно работать на кафедре тюркской филологии вплоть до последних дней своей жизни, с 2013 года – в качестве заведующего кафедрой. Именно благодаря усилиям Насилова на кафедре были разработаны и поставлены такие лекционные курсы, как «История алтаистики», «Язык древнетюркских письменных памятников», «Древнеуйгурский язык», «Основы сравнительной грамматики тюркских языков», «Тюркская лексикология», «Основы функциональной грамматики тюркских языков», «Введение в тюркологию», «Сопоставительная грамматика русского и узбекского языков» и др. Все эти годы Д.М. Насилов вел практические занятия по узбекскому языку. Нельзя не отметить и той роли, которую Д.М. Насилов сыграл в организации ежегодной научной конференции «Дмитриевские чтения», проводимой на кафедре тюркской филологии с 1992 года по инициативе заведующего кафедрой проф. Э.А. Груниной: с 1996 года и до последних дней своей жизни он был бессменным редактором сборника «Вопросы тюркской филологии», в котором публикуются материалы конференции.

Научные труды профессора Насилова (всего ученому принадлежит более 300 научных и методических работ) известны по всему миру. Такие его работы, как «Проблемы тюркской аспектологии: Акциональность», «Концепция языкового типа в трудах Н.А. Баскакова», «“Значение” и “функция” в функциональной грамматике А.В. Бондарко», «Языки малочисленных этносов в образовательном пространстве России» и др. давно уже стали настольными книгами тюркологов.

Важное направление научной работы Д.М. Насилова – общие проблемы алтаистики – нашло отражение в серии публикаций по истории алтаистических исследований (1975), вопросам алтайской языковой общности (статьи в «Тюркологическом сборнике» 1974, 1975, 1977, 1978) и залоговости в алтайских языках (1999).

Д.М. Насилов также принимал самое деятельное участие в коллективных работах по типологии языков: «Результатив в узбекском языке» (1983), «Типология итеративных конструкций» (1997), «К типологии уступительных конструкций в узбекском языке» (2003), «Эвиденциальность в тюркских языках» (2007), «Таксис в тюркских языках» (2009) и др.

Значительное место в научных интересах Д.М. Насилова занимали проблемы сравнительно-исторического языкознания, грамматической реконструкции, выполненные на материале исследования отдельных категорий, а также целых подсистем языка: он участвовал в фундаментальной шеститомной работе «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков», созданной тюркологами Института языкознания РАН (2002, 2006).

Наряду с этим Д.М. Насилов уделял большое внимание языкам коренных малочисленных народов России. При его активном участии вышли в свет энциклопедические сборники, посвященные современному состоянию алтайских языков Сибири и Дальнего Востока, в том числе «Красная книга языков Российской Федерации» (2002) и «Государственные и титульные языки России» (2002).

Еще одно направление научно-методической деятельности Д.М. Насилова – создание учебников тюркских языков для стран СНГ. Это, прежде всего, уже ставшие раритетами учебники по азербайджанскому (2009) и узбекскому языкам (2012).

Проф. Насилов также оказывал огромную научно-методическую помощь учителям средних школ, неизменно сотрудничая с Министерством образования и науки РФ. Плодом творческого взаимодействия стали «Концепция модели этнической (национальной) школы для коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации», «Типовая общеобразовательная программа по языкам тунгусо-маньчжурской группы для школ народов Севера», «Концепция учебника родного и русского языка для национальной школы». Кроме этого, на протяжении многих лет Д.М. Насилов являлся экспертом Комитета по межнациональным отношениям Госдумы РФ, председателем жюри всевозможных творческих конкурсов по культуре и языкам народов России.

Д.М. Насилов принял участие в более чем 100 международных, всероссийских и региональных конференциях и симпозиумах. Самыми значимыми из них являются, например, 38 Международный конгресс востоковедов ИКАНАС (Анкара, 2007); Международный симпозиум, посвященный Махмуду Кашгари и его труду «Диван лугат-ат тюрк» (Левкоша, 2008); 3 Международный тюркологический съезд (Левкоша, 2008) и др.

Д.М. Насилов, будучи заместителем председателя Российского (ранее Советского) комитета тюркологов при Историко-филологическом отделении Российской академии наук, принимал активное участие в его деятельности. Когда в 2011 г. под эгидой Российского комитета тюркологов вновь начал издаваться журнал «Российская тюркология», продолжающего традиции «Советской тюркологии», он стал его главным редактором. Именно благодаря его огромным организационным, редакторским усилиям, тесным личным связям с учеными-тюркологами России, постсоветского пространства, Турции, журнал регулярно выходил все эти годы, несмотря на скудное финансирование.

11 июня 2014 г. профессор Д.М. Насилов, известный в Турции своими трудами по истории тюркских литературных языков, награжден за выдающийся вклад в области «Тюркология» орденом Турецкой Республики «Лиякат» /Заслуга/. 23 мая 2016 года Д.М. Насилов был удостоен Золотой медали Международной тюркской академии (Астана, Казахстан).

Для коллег, многочисленных учеников и последователей уход Дмитрия Михайловича стал невосполнимой потерей. Светлая память о нем навсегда останется в наших сердцах...

Литература

- Грунина 2011 – Грунина Э.А. К юбилею Дмитрия Михайловича Насилова // Урало-алтайские исследования. 2011 № 1(4). С. 139–143.
- Alqış bitig: Scripta in honorem D.M. Nasilov / Сб. статей к 80-летию Д.М. Насилова / Отв. ред. Е.А. Оганова. М.: ООО «Изд-во МБА», 2015. 487 с.

Сведения об авторах

Оганова Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: ova8@yandex.ru

Алишина Ханиса Чавдатовна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, директор центра тюркологии ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»; e-mail: kaf_tatarlit@utmn.ru

**СПИСОК ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ
Д.М. НАСИЛОВА¹**

Монографии, коллективные монографии, учебные пособия

1. Структура времён индикатива в древнеуйгурском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1963.
2. Древнетюркский словарь: словарные статьи, редактор / Коллектив авторов и редакторов. – Л., 1969.
3. Проблемы тюркской аспектологии: Акциональность. – Л.: Наука ЛО, 1989. – 208 с.
4. Проблемы тюркской аспектологии: Акциональность / Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – М., 1989. – 32 с.
5. Expression of situational plurality in Turkic languages // Typology of Iterative Constructions. / Соавторы Х.Ф. Исхакова, В.И. Рассадин. – München, 1997.
6. Imperative sentences in Turkic languages // Typology of imperative sentences. / Соавторы И.А. Невская, Х.Ф. Исхакова, Ш. Сафаров. – München: Lincom Press, 2001. С. 181–220.
7. Концепция модели этнической школы для коренных малочисленных народов Севера РФ / Коллектив авторов. – М., 2001.
8. Карлукско-уйгурская группа: Фонетика. Глагол // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. – М., 2002. – С. 339–418.
9. Репресированная тюркология / Соавторы Ф.Д. Ашнин, В.М. Алпатов. – М., 2002.
10. Национальная школа: направления совершенствования структуры и содержания образования // Федеральная программа развития образования / Коллектив авторов-составителей. – М., 2003.
11. Словарные статьи: *Л, М, Н, П* // Этимологический словарь тюркских языков / Коллектив авторов. – М., 2003.
12. Уступительные конструкции в тюркских языках // Типология уступительных конструкций / Соавторы И.А. Невская, Х.Ф. Исхакова. – СПб: Наука, 2004. – С. 425–452.
13. Программа лингвистического курса «Древнетюркские языки» // Программы курса турецкого языка и теоретических курсов / сост. Ю.В. Щека. – М.: ИСАА МГУ, 2005. – С. 51–54 (114 с.)

¹ Редакторы выражают искреннюю благодарность А.А. Бурыкину, оказавшему помощь в составлении данного раздела.

14. Программа спецкурса «Основы тюркской семантики» // Программы курса турецкого языка и теоретических курсов / сост. Ю.В. Щека. – М.: ИСАА МГУ, 2005. – С. 55–63. (114 с.)
15. К реконструкции деривационных категорий глагола // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. А.В. Дыбо, Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 2006. – С. 268–325. (908 с.)
16. Эвиденциальность в тюркских языках // Эвиденциальность в языках Европы и Азии / Соавторы И.А. Невская, И.В. Шенцова, Х.Ф. Исхакова. – СПб.: Наука, 2007. – С. 469–518.
17. Примерная образовательная программа по тюркским языкам для русскоязычных учащихся (1–4 классы) // Примерные программы для начального общего образования в условиях двуязычной образовательной среды / Соавторы Андреева И.В., Тудвасева З.К. – М.: ИНПО, 2008. – С. 77–100.
18. Турецкий язык. 5 класс. Учебное пособие для учащихся общеобразовательных учреждений / Соавторы Л.Н. Дудина, Л. Нагиева – М., Магеррамов И.А. – М.: Вентана-Граф, 2008. – 158 с.
19. Учебник азербайджанского языка для стран СНГ. – М.: Восточная литература, 2009 / Соавтор Л.Г. Исмайлова. – 261 с.
20. Филологическое образование на начальном этапе обучения в двуязычной образовательной среде: монография / Соавторы И.В. Андреева, З.К. Тудвасева, К.Н. Бичелдей, П.П. Дамбуева и др. – М.: ИНПО, 2009. – 376 с.
21. Таксис в тюркских языках // Типология таксисных конструкций / Соавторы И.А. Невская, Х.Ф. Исхакова. – М.: Знак, 2009. – С. 750–802.
22. Concessive constructions in Turkic Languages // Typology of Concessive Constructions. LINCUM Studies in Theoretical Linguistics 50. Lincom: Europe / Соавторы И.А. Невская, Х.Ф. Исхакова. – München, 2012. – С. 387–412.
23. Учебник узбекского языка / Ин-т стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова; соавтор Х.С. Мухитдинова. – М.: Вост. лит., 2012. – 391 с.
24. Образовательная программа высшего профессионального образования учебной дисциплины «Узбекский язык» («Uzbek Language») // Программы лингвистических учебных дисциплин. – М.: ИСАА, 2012. – С. 96–116.

Статьи, сообщения, персоналии

25. Заметки о передаче некоторых особенностей стиля А.П. Чехова в узбекских переводах // Труды УзГУ. Новая серия. – Самарканд, 1960. № 100.
26. К вопросу о перифрастических формах глагола в древнетюркских языках // Вопросы языкознания. – М., 1960, № 3. – С. 93–97.
27. О I фразеологической конференции // Вопросы языкознания / Соавтор Л.И. Ройзензон. – М., 1960, № 2.
28. О категории деепричастий в енисейско-орхонских памятниках // Вопросы узбекского языка и литературы. – Ташкент, 1961, № 3 (на узб. яз.)
29. О некоторых сложных глагольных формах в древнетюркских языках // Труды СамГУ. Новая серия. – Самарканд, 1961, № 102.

30. К вопросу о модальных словах *ärinç*, *ärki* и *ärkän* в древнетюркских языках // Труды СамГУ. Новая серия. – Самарканд, 1961, № 102.
31. О конференции по тюркскому глаголу (г. Баку) // Вопросы языкознания. – М., 1962, № 5.
32. Перевод с тувинского: *Саган-оол*. Товарищи. В тайге // Пробуждение / Соавтор А. Темир. – Кызыл, 1962.
33. Аналитические формы глагола с *ärür* и *ärmiş* в древнетюркских языках // Труды СамГУ. Новая серия. – Самарканд, 1963, № 129.
34. О надписи на скале Хая-Ужу // Учёные записки Тувинского НИИЯЛИ / Соавтор З.Б. Арагачи. – Кызыл, 1963, № 10.
35. О некоторых памятниках Минусинского музея // Народы Азии и Африки. – М., 1963, № 6.
36. Формы будущего времени в древнеуйгурском языке // Труды СамГУ. Новая серия. – Самарканд, 1966, № 139.
37. Несколько замечаний о модальных частицах *ирги* и *иргин* // Учёные записки Тувинского НИИЯЛИ. – Кызыл, 1964, № 11.
38. Прошедшее время на *-jyq/-jyk* в древнеуйгурском языке // Тюркологический сборник. – М., 1966.
39. Изучение памятников древнеуйгурского языка в отечественном востоковедении // Филология и история тюркских народов. – Л., 1967.
40. Выступление на совещании // Вопросы категорий времени и наклонения. – Баку, 1968.
41. Вторая тюркологическая конференция в Ленинграде // Народы Азии и Африки / Соавторы В.Г. Гузев, Н.А. Дулина. – М., 1969, № 2.
42. О первой алтаистической конференции // Вопросы языкознания. – М., 1969, № 6.
43. Изучение памятников древнеуйгурского языка в отечественном востоковедении // Тюркологический сборник. – М., 1970.
44. О нулевых формах тюркского имени существительного // Письменные памятники и проблемы культуры / Соавтор В.Г. Гузев. – Л., 1970.
45. Применение принципа деривации к описанию синтаксических структур предложения в тюркских языках // Советская тюркология / Соавтор В.С. Храковский. – Баку, 1970, № 5. – С. 25–35.
46. О способах выражения видовых значений в алтайских языках // Проблема общности алтайских языков. – Л., 1971. – С. 366–376.
47. Типологические сопоставления в рамках сравнительно-исторического изучения отдельных грамматических категорий в тюркских языках // Советская тюркология. – Баку, 1971, № 2. – С. 59–66.
48. Конкретно-предметные значения тюркского имени существительного как зона релевантности категорий числа и определенности-неопределенности // Советская тюркология / Соавтор В.Г. Гузев. – Баку, 1971, № 5. – С. 21–25.
49. В.В. Радлов и изучение древнеуйгурских памятников // Тюркологический сборник. 1971. – М., 1972.
50. О соотношении типов изафета в турецком языке // Письменные памятники и проблемы культуры / Соавтор В.Г. Гузев. – Л., 1972.
51. Первые опыты обратных словарей // Советская тюркология. – Баку, 1972, № 4.

52. За научное глубокое изучение древнетюркских рунических памятников. Письмо в редакцию // Советская тюркология / Соавтор И.В. Кормушин. – Баку, 1972, № 5. – С. 139–142.
53. О пассивной деривации в узбекском языке // Советская тюркология / Соавтор В.С. Храковский. – Баку, 1972, № 6. – С. 40–49.
54. О лингвистическом изучении памятников тюркской письменности // Тюркологический сборник. 1972. – М., 1973.
55. Некоторые замечания к прочтению енисейских памятников // Письменные памятники Востока. 1971. – М., 1974
56. А.Н. Самойлович о классификации тюркских языков // Советская тюркология. – Баку, 1973, № 5. – С. 76–83.
57. Публикация и комментарий: *А.Н. Самойлович*. Общий взгляд на возникновение и развитие мусульманско-турецких литературных языков в связи с разговорными наречиями // Советская тюркология. – Баку, 1973, № 5. – С. 105–110.
58. VI Тюркологическая конференция в Ленинграде // Советская тюркология / Соавторы В.Г. Гузев, Л.Ю. Тугушева, Н.А. Дулина и др. – Баку, 1973, № 5. – С. 128–135.
59. Пассив в тувинском языке // Советская тюркология / Соавтор Н.И. Летягина. – Баку, 1974, № 1. – С. 13–24.
60. О симпозиуме по исторической фонетике // Вопросы языкознания / Соавтор И.В. Кормушин. – М., 1974, № 6.
61. В. Котвич о способах действия в алтайских языках // Проблемы алтаистики и монголоведения. 2. – М., 1975.
62. К интерпретации вспомогательных глаголов // *Bilimsel Bildirler*. – Анкара, 1975. (на нем. языке).
63. К интерпретации именной категории числа в тюркских языках // Вопросы языкознания / Соавтор В.Г. Гузев. – М., 1975, № 3. – С. 98–111.
64. VII Тюркологическая конференция в Ленинграде // Советская тюркология / Соавторы В.Г. Гузев, Н.А. Дулина, Т.И. Султанов и др. – Баку, 1975, № 5. – С. 107–117.
65. Конструкции *-a + туруп* в древнеуйгурском языке // Сибирский тюркологический сборник. – Новосибирск, 1976. – С. 42–48.
66. Ещё раз о виде в тюркских языках // *Turcologica*. – Л., 1976. – С. 111–120.
67. Памятники древнетюркской письменности (орхоно-енисейские и древнеуйгурские) в отечественных тюркологических исследованиях последних лет (обзор лингвистических публикаций) // Советская тюркология. – Баку, 1976, № 1. – С. 82–101.
68. К истории вспомогательных глаголов в тюркских языках // Тюркологические исследования. – М., 1976. – С. 158–167.
69. Памятники древнеуйгурского языка как объект исторической грамматики // Советская тюркология и развитие тюркских языков. – Алма-Ата. 1976.
70. А.Н. Кононов // Филологические науки. – М., 1976, № 4.
71. Из истории алтаистики (статья первая) // Советская тюркология. – Баку, 1977, № 3. – С. 77–93.
72. О Всесоюзной тюркологической конференции в Алма-Ате 1976 г. // Вопросы языкознания / Соавторы И.В. Кормушин и др. – М., 1977, № 4.

73. В.В. Радлов и проблемы алтаистики // Советская тюркология. – Баку, 1978, № 1. – С. 96–102.
74. Об алтайской языковой общности // Тюркологический сборник, 1974. – М., 1978.
75. О жизни и творчестве С.Е. Малова // Тюркологический сборник, 1975 / Соавтор И.В. Кормушин. – М., 1978.
76. К проблеме тождества аффиксов в алтайских языках // Тюркологический сборник, 1975. – М., 1978.
77. Формы выражения способов глагольного действия в алтайских языках // Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. – Л., 1978. – С. 88–177.
78. К типологии выражения характера протекания действия в урало-алтайских языках // Финно-угорские народы и Восток. УЗ ТГУ. – Тарту, 1978, № 455.
79. Взгляды акад. Видемана и проф. Веске на урало-алтайскую проблему // Финно-угорские народы и Восток. УЗ ТГУ. – Тарту, 1978, № 455.
80. Из истории алтаистики (статья третья) // Советская тюркология. – Баку, 1979, № 4. – С. 94–100.
81. К прочтению абаканского памятника // Средневековый Восток / Соавтор Д.Д. Васильев. – М., 1980.
82. Алтаистика XIX в. // Тюркологический сборник. 1977. – М., 1981.
83. Тюркский *-a* как показатель способа действия на фоне других алтайских языков // Тюркологический сборник. 1977. – М., 1981.
84. Лингвистические взгляды Алишера Навои // История лингвистических учений. – Л., 1981.
85. Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие «грамматическая категория» // Советская тюркология / Соавтор В.Г. Гузев. – Баку, 1981, № 3. – С. 22–35.
86. О.Н. Бётлингк как компаритивист-тюрколог // Советская тюркология. – Баку, 1982, № 4. – С. 52–66.
87. Стаив и перфект пассива в узбекском языке // Типология результативных конструкций. – Л., 1983. – С. 118–123.
88. Конструкции с модальными словами *экан* и *эмиш* в узбекском языке // Категории глагола и структура предложения. – Л., 1983.
89. Фаза прекращения процесса в узбекском языке // Советская тюркология / Соавтор Б.Х. Ризаев. – Баку, 1983, № 4. – С. 79–91.
90. Аспектуальные значения аналитических образований и разряды глагольной лексики в узбекском языке // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. – Л., 1984. – С. 128–165.
91. О грамматическом статусе некоторых сложновербальных конструкций // Востоковедение. 9. – Л., 1984.
92. Теоретические взгляды тюркологов О.Н. Бётлингка и В.В. Радлова // Грамматические концепции в языкознании XIX века. – Л., 1985.
93. Конструкции с модусными значениями в узбекском языке // Типология конструкций с предикатными актантами. – Л., 1985.
94. Морфосемантическая этимология – ведущий принцип построения «Этимологического словаря тюркских языков» // Теория и практика этимологических исследований. – М., 1985.

95. Уровни семантической абстракции и соотношение языковой и внеязыковой семантики в функциональной грамматике // Проблемы функциональной грамматики. – М., 1985. – С. 120–131.
96. К характеристике количественной аспектуальности в узбекском языке // Советская тюркология. – Баку, 1985, № 1. – С. 64–70.
97. К соотношению объективной действительности, логики и языка // Логика и язык. Сборник научных трудов / Соавтор О.В. Маслиева. – М., 1985.
98. К понятию грамматической категории (в свете фактов тюркской морфологии) // Тюркское языкознание / Соавтор В.Г. Гузев. – Ташкент, 1985.
99. Некоторые вопросы изучения видовременной системы в урало-алтайских языках // Урало-алтаистика: Археология. Этнография. Язык. – Новосибирск, 1985. – С. 188–193.
100. Предисловие // Зарубежная тюркология. Вып. 1 / Соавтор С.Г. Кляшторный. – М., 1986.
101. К соотношению лексических и грамматических значений в тюркских языках // *Turcologica*. 1986. – Л., 1986.
102. Качественная аспектуальность в тюркских языках // Востоковедение. Вып. 12. Филологические исследования – Л., 1986. – С. 53–59.
103. Акциональные группы узбекских глаголов // Востоковедение. 13. – Л., 1987.
104. О грамматической интерпретации бивербальных конструкций // Советская тюркология. – Баку, 1987, № 3. – С. 10–12.
105. Включать ли в древнетюркский этимологический словарь иранские и арабские заимствования? // Теория и практика этимологических исследований / Соавтор Л.С. Левитская. – М., 1988.
106. Некоторые проблемы тюркской диахронической морфологии и языковые особенности древнетюркских памятников // Советская тюркология. – Баку, 1988, № 2. – С. 70–74.
107. К деривационной истории тюркского аффикса *-i* // Исследования по уйгурскому языку. – Алма-ата, 1988.
108. Г.С. Садвакасов (некролог) // Восток / Соавтор А.М. Решетов. – М., 1992, № 4.
109. Заки Валиди и поэма «Кутадгу билиг» // Востоковедение в Башкортостане. История. Культура. 11. – Уфа, 1992.
110. Телеутов язык // Красная книга языков народов России. – М., 1994.
111. Тувинцев-тоджинцев язык // Красная книга языков народов России. – М., 1994.
112. Челканцев язык // Красная книга языков народов России. – М., 1994.
113. Чулымский язык // Красная книга языков народов России. – М., 1994.
114. Шорский язык // Красная книга языков народов России / Соавтор И.В. Шенцова. – М., 1994.
115. Алтайский язык // Государственные языки Российской Федерации: Словарь. – М., 1995.
116. Тувинский язык // Государственные языки Российской Федерации: Словарь / Соавтор Д.А. Монгуш. – М., 1995.
117. Хакасский язык // Государственные языки Российской Федерации: Словарь / Соавтор В.Г. Карпов. – М., 1995.

118. Вводные замечания: Алтайские языки // Контактологический словарь. – М., 1995.
119. О госпрограмме РФ по сохранению языков // Национальная школа / Соавторы В.П. Нерознак, М.В. Орешкина. – М., 1995.
120. О двух подходах к контрастивной грамматике тюркских языков // Вопросы тюркской филологии. Вып. III. – М., 1997.
121. Предисловие // Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. – СПб., 1997.
122. Языки малочисленных народов Севера // Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока / Соавторы Н.Я. Булатова, Н.Б. Вахтин. – СПб., 1997.
123. Концепция тюркского языкового типа в трудах Н.А. Баскакова // 90 лет Н.А. Баскакову: сборник. – М., 1997.
124. Sibirya türk halkları (etnik azınlıklar) ve dilleri: Sibirya Araştırmaları. – İstanbul, 1997.
125. К квантитативной характеристике ряда глагольных признаков в турецком языке // Типология. Грамматика. Семантика. – СПб., 1998.
126. In memory of N.A. Baskakov // Turkic languages. Vol. 2, No. 2. – Wiesbaden. 1998.
127. Урало-алтайская проблема в трудах Н.С. Трубецкого // Ежегодные международные чтения памяти кн. Н.С. Трубецкого. – М., 1999. – С. 51–53.
128. О роли древних контактов в истории современных уйгурского и узбекского языков // Проблемы лингвистической контактологии. – М., 1999.
129. Ранние хакасско-русские языковые связи // Проблемы лингвистической контактологии / Соавтор В.Г. Карпов. – М., 1999.
130. Корреляционная система глагольных признаков в турецком языке // Корреляционная типология. – Смоленск, 1999.
131. Значение эвиденциальности в узбекском языке // RES. Лингвистика. – М., 1999.
132. К понятию «функция» в функциональной грамматике // Вопросы тюркской филологии. Вып. IV. – М., 1999.
133. О близости турецкого и японского языков по квантитативным параметрам // Проблемы сравнительной лингво-культурологии. – М., 2000.
134. К соотношению «лексическое значение глагола – залог» // Язык. Глагол. Предложение. – Смоленск, 2000.
135. Заметка о форме на *-калак* в шорском языке // Чтения памяти Э.Ф. Чиспиякова. Часть 2. – Новокузнецк, 2000.
136. «Значение» и «функция» в функциональной грамматике А.В. Бондарко // Исследования по языкознанию. – СПб., 2001.
137. Языковой строй в трудах Е.Д. Поливанова // Е.Д. Поливанов и его идеи в современном освещении. – Смоленск, 2001.
138. Учебник родного языка в Концепции реформирования северной школы // Учебник XXI в. – СПб., 2001.
139. Государственные и родные языки в субъектах РФ и сохранение единого образовательного пространства // Полилог. – М., 2001.
140. Протоиерей Пётр Соловьёв // Евстафий. Исторический альманах. – Зарайск, 2001.

141. Телеутов язык // Языки народов России. Красная книга. – М., 2002.
142. Челканцев язык // Языки народов России. Красная книга. – М., 2002.
143. Чулымский язык // Языки народов России. Красная книга. – М., 2002.
144. Шорский язык // Языки народов России. Красная книга. – М., 2002.
145. Тувинцев-тоджинцев язык // Языки народов России. Красная книга. – М., 2002.
146. Алтайский язык // Государственные и титульные языки России. – М., 2002.
147. Тувинский язык // Государственные и титульные языки России / Соавторы Д.А. Монгуш, О.А. Бичелдей. – М., 2002.
148. Хакасский язык // Государственные и титульные языки России / Соавтор В.Г. Карпов. – М., 2002.
149. Сложение тюркской языковой общности и процессы её членения в свете идей Н.С. Трубецкого // Вавилонская башня: сб. статей. – М., 2002.
150. От издательства // *А.Н. Самойлович*. Краткая учебная грамматика османотурецкого языка / Соавтор Г.Ф. Благова. – М., 2002.
151. Проблемы плюрализма целей образования в полиэтническом образовательном пространстве России // Образование на Севере. Роль национально-регионального компонента в сохранении единства образовательного пространства России / Материалы научно-практической конференции. – М., 2002.
152. Проблемы современной тюркологии // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. Материалы конференции 10–11 апреля 2003 г. – М., 2003.
153. Проблемы и перспективы развития школьного учебника по родным языкам народов России // Региональный учебник XXI века. – Якутск, 2003. – С. 21–35.
154. Зарайск и Средняя Азия: у истоков производственной терминологии // Евстафий. Исторический альманах. – Зарайск, 2003, № 2. – С. 154–161.
155. Задачи и проблемы составления типовых программ «Родной язык» по языковым группам // Сборник материалов по подпрограмме «Научное и научно-методическое обеспечение функционирования и развития системы образования / Коллектив авторов. Часть 1. – М., 2003. – С. 7–24.
156. Хакасско-русские языковые связи // Вавилонская башня2: сб. статей / соавтор В.Г. Карпов. – М., 2003. – С. 28–45.
157. К типологии уступительных конструкций в узбекском языке // Вопросы тюркской филологии. Вып. V. – М., 2003.
158. К статусу «всеобщего формоизменения» в исторической грамматике // Языки Евразии: материалы конференции. – Уфа, 2003. – С.27–30.
159. О роли глагольных имён в истории тюркских языков // Вавилонская башня-3: сб. статей. – М., 2004. – С. 54–63.
160. Тенденции латинизации алфавитов в странах СНГ и ближайшего зарубежья // Полилог. – М., 2004, № 2. – С. 75–82.
161. Формирование единого (общего) образовательного пространства в аспекте функционального развития тюркских языков // Проблемы и перспективы сотрудничества государств-участников СНГ в формировании единого (общего) образовательного пространства. Труды конференции. – М., 2004.

162. Особенности учебника родного языка для коренных народов Севера // По-дилог, М.: МГЛУ, 2004, № 3. – С. 133–137.
163. A.N. Samoyloviç ve türk dillerinin sınıflandırması // Manas ünivertsitesi sosyal bilimler dergisi: Türkoloji özel sayısı. II. Kitap. Sayı: 11. – Bişkek, 2004. – С. 37–43.
164. S.E. Malov'un hayatı ve bilimsel çalışmaları hakkında // Manas ünivertsitesi sosyal bilimler dergisi: Türkoloji özel sayısı. I. Kitap. Sayı: 11 / Соавтор И.В. Кормушин. – Bişkek, 2004. – С. 225–230.
165. Теоретические взгляды О.Н. Бётлингк // О.Н. Бётлингк и тюркское языкознание: Сб. научн. статей / Отв. ред. П.А. Слепцов. – Якутск: Изд-во СО РАН. Якут. Филиал, 2005. – С. 5–30.
166. Национальная школа в общероссийском образовательном пространстве // Диалог культур: русско-татарские взаимосвязи / Материалы научн.-практич. семинара Всероссийской конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие» VI Кирилло-Мефодиевских Чтений. 17 мая 2005. – М.–Ярославль: Ремдер, 2005. – С. 27–31.
167. In memory of Edham Rahimoviç Teniřev (1921–2004) // *Turkic Languages* / Ed. by L. Johanson. Wiesbaden: Harrassowitz Vrlg., 2005, V. 9, N 2 / Соавтор К.Н. Бичелдей. – С. 163–167.
168. Глагольные имена в ранней истории тюркских языков // Вестник Вост. ин-та экономики, гуманитарных наук, управления и права. Научный ж-л. Спец. выпуск: Мир Востока. Ч. 2. – Уфа: Изд-во «Восточный ун-т», 2006. – С. 34–41.
169. Акциональность в алтайских языках: типология и «детерминанта» // Вопросы тюркской филологии. Вып. VI: материалы Дмитриевских чтений / Отв. ред. Ю.В. Щека. – М.: Акад. гуманитар. исследований, 2006. – С. 80–90.
170. Выдающийся ученый-тюрколог (К 85-летию со дня рождения чл.-корр. РАН, почетн. акад. АН РБ Э.Р. Тенишева // Вестник АН РБ.. – Уфа, Т. 11, № 2, 2006. – С. 62–65.
171. «Диван» Махмуда Кашгарского и сравнительно-историческая грамматика тюркских языков // Аспекты алтайского языкознания: материалы Тенишевских чтений / Отв. ред. М.Е. Алексеев. – М.: Советский писатель, 2007. – С. 132–140.
172. Люди и природа в зеркале алтайских языков // *Basileus*: сб. статей, посвященный 60-летию Д.Д. Васильева / сост. и отв. ред. И.В. Зайцев. – М.: Вост. лит., 2007. – С. 240–245.
173. Как нам быть с *ärinç*? // Тюркологический сборник. 2006 / ред. кол. С.Г. Кляшторный (пред.), Т.И. Султанов, В.В. Трепавлов. – М.: Вост. лит., 2007. – С. 235–245.
174. Языки коренных малочисленных народов Севера в свете Концепции национальной образовательной политики Российской Федерации // Реальность этноса. Педагогическое образование как важнейший фактор сохранения и развития культуры северных народов: Материалы IX Международной научно-практич. конференции / Под научн. ред. И.Л. Набока. – Санкт-Петербург, 27–29 марта 2007 г. – СПб.: Астерион, 2007. – С. 21–26.

175. Тюркология наших дней // Россия и Башкортостан: История отношений, состояние и перспективы. Материалы Международной научно-практич. конференции, посвященной 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав России. Уфа, 5-6 июля 2007. – Уфа: Гилем, 2007. – С. 209–211.
176. Проблемы и перспективы двуязычия в дошкольных образовательных учреждениях // Русский язык в образовательном пространстве Центральноазиатского региона СНГ. – Бишкек: КРСУ. 2007, с.42–45.
177. О форме на *-дык* в «Диване» Махмуда Кашгарского // Первый международный симпозиум по Махмуду Кашгарскому: доклады. – Лефкоша, 2008. – С. 69–72. (на турец. яз.)
178. Проектирование содержания и структуры примерных программ по родным языкам // Примерные программы для начального общего образования в условиях двуязычной образовательной среды / Соавторы И.В. Андреева, З.К. Тудвасева.– М.: ИНПО, 2008. – С. 51–58.
179. Лингвистическая мысль // Очерки истории исламской цивилизации. Т. 1. / Соавторы И.Г. Добродомов, А.И. Чайковская. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 254–292.
180. Obituary Ščerbak // *Turkic languages* / Соавтор И.А. Невская. – 2008, Volume 12, Number 2. – С. 155–160.
181. Памяти А.М. Шербака (1926–2008) // Российская тюркология / Соавтор И.А. Невская. – М. – Казань, 2009. – С. 112–115.
182. Кыпчаки в «Диване» Махмуда Кашгарского // Тюркологический сборник. 2007–2008. – М.: Восточная литература, 2009. – С. 284–293.
183. Некоторые рецессивные формы в карлукско-уйгурской временной парадигме // Сравнительно-историческое языкознание. Алтаистика. Тюркология: материалы конференции. – М.: Тезаурус, 2009. – С. 179–181.
184. Российская тюркология наших дней // Российская тюркология. – М. – Казань, 2009, № 1. – С. 3–7.
185. Туркий тилларда нисбат категориясининг семантик яруслари // Филология масалалари. – Тошкент, 2009, № 1. – С. 34–39.
186. Г.П. Мельников и проблемы тюркологии // Российская тюркология / Соавтор В.Г. Гузев. – М., 2010, № 2. – С. 35–44 .
187. In memoriam Vladimir P. Nedjalkov // *Turkic languages* / Соавтор И.А. Невская. – Volume 14, Number 2. – С. 7–13.
188. К историко-лингвистической интерпретации древнетюркских текстов // Российская тюркология. – М. –Казань, 2010, № 3. – С. 18–23.
189. Махмуд Кашгарский о языковых контактах народов Центральной Азии и Малой Азии // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Москва, 14 ноября 2011 г. / МГУ им. М.В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. – М. – С. 184–186.
190. Программный труд академика Д.Г. Тумашевой // Диалектология, история и грамматическая структура тюркских языков. Сборник материалов международной тюркологической конференции. 21–24 октября 2011 г. – Казань, 2011. – С. 9–12.
191. К публикации грамматики Иеронима Мегизера // Иероним Мегизер. Основы тюркского языка. – Казань: Магариф-Вақыт, 2012. – С. 5–9.

- 192–196. Персоналии: Э.А. Грунина, А.А. Чеченов, И.Г. Добродомов, А. Рона-Таш, Л. Юхансон // Российская тюркология / Соавторы А.В. Дыбо, И.В. Кормушин, Н.Н. Егоров, И.А. Невская. – М.–Казань, 2012, № 1(6). – С. 163–189.
197. Rusya Federasyonu'nda Dil Mevzuatı // Erhan Sovyetler Birliği'nin Dağılmasından Yirmi Yıl Sonra Rusya Federasyonu. Türk Dilli Halklar – Türkiye İle İlişkiler / Büyükakıncı & Eyuğ Bacanlı (eds.). – Ankara: Atatürk Kültür Merkezi Yayınları, 2012. – S. 69–106.
198. Пять языков у Махмуда Кашгарского // Тюркологический сборник. 2011–2012: Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. – М.: Вост. лит-ра, 2013. – С. 285–310.
199. К сопоставлению глагольных форм в рунических текстах // Тюркская руника: язык, история, культура (К 120-летию дешифровки орхоно-енисейской письменности). Ч. 1: Материалы Международной научной конференции (г. Кызыл, 10–11 июля 2013 г.). – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2013. – С. 25–27.
200. О функционально-стилистическом статусе языка «Дивана» Махмуда Кашгарского // Международный тюркологический симпозиум, посвященный памяти выдающегося тюрколога д.ф.н., проф., акад. РАН Э.Р. Тенишева (16–19 октября 2013 г.): сборник статей. – Казань: ГБУ «Республиканский центр мониторинга качества образования», 2013. – С. 70–73.
201. Ю.В. Щека // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность / Соавтор Е.А. Оганова. – М., 2013, №5. – С. 205–209.
202. Законодательная база языковой политики в Российской Федерации // Tehlikedeki diller dergisi: Türk dilleri / Journal of endangered languages: Turkic languages, Cilt 2, sayı 2 (2013), Ankara. – S. 26–47. – URL: <http://www.dergi.tehlikedekidiller.com/index.php/TDD/issue>
203. Международная научная конференция «Рукописи – первичный источник изучения национального наследия // Вестник МГУ. Сер. 13: Востоковедение. – М., 2013, № 2. – С. 90–91.
204. Ю.В. Щека // Вестник МГУ. Сер. 13: Востоковедение / Соавтор Е.А. Оганова. – М., 2013, №2. – С.92–96.
205. Индивидуально-личностное развитие школьников коренных малочисленных народов Севера // Педагогические науки / Соавтор А.Л. Бугаева. – 2014, № 3. – С. 11.
206. Повышение квалификации учителей в северных регионах России // Среднее профессиональное образование / Соавтор А.Л. Бугаева. – 2014, № 10. – С. 14–18.
207. К теоретическому обоснованию сопоставительного изучения языков // Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы. Материалы 5 Международной научно-практической конференции – Казань: Отечество, 2014. – С. 214–216.
208. Блестящий знаток турецкого языка и многогранный ученый Ю.В. Щека // Вопросы тюркской филологии: Материалы Дмитриевских чтений / Соавтор Е.А. Оганова. – М.: ИСАА, 2014, № 10. – С. 322–332.

Тезисы

209. О способах выражения видовых значений в алтайских языках // Проблема общности алтайских языков: тезисы. – Л., 1969.
210. Применение принципа деривации к описанию синтаксических структур предложения // Статистическое и информационное изучение тюркских языков: тезисы / Соавтор В.С. Храковский. – Алма-Ата, 1969.
211. В. Котвич о способах действия в алтайских языках // Проблемы алтаистики и монголоведения: тезисы. – Элиста, 1972.
212. К типологии выражения характера протекания действия // Финно-угорские народы и Восток: тезисы. – Тарту, 1975.
213. Взгляды акад. Видемана и проф. Веске на урало-алтайскую проблему // Финно-угорские народы и Восток: тезисы. – Тарту, 1975.
214. К проблеме идентификации аффиксов // Происхождение аборигенов Сибири: тезисы. – Томск, 1976.
215. Некоторые проблемы алтаистики в связи с проблемами этногенеза народов Сибири // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири: тезисы. – Омск, 1979.
216. К понятию грамматической категории: тезисы докладов на III Всесоюзной тюркологической конференции / Соавтор В.Г. Гузев. – Ташкент, 1980.
217. Уровни семантических абстракций в функциональной грамматике // Проблемы функциональной грамматики: тезисы. – М., 1983.
218. Проблемы тюркских реконструкций: глагольность, время // Типы языковых общностей и методы их изучения: тезисы. – М., 1984.
219. Аспектуальность в теоретических и описательных грамматиках тюркских языков // Вопросы советской тюркологии: тезисы докладов на IV ВТК. – Ашхабад, 1985.
220. Глагольная лексическая акциональность и способ действия // Функционально-типологические проблемы грамматики: тезисы. – Вологда, 1986.
221. О грамматической интерпретации бивербальных конструкций в алтайских языках // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности: тезисы 29 сессии ПИАК. – Ташкент, 1986.
222. Взаимосвязи функционально-семантических полей в тюркских языках // Тюркология-88: тезисы докладов и сообщений V ВТК. – Фрунзе, 1988.
223. Алтайский языковой тип и проблемы функциональной грамматики // Экология северных народов: тезисы – Новосибирск, 1995.
224. По поводу термина «функция» в функциональной грамматике // Функциональная лингвистика: тезисы. – Симферополь, 1995.
225. Урало-алтайская проблема в трудах Н.С. Трубецкого // Евразия на перекрестке культур: тезисы – М., 1999.
226. Залоговость в алтайских языках // Международный симпозиум: тезисы. – М. – Элиста, 1999.
227. Языки малочисленных этносов в образовательном пространстве РФ // Язык и общество на пороге нового тысячелетия: тезисы. – М., 2001.
228. О корреляции «толкование глагола – залог» // Категории глагола и структура предложения: тезисы. – СПб., 2001.

229. Некоторые аспекты реконструкции тюркских времён // 37 Международный конгресс востоковедов: тезисы. Т.1. – М., 2004.
230. Членение тюркской языковой общности и межгрупповые контакты в ранней истории // Языковые контакты в аспекте истории / VI Международная научн. Конференция по сравнительно-историческому языкознанию: тезисы. Москва, 29–31 января 2008 г. – М.: МГУ, филол. ф-т, 2008. – С. 77–78.
231. Некоторые аспекты реконструкции тюркских времён // 37 Международный конгресс востоковедов: тезисы. Т.1. – М., 2004.
232. Современная тюркология в России // 38 Международный конгресс востоковедов (ICNAS–38), 10–15 сентября 2007: тезисы докладов. – Анкара, 2007.
233. Членение тюркской языковой общности и межгрупповые контакты в ранней истории // Языковые контакты в аспекте истории. VI Международная научн. конференция по сравнительно-историческому языкознанию: тезисы. Москва, 29–31 января 2008 г. – М.: МГУ, филол. ф-т, 2008. – С. 77–78.
234. Этноязыковая ситуация в Центральной Азии X–XI вв. по «Словарю Махмуда Кашгарского» // 8 Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. Оренбург, 1–5 июля 2009 г. – Оренбург: ОГАУ, 2009. – С. 460–461.
235. О статусе рунической формы на *-taçy / -daçy* // От Отукена до Стамбула (720–2010): тезисы симпозиума. Стамбул, 3–5 декабря 2010 г. – Стамбул, 2010. – С. 11. (на турец. языке).
236. Эпос «Манас» и современная тюркология // Тезисы докладов Международно-научно-практической конференции «Эпос “Манас” – памятник мировой эпической культуры», 18–19 декабря 2012. – М.: ИСАА МГУ. – С. 88–91.
237. Миноритарные языки в российском образовательном пространстве // Ломоносовские чтения. Востоковедение: тезисы докладов научной конференции 16 апреля 2012 г. – М: ИСАА, 2012. – С. 223–224.

Редактирование

238. Древнетюркский словарь / Сост. Т.А. Боровкова, Л.В. Дмитриева, А.А. Зырин, И.В. Кормушин, Н.И. Летягина, Д.М. Насилов, В.М. Надеяев, Э.Р. Тенишев, Л.Ю. Тугушева, А.М. Щербак; ред. В.М. Надеяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. – Л., 1969.
239. Красная книга языков народов России. – М., 1994.
240. Государственные языки Российской Федерации: словарь. – М., 1995.
241. Таганова М.А. Итеративность в туркменском языке / Соредатор А. Овезов. – Ашгабат, 1995.
242. Шенцова И.В. Акциональные формы глагола в шорском языке. – Кемерово, 1997.
243. Национальная школа: тунгусо-маньчжурские языки: сборник / Соредатор Л.М. Горелова. – М., 1997.
244. Концепция модели этнической школы для коренных малочисленных народов Севера РФ. – М., 2001.
245. Алтайская национальная школа: сборник статей. – М., 2001.

246. Типовая общеобразовательная программа по языкам тунгусо-маньчжурской группы для школ народов Севера. – М., 2001.
247. Образование. Язык. Культура: сборник статей. – М., 2002.
248. Языки народов России. Красная книга. – М., 2002.
249. Государственные и титульные языки России. – М., 2002.
250. Национальная школа. Образование. Язык. Культура. – М., 2002.
251. Самойлович А.Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника / Соредактор Г.Ф. Благова. – М.: Вост. лит-ра, 2005.
252. Рассадин В.И. Очерки по сложению тюрко-монгольской языковой общности. Ч. 1. Тюркское влияние на лексику монгольских языков. – Элиста: Изд-во КГУ, 2007.
253. Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков: Лексический фонд. Пратюркский период. – М.: Вост. лит-ра, 2007.
254. Вопросы тюркской филологии. Вып. VII. Материалы Дмитриевских чтений. – М.: МГУ, 2007.
255. Обучение родному (нерусскому) языку в условиях двуязычной образовательной среды. – М.: ИНПО, 2008.
256. Вопросы тюркской филологии. Вып. VIII. Материалы Дмитриевских чтений. – М.: МГУ, 2008.
257. А.Н. Самойлович: Научная переписка. Биография / Сост., автор Г.Ф. Благова. – М.: Восточная литература, 2008.
258. Вопросы тюркской филологии. Вып. IX. Материалы Дмитриевских чтений. – М.: МГУ, 2009.
259. Формирование методической культуры учителя как фактор повышения качества преподавания и уровня знаний учащихся по родным языкам / Под общей редакцией Д. М. Насилова, М.Н. Кузьмина. – М.: ИНПО, 2010.
260. Ганиев Ф.А. Толковый словарь составных глаголов татарского языка. В 2-х частях. – Казань: Изд-во МНФ «Перавита», 2011–2012. (на тат. языке).
261. Благова Г.Ф. История тюркологии второй половины XIX – начала XX века в России. – М.: Вост. лит-ра, 2012.
262. Вопросы тюркской филологии. Вып. X. Материалы Дмитриевских чтений. – М.: МГУ, 2014.
263. Древнетюркский словарь. Издание второе, пересмотренное / Под ред. Д.М. Насилова, И.В. Кормушина, А.В. Дыбо, У.К. Исабековой. – Астана, изд-во «Гылым», 2016.

Рецензирование

264. Рец. на кн.: *Монгуш Д.* Формы прошедшего времени в тувинском языке // *Mitteilungen d. Instit. f. Orient Forschungen.* – Berlin, 1967, XIII, № 3.
265. Рец. на кн.: *С.Н. Иванов.* Родословное дерево // *Народы Азии и Африки /* Соавтор В.Г. Гузев. – М., 1971, № 3.
266. Рец. на кн.: *Т. Текин.* Орхонская грамматика // *Народы Азии и Африки.* – М., 1971, № 4.
267. Рец. на кн.: *Г. Хазаи, П. Циме.* Берлинские Турфанские тексты. I. // *Советская тюркология /* Соавтор Л.Ю. Тугушева. – Баку, 1972, № 3. – С. 120–122.

268. Рец. на кн.: *В.И. Рассадин*. Тофаларский язык // Вопросы языкознания / Соавтор Н.И. Летягина. – 1973, № 3. – С. 142–145.
269. Рец. на кн.: *Ж. Какук*. Исследования по истории османского языка // Советская тюркология. – Баку, 1974, № 2. – С. 96–100.
270. Рец. на кн.: *Г. Хазаи*. Турецкий язык XII века // Советская тюркология. Баку, 1974, № 4. – С. 111–112.
271. Рец. на кн.: Орфография тюркского литературного языка // Вопросы языкознания. – М., 1976, № 3.
272. Рец. на кн.: *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков // Советская тюркология. Баку, 1977, № 1. – С. 101–106.
273. Рец. на кн.: *Г.С. Садвакасов*. Язык уйгуров Ферганской долины // Советская этнография. – М., 1979, № 2.
274. Рец. на кн.: *Г.С. Садвакасов*. Язык уйгуров Ферганской долины // Коммунизм туги. – Алма-Ата, 1979. (на уйг. языке).
275. Рец. на кн.: *В.И. Рассадин*. Морфология тофаларского языка // Вопросы языкознания / Соавтор Н.И. Летягина. – М., 1981, № 6.
276. Рец. на кн.: *Ш. Текин*. Буддийская уйгурика юаньского времени // Народы Азии и Африки. – М., 1981, № 1.
277. Рец. на кн.: *Л. Юханссон*. Аффикс множественности в югов-восточных тюркских языках // Советская тюркология. Баку, 1983, № 3. – С. 89–93.
278. Рец. на кн.: *Благова Г.В.* Тюркское склонение в ареальном освещении // Вопросы языкознания / Соавтор Т.-М. Гарипов. – М., 1986, № 1.
279. Рец. на кн.: *Болд Л. Руника* Монголии // Восток / Соавтор И.В. Кульганек. – М., 1992, № 5.
280. Рец. на кн.: *Козинцева Н.А.* Локализованность действия в армянском языке // Вопросы языкознания. – М., 1993, № 2.
281. Рец. на кн.: *Благова Г.Ф.* Бабур-наме // Известия РАН. Серия языка и литературы. – М., 1996, № 5.
282. Рец. на кн.: *Гаджиахмедов Н.Э.* Словоизменительные категории имени и глагола в кумыкском языке (сравнительно с другими тюркскими языками). Махачкала: Юпитер, 2000. – 382 с. // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Вып. 3. Махачкала: ДГУ, 2001. – С. 335–344.
283. Рец. на кн.: Литература народов России: учебное пособие / Под ред. Р.З. Хайруллина и Т.И. Зайцевой. – М., 2016.

Научное руководство

1. Сюй Ина. Деепричастные полипредикативные конструкции в уйгурском языке. 10.02.22. – М., ИСАА, 1995.
2. Белякова А.В. Методика обучения синонимике алтайского языка в 5–9 классах образовательных учреждений Республики Алтай. 13.00.02. – М., ИНПО, 2005.
3. Медведева М.А. Проблемы формирования хакасского литературного языка и его нормы. – 10.02.02. – М., ИЯ РАН, 2005. (Совместно с В.Г. Карповым).
4. Умба А.М. Функциональный подход к обучению категории падежа имени существительного тувинского языка в 5–7 классах в общеобразовательных учреждениях Республики Тыва. 13.00.02. – М., ИНПО, 2005.

5. Доржу Н. С-о. Взаимосвязанное изучение состава слова и словообразования родного и английского языков в 5–9 классах общеобразовательных учреждениях Республики Тыва. 13.00.02. – М., ИНПО, 2005.
6. Муйтуева И.Н. Развитие родной речи на уровне текста учащихся 5–6 классов общеобразовательных учреждений Республики Алтай. 13.00.02. – М., ИНПО, 2005. (Совместно с Н.М. Хасановым).
7. Баджанлы Эйюп. Категория эвиденциальности в турецком языке в функционально-семантическом аспекте: в сопоставлении с алтайским языком. 10.02.22. – М., МГУ, 2005.
8. Володина Е.Г. Лексические заимствования из английского языка в современном турецком языке (на материале прессы). 10.02.22. – М., ИСАА, 2007.

Оппонирование

1. Гузев В.Г. Фонетика староанатолийско-тюркского языка (по материалам ленинградского списка «Сказания о Мелике данишменде»). – КД, 10.02.22. – Л., ЛГУ, 1966.
2. Нигматов Х.Г. Морфология тюркского глагола по материалам словаря Махмуда Кашгарского. – КД, 10.665. – Л., ЛГУ, 1970.
3. Бабанаров А. Разработка принципов построения словарного обеспечения турецко-русского машинного перевода. – КД, 10.02.21. – Л., ЛГУ, 1981.
4. Доржу Ч.М. Древнеуйгурские элементы в современном тувинском языке. – КД, 10.02.06. – М., ИЯ РАН, 1984.
5. Щека Ю.В. Интонология турецкого языка и проблемы ее общетеоретического обоснования. – ДД, 10.02.06. – М., ИЯ РАН, 1993.
6. Абилядаева К.М. Научные основы дифференцированного обучения русскому языку в нерусской школе (на материале 3–4 класса казахской начальной школы) – КД, 13.00.02. – М., ИНПО, 1994.
7. Карпов Г.В. Система глагола в современном хакасском языке (структурный и функциональный аспекты). – ДД, 10.02.06. – М., ИЯ РАН, 1995.
8. Чеченов А.А. Историческая фонетика карачаево-балкарского языка. – ДД, 10.02.06. – М., ИЯ РАН, 1997.
9. Дрон И.В. Топонимия Республики Молдова тюркского происхождения. – ДД, 10.02.20. – М., ИЯ РАН, 1997.
10. Курпешко Н.Н. Основы обучения родному (шорскому) языку в начальной школе в условиях двуязычия. – ДД, 13.00.02. – М., ИНПО, 1997.
11. Невская И.А. Типология локативных конструкций в тюркских языках Южной Сибири. – ДД, 10.02.02. – Новосибирск, ИФ СО РАН, 1997.
12. Михайлова Н.И. Формы побуждения в шорском языке. – КД, 10.02.02. – Новосибирск, ИФ СО РАН, 1997.
13. Гаджихамедов Н.Э. Словоизменительные категории имени и глагола в кумыкском языке. – ДД, 10.02.06. – Махачкала, Дагпедун-т, 1998.
14. Нечаева А.И. Система обучения иностранных студентов-филологов использованию видов глагола в русской речи. – ДД, 13.00.02. – М., МГПУ, 1998.
15. Кызласова М.А. Обучение лексике хакасского литературного языка в диалектных условиях в 5–7 классах. – КД, 13.00.02. – М., ИНПО, 1999.

16. Сунчугашев Р.Д. Оронимия Хакасии. – КД, 10.02.06. – М., ИЯ РАН, 1999.
17. Псянчин Ю.В. Стилистика словоизменительных категорий имени существительного современного башкирского литературного языка. – ДД, 10.02.02. – М., ИЯ РАН, 2000.
18. Сертчелик С. Сопоставительный анализ форм прошедшего времени в современных армянском и турецком языках. – КД, 10.02.20. – СПб., СПбГУ, 2000.
19. Абрегов А.Н. Названия растений в адыгейском языке: Синхронно-диахронный анализ. – ДД, 10.02.20. – М., ИЯ РАН, 2000.
20. Шайхулов А.Г. Структура и идеографическая парадигматика односложных корневых слов в кыпчакских языках Урало-Поволжья в континууме ареальной, межтюркской и общетюркской лексики. – ДД, 10.02.02. – М., ИЯ РАН, 2001.
21. Бурыкин А.А. Язык малочисленного этноса в его письменной форме (на материале эвенского языка). – ДД, 10.02.02. – СПб., СПбГУ, 2001.
22. Кетенчиев М.Б. Структура и семантика именных предложений в карачаево-балкарском языке. – ДД, 10.02.02. – Нальчик, КБГУ, 2001.
23. Мухтасырова Т.П. Обучение временным формам казахского глагола учащихся-казахов 5–7 классов школ Республики Алтай. – КД, 13.00.02. – М., ИНПО, 2002.
24. Грунтов И.А. Реконструкция падежной системы праалтайского языка. – КД, 10.02.22. – М., РГГУ, 2002.
25. Амырова Ж.М. Система преподавания имен прилагательных в алтайской средней школе. – КД, 13.00.02. – М., ИНПО, 2002.
26. Боргоякова Т.Г. Развитие социальных функций государственных тюркских языков республик Южной Сибири. – ДД, 10.02.02. – М., ИЯ РАН, 2003.
27. Алиев Тельман Асад оглы. «Сказание о хождении в Персию» Федота Котова как лингвистический источник (Реконструкция текста и его лингвистический анализ). – КД, 10.02.02. М., МГПУ, 2003.
28. Менгисанова С.Б. Арабизмы в кумыкском языке. – КД, 10.02.02. – М., ИЯ РАН, 2003.
29. Латфуллина Л.Г. Категория качественного прилагательного в современном татарском языке. – КД, 10.02.02. – М., ИЯ РАН, 2003.
30. Ондар Н.М. Парные слова в тувинском языке. – КД, 10.02.02. – М., ИЯ РАН, 2004.
31. Йылмаз О. Категория номинализации действия в современном турецком языке. – КД, 10.02.22. – СПб., СПбГУ, 2004.
32. Нуриева Ф.Ш. Формирование и функционирование тюрко-татарского литературного языка периода Золотой Орды. – ДД, 10.02.02. – Казань, КазГУ, 2004.
33. Бембеев Е.В. Лингвистическое описание памятника старокалмыцкой (ойратской) письменности «Сказание о хождении в Тибетскую страну Малодербентовского База-бакши». – КД, 10.02.02. – М., ИЯ РАН, 2004.
34. Даржа У. А-о. Наречия в тувинском языке. – КД, 10.02.02. – ИЯ РАН, 2005.
35. Мушаев В.Н. Структура и семантика калмыцкого предложения. – ДД, 10.02.22. – М., ИЯ РАН, 2005.
36. Нафикова З.Г. Методическая система обучения фонетике башкирского языка русскоговорящих детей 5–6 лет в условиях ДОУ. – КД, 13.00.02. – М., ИНПО, 2005.

37. Аврутина А.С. Опыт реконструкции фонологии языка древнетюркских рунических памятников. – КД, 10.02.22. – СПб., СПбГУ, 2005.
38. Рухлядев Д.В. Древнетюркские рунические надписи 8–9 вв. как памятник историографии: генезис жанра и структура текста. – КД, 07.00.09. – СПб., ИВ РАН (ЛО), 2005.
39. Тадинова Р.А. Тюркские лексические заимствования в системе северокавказских языков. – ДД, 10.02.02. – М., ИЯ РАН, 2006.
40. Джинцанова Е.А. Взаимосвязанное обучение видам речевой деятельности на уроках калмыцкого языка в начальной школе. – КД, 13.00.02. – М., ИНПО, 2006.
41. Дубровина М.Э. Язык древнетюркских рунических памятников как источник сведений для построения модели тюркской морфологии (субстантивное словоизменение). – КД, 10.02.22. – СПб., СПбГУ, 2008.
42. Олядыкова Л.Б. Калмыцкая безэквивалентная лексика и фразеология в русских переводах произведений Давида Кугультинова. – ДД, 10.02.02. – М., 2009.
43. Убушаев Н.Н. Проблема сложения диалектной системы калмыцкого языка и её функционирование. – ДД, 10.02.02. – М., ИЯ РАН, 2010.
44. Ульмезова Л.М. Глагольное словоизменение в турецком и карачаево-балкарском языках. – КД, 10.02.22. – СПб., СПбГУ, 2010.
45. Соян А.М. Местоименные скрепы в тувинском языке. – КД, 10.02.02. – М., ИЯ РАН, 2010.
46. Насипов И.С. Финно-угорские заимствования в татарском языке: синопсис и таксономия. – ДД, 10.02.02. – Казань, ИЯЛИИ им. Г. Ибрагимова, 2010.
47. Гайнутдинова А.Ф. Частеречная транспозиция (субстантивизация) в татарском языке в сопоставлении с русским языком. – ДД, 10.02.02 – 10.02.20. – Казань, ИЯЛИИ им. Г. Ибрагимова, 2011.
48. Гусейнов Г-Р. А-К. История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком. – ДД, 10.02.02. – 10.02.01. – М., ИЯ РАН, 2011.
49. Теоретические проблемы словообразования в тюркских языках (на материале шорского языка). – ДД, 10.02.02. – 10.02.19. – М., ИЯ РАН, 2011.
50. Казакбаева Г.А. Арабизмы в узбекском языке в прикладном и теоретическом аспектах. – КД, 10.02.22. – М, ИВ РАН, 2012.

СЛОВО О МОИХ УЧИТЕЛЯХ*А.В. Есипова,**г. Новокузнецк*

27 июня 2017 года ушел из жизни .... Кто? А правда, кто? Кем был для меня Дмитрий Михайлович Насилов? Официально – оппонентом на защите моей докторской диссертации, но мы познакомились с ним намного раньше, и я даже не помню, когда и как. Как-будто он был всегда и всегда должен был быть. Конечно, годы брали свое: изменилась осанка, походка, особенно за последний год, но Дмитрий Михайлович никогда не выглядел немощным, а был очень энергичным, активным, заинтересованным человеком, находящимся на пике научной и преподавательской жизни. Он всегда говорил о чем угодно только не о своей болезни. Сказать о нем одним или несколькими словами просто невозможно.

Был ли Д.М. Насилов серьезным широко известным и уважаемым в тюркологическом мире ученым? Безусловно. Успешным организатором науки? Конечно. Для коллег любимым руководителем-заведующим кафедрой? Несомненно. Ответственным и государственным деятелем? Да. Но все-таки, что же отличало или объединяло Дмитрия Михайловича с другими известными учеными? Это был человек из плеяды таких потрясающих людей, как Елизавета Ивановна Убрятова, Владимир Михайлович Надеяев, Майя Ивановна Черемисина, Эдгем Рахимович Тенишев, Валентин Иванович Рассадин. Это были всемирно известные ученые, преемники еще той, дореволюционной, интеллигенции, люди, которые держали тебя в своем сердце. Они были разного возраста. Среди них были учителя и ученики, но это были люди «одной крови». Отношения с Валентином Ивановичем Рассадиным были исключительно научными, но он все равно относился к этой плеяде ученых. Они были простыми и сердечными людьми, но познакомиться с ними и заслужить их внимание, можно было только по рекомендации и своими делами. Первым на моем жизненном пути встретился Владимир Михайлович Надеяев.

***Первый раз в «первый класс»
(Владимир Михайлович Надеяев)***

Изучением языков Сибири и Дальнего Востока занимался Отдел филологии Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии Наук СССР (сокращенно ИИФиФ СО АН СССР), под руководством очень известного ученого, профессора Елизаветы Ивановны Убрятовой. Этот научно-исследовательский институт находился в Новосибирском Академгородке. Новосибирск располагался рядом с моим родным городом (одна ночь пути в поезде). Елизавета Ивановна брала мало аспирантов. Было важно выяснить, есть ли шанс, чтобы она взяла над нами шефство. Мы только-только приступили тогда к изучению шорского языка в кружке под руководством недавно защитившего кандидатскую диссер-

тацию Электрона Федоровича Чиспиякова и по его совету поехали в Академгородок. Там нам сказали, что Елизаветы Ивановны сегодня на работе не будет, а позвонить ей может только Владимир Михайлович Надеяев. Лаборатория фонетических исследований, заведующим которой он был, располагалась в здании Президиума Академии Наук СО АН. Если сказать, что он нас встретил радушно, значит, ничего не сказать. Он встретил нас с распростертыми объятиями, когда узнал от кого мы, и весь светился от радости, говоря, что мы исследуем многие разделы шорской грамматики, опишем малоизученный язык одного из тюркских народов Сибири. Его энтузиазм мы, конечно, не могли разделить, так как знаний у нас практически никаких не было и слушали с удивлением и некоторым недоверием.

Вдруг открывается дверь в лабораторию и на пороге появляется академик А.П. Окладников [См. Википедия], директор института, вместе с каким-то известным зарубежным ученым и представляет ему всемирно известного профессора В.М. Надеяева. А профессор Надеяев, нимало не смущаясь, начинает представлять им нас, расписывая, какие замечательные открытия мы сделаем и какими великими учеными мы станем. Немая сцена, которую Владимир Михайлович даже не заметил. Алексей Павлович бочком-бочком (комнатка была совсем крохотная) покинул лабораторию и вывел оттуда своего удивленного спутника. А Владимир Михайлович, посмеиваясь, продолжал рассказывать, как будет сокращаться рабочий день, и люди получают больше свободного времени для занятий любимым делом, в том числе изучением языков малочисленных народов. С Елизаветой Ивановной, которая стала позднее моим научным руководителем, мы тоже встретились у нее дома. Владимир Михайлович ей, конечно, позвонил и расписал нас так же, как и тому иностранному профессору.

Владимир Михайлович был замечательным ученым, очень щедрым. Он раздавал свои мысли своим аспирантам, а они потом их раскрывали. Как-то я по глупости спросила его, не жалко ли ему своих идей. Он, смеясь, ответил: «А у меня не одна идея!» И это была чистая правда. Идеи из него так и сыпались. Он всегда был окружен своими учениками. Обычной была картина, когда на конференциях он вышагивал впереди, а за ним, веером, его аспиранты, которых он с радостью представляет подошедшим его поприветствовать известным ученым, которые бывали несколько растеряны от такой встречи.

Мне посчастливилось наблюдать за работой Владимира Михайловича вплоть до его смерти. Я тоже развивала некоторые идеи Владимира Михайловича, взятые из его трудов. Также я старалась, чтобы у меня не была только одна научная идея.

Боевое крещение (Майя Ивановна Черемисина)

Электрон Федорович Чиспияков, который привлек меня к изучению и исследованию шорского языка, учился в аспирантуре Томского государственного педагогического института у профессора А.П. Дульзона. В связи с его смертью завершал он свою работу под руководством Елизаветы Ивановны Убрятовой, поэтому со своими первыми научными докладами мы выступали в академических институтах и на конференциях мирового уровня, проходивших в нашей стране.

Свой первый научный доклад я сделала на Международной тюркологической конференции в Томске, и он даже получил хорошую оценку. Второй доклад я де-

лала в ИИФиФ СО АН СССР. Я спокойно слушала научные доклады до тех пор, пока не стали обсуждать доклад одного кандидата филологических наук, писавшего докторскую диссертацию. Докладчик был другом Майи Ивановны. Перебивая его, она сказала: «Ну что за галиматью Вы здесь несете?!» Потом разнесла его доклад в пух и прах и замолчала, смущенно улыбаясь и поглядывая на всех невинными глазами, как бы ожидая похвалы, или показывая, «вот я какая!». Я стала переживать за свое выступление, и меня в первый раз «хватил» хандроз. Плечо и рука сильно заболели. Мой доклад встретили тепло, но когда Майя Ивановна задала мне вопрос, ответ на который я знала, я не смогла разлепить губы. Майя Ивановна подождала и, решив, что я не знаю на него ответа, снисходительно посмотрела на меня и передала слово другому докладчику. А потом пригласила меня как будущую аспирантку Елизаветы Ивановны вместе с другими молодыми людьми к себе домой на ужин. Я сидела среди известнейших ученых, да еще и «нахально» разговаривала с ними на равных, понятно, что не на научные темы. Со временем боли прошли, не превратившись в хроническую болезнь.

Майя Ивановна стала, хотя и не официально, моим научным консультантом, и мы сотрудничали с ней вплоть до ее смерти. Отношения у нас были очень теплые. Разговаривала она эмоционально и образно, но хандроз меня больше не разбивал. В автореферате кандидатской диссертации надо было определить научную ценность проведенного исследования. Мне никак это не удавалось, и я написала что-то невразумительное. Прочитав это, Майя Ивановна возмутилась и сказала: «Понятно, что атомная бомба – это средство от тараканов! Но ведь не только же!!» Очевидно, что Майя Ивановна не сравнивала значение изобретения атомной бомбы и результаты моего скромного исследования, но вот так двумя короткими фразами она научила меня объективности.

Аспирантура. Елизавета Ивановна Убрятова

Елизавета Ивановна согласилась стать моим научным руководителем и взять меня к себе в аспирантуру, да еще и без вступительных экзаменов, только с учетом результатов кандидатских, которые все были сданы на «отлично». Неслыханное дело!!! Она только спросила, смогу ли я написать научную работу при больной маме и ребенке со слабым здоровьем, и попросила ее не подвести. Да, еще и создала мне идеальные условия для учебы. Благодаря тому что Елизавета Ивановна знала мои реальные семейные проблемы, я в Новосибирске была наездами. Большую часть времени я находилась дома, работала и отвозила ей написанное. Она читала все, что я писала, делала замечания, и я снова возвращалась домой их исправлять и ухаживать за своими родными.

Елизавета Ивановна никогда не вносила никаких правок в работу, она ставила маленькую галочку на полях, а потом перечисляла книги, которые мне нужно прочесть на эту тему, списки были длинные, я еле успевала все записывать. Когда она анализировала мои работы, у меня часто возникали новые мысли, которые мне хотелось сразу же выложить. Однако она меня всегда останавливала, говоря, напишите, а я посмотрю. Самой уничижительной ее оценкой была фраза: «Написано по последней книжке!» От меня требовалось точно знать, кто и что сделал в исследе-

дуемой мной области. Также она всегда говорила, надо смотреть, что покажет материал; теория строится уже на этом добытом материале. Она была щедрым научным руководителем. От нее можно было услышать, что аспирант сделал открытие, но если он что-то делал не так, тут же получал нелицеприятный отзыв.

У Елизаветы Ивановны была большая научная библиотека. Она находилась в ее кабинете. Напротив двери были два окна, между которыми висела фотография ее учителя Сергея Ефимовича Малова [См. Википедия]. Слева от двери стоял небольшой круглый стол, над ним прикрепленный к стене светильник. Под фотографией С.Е. Малова тоже был небольшой прямоугольный стол, а стены, справа и слева от окна, от пола до потолка представляли собой шкафы, набитые книгами. Между этими шкафами на полу до уровня столешниц тоже лежали стопками книги, оставались лишь два узких прохода, чтобы можно было добраться до окна. Елизавета Ивановна книги дарила своим аспирантам и другим ученым. Свои работы она выписывала в большом количестве и, когда аспирант выезжал в другой город, подписывала их работавшим там ученым и велела им дарить.

В самом начале моего обучения в аспирантуре она посоветовала мне учиться не только у нее, но брать все от Владимира Михайловича Наделяева и Майи Ивановны Черемисиной. Я и брала.

Майя Ивановна Черемисина

Майя Ивановна тоже читала все мои тексты. К ней можно было прийти в любое время суток, что о Елизавете Ивановне сказать нельзя. Расскажу только один случай. Однажды я закончила работу над очередным куском своей диссертации в 11 часов вечера. В голову мне пришла интересная идея, и мне очень хотелось ее обсудить. Чтобы попасть к Елизавете Ивановне, нужно ждать до утра, и я решила обсудить ее с Майей Ивановной по телефону. Я позвонила и начала рассказывать содержание написанного. Майя Ивановна меня остановила и пригласила в гости. «Сейчас?» – спросила я неуверенно. «Сейчас» – ответила она. У нее я оказалась уже в 12 часов ночи. Мы с ней увлеченно обсуждали мою работу. Закончили уже после двух часов ночи. А потом я радостно бежала по безлюдному Академгородку от Морского проспекта до Золото долинской, где находилось мое аспирантское общежитие, мимо Дома ученых и темнеющего за ним леса, мимо заснеженных деревьев с висящими на них коричневыми ранетками и алыми гроздьями рябины. Кругом белый снег с беличьими следами, и светло, как днем, от огромной желтой луны!

Эдгем Рахимович Тенишев

Однажды я опоздала подать заявку на международную тюркологическую конференцию во Фрунзе (Киргизская АССР), ныне Бишкек. Из нашего разговора Елизавета Ивановна узнала об этом и позвонила председателю оргкомитета конференции Эдгему Рахимовичу Тенишеву, с которым она вместе работала в Москве. Я ее не просила об этом, а просто высказала сожаление, что не удастся туда поехать.

Приглашение на конференцию я получила. К моему удивлению в аэропорту меня встретил на своей машине известный киргизский ученый, имя которого я,

к сожалению, забыла. С Эдгемом Рахимовичем я познакомилась на другой день на конференции. Он пришел послушать мое выступление, сказав, что Елизавета Ивановна рекомендовала меня, и он хочет со мной познакомиться. Он внимательно прослушал мой доклад, я подарила ему автореферат своей кандидатской диссертации, который он тут же внимательно просмотрел, и показала письмо ректору нашего института с обоснованием необходимости создания общественно-политического клуба шорской молодежи. Он как-то особенно оценил, что клуб общественно-политический, как правило, подобные клубы носили фольклорный характер. Доклад Эдгема Рахимовича поразил меня своей глубиной. На конференции мы встречались часто, и он всегда внимательно ко мне относился. Конечно, и машина в аэропорту, и внимание на конференции было им организовано в знак уважения к Елизавете Ивановне, но я невольно оказалась в комфортных условиях. С тех пор наши пути часто пересекались, он всегда проявлял интерес к моей научной деятельности. Прочтя черновик моей первой докторской диссертации, он предложил мне защищаться в Москве. Были назначены оппоненты и ведущая научная организация, но обстоятельства сложились так, что я защитилась уже после смерти Эдгема Рахимовича, написав другую работу.

Дмитрий Михайлович Насилов

Так все же, кем был для меня Дмитрий Михайлович? Однажды Майя Ивановна в письме ко мне написала, что наука нас никогда не предаст, нам не изменит, нас не бросает, а верно ждет, когда мы к ней вернемся, и благодарно принимает нас в свое лоно. Так вот, Дмитрий Михайлович – олицетворение этой науки. На мой взгляд, к нему подходят также фразы: «Мы в ответе за тех, кого приручили» и «Своих не бросаем!» К нему всегда можно было обратиться за помощью, да, собственно, и обращаться-то было не обязательно, он ее сам предлагал: информацию о научных мероприятиях, приглашения на конференции, обсуждение работы, книги, приглашения печататься, знакомство с учеными и т.д. и т.п. Можно было на какое-то время забыть о нем, а потом снова проявиться, и встретить теплое отношение без всяких обид.

Был ли он моим учителем? В прямом смысле, нет, но в определенной мере, да. А вот для многих сотен, а, наверное, и тысяч студентов на территории всего СНГ – конечно. Он болел за судьбу нашего образования. Он говорил, что ЕГ и отмена вступительных экзаменов на самом деле закрывает дорогу в вуз талантливой молодежи, открывая ее детям людей с толстым кошельком или занимающих высокие должности в своих регионах.

Он всегда с большим уважением относился к деятельности руководства МГУ по сохранению опытных кадров, перешедших рубеж пенсионного возраста. Он отмечал, что в этом сила нашего образования. Огорчался, когда до МГУ докатилась волна бумажной документации, заставляющей преподавателя думать не о том, что и как преподавать, а о том, как оформить очередной документ. Тревожился, когда вводили эффективный контракт.

Он был человеком с государственным мышлением, и поэтому его смерть – утрата государственного масштаба.

ЛИНГВИСТИКА

СОВМЕЩЕННЫЕ КОМПОНЕНТЫ ПОЛЯ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ
В БАШКИРСКОМ И КАЗАХСКОМ ЯЗЫКАХ

*Р.А. Абуталипова,
г. Стерлитамак*

Резюме: В башкирском и казахском языках компоненты функционально-семантического поля аспектуальности в его сфере взаимодействуют, взаимопересекаются и реализуются в речи как совмещенные (диффузные) аспектуальные значения. В репрезентации этих значений принимает участие большое количество аналитических моделей. В башкирском и казахском языках в данных конструкциях оба компонента представлены глаголами, имеющими общие исторические корни. Тем самым еще раз подтверждается единое генетическое происхождение башкирского и казахского языков.

Ключевые слова: башкирский и казахский языки, совмещенные компоненты, диффузный сегмент, поле аспектуальности

В современной функциональной грамматике аспектуальность рассматривается как универсальная функционально-семантическая категория, имеющая полевою структуру, в состав которой входят «частные» функционально-семантические поля кратности, интенсивности, лимитативности, длительности, фазовости и другие. В речи они реализуются вербальными средствами, относящимися к разным ярусам языковой иерархии, которые обуславливают их внутрикатегориальное взаимодействие и пересечение. Как отмечает И.П. Мучник, это взаимодействие «часто определенным образом окрашивает или даже модифицирует смысловое содержание анализируемой категории и в некоторой мере затрудняет выделение смысловой сущности изучаемой категории в ее «чистом», немодифицированном виде». Далее указывается, что для установления смыслового содержания той или иной грамматической категории «имманентный анализ этой категории самой по себе, без привлечения смежных категорий является недостаточным» [Мучник 1971: 104–105].

Значения смешанного типа, относящиеся к зоне аспектуальных значений, Ю.С. Маслов относит к «комбинированному» типу способов действия и приводит случаи совмещения значения количественной аспектуальности с качественно-аспектуальными значениями. Например, «прерывисто-смягчительный способ действия, где в одной глагольной форме сочетаются ослабленная интенсивность и многократность (*покалывать, покашливать, почитывать*); повышенная интен-

сивность комбинируется с начинательностью в глаголах аугментативного способа действия (*раскудахтаться, разговориться, рассвирепеть*) и др.» [Маслов 2004: 322–323]. Для обозначения совмещенного значения стальной и акциональной перфектности, которые «могут быть разграничены только с привлечением более широкого контекста либо даже не разграничиваться вовсе, так что приходится констатировать диффузную перфектность, относительное «равновесие» двух временных планов» Ю. С. Маслов использует термин ‘диффузность’ [Маслов 2004: 196].

Д.М. Насилов исследует явление пересечения полей множественности / залоговости на материале тюркских языков, и пишет о возможности межкатегориальной связи показателей взаимно-совместного залога и пассива в качестве словоизменительных аффиксов и их связи с темпоральностью [Насилов 1989: 31].

Мы в своих исследованиях рассматриваем явление взаимодействия полей аспектуальности и локативности [Абуталипова 2008 (1): 91–96], кратности и интенсивности [Абуталипова 2008 (2): 146–151], а также формы прошедшего времени глагола в башкирском языке с совмещенными темпорально-эвиденциальными значениями [Абуталипова 2017: 56–61].

В настоящей статье исследуются совмещенные (диффузные) компоненты поля аспектуальности в башкирском и казахском языках, реализуемые в речи аналитическими средствами.

Как известно, в тюркских языках агглютинативно-аналитического строя в репрезентации аспектуальных значений аналитизм является наиболее продуктивным способом деривации, в котором принимает участие большое количество моделей аналитических глагольных конструкций, образованных по модели «основной глагол в деепричастной форме на *-n/-б*, *-a/-э/-e/-i(-u)*, *-й* + собственно вспомогательный или функционально вспомогательный глагол(ы)» [Абуталипова 2008 (3): 88].

Аналитические конструкции, образованные по модели «основной глагол в деепричастной форме на *-n* + вспомогательные глаголы *ебар-* (башк.) / *жібер-* (казах.) ‘отпустить’ в функции вспомогательного компонента» выражают исчерпанность совершения краткого с оттенком неожиданности действия, процесса в один прием. Например: *сынаякты төшөрөп ебарзе* ‘уронил(а) чашку’ / *қойып жіберу* (казах.) ‘ударить (кулаком)’. Модель совмещает аспектуальные значения однократности, краткости и предельности. Функционально вспомогательный глагол в данной конструкции в башкирском и казахском языках имеет единый генетический корень. В процессе исторического развития языков произошло чередование начального согласного – *й/ж*, первого *э/и* и второго *э/е* гласных.

Аналитической моделью «основной глагол в деепричастной форме на *-n* + глагол *бир-* (башк.) / *бер-* (казах.) ‘дать’ в функции вспомогательного глагола-модификатора» выражается совершение одноактного предельного действия, обозначенного глаголом в деепричастной форме, за относительно короткий промежуток времени с оттенком быстроты. (В слове произошло чередование гласных *и/е*). Например: *укып бир* ‘прочти’ / *көріп беру* (казах.) ‘посмотри’. Аналитическая модель «основной глагол в деепричастной форме на *-n* + вспомогательный глагол *ташла-* (башк.) / *таста-* (казах.) ‘бросать, кинуть’ в функции глагола-модификатора» выражает исчерпанность энергичного совершения краткого дей-

ствия в один прием. (Налицо чередование согласных *ш/с*). Например: *өйөп таишланы* (башк.) ‘сгрудила’ / *айтып тастау* (казах.) ‘высказать’. Модель «основной глагол в деепричастной форме на *-n* + глагол *куй-* (башк.) / *қой-* (казах.) ‘поставить’ в функции вспомогательного глагола-модификатора» выражает одноактное краткое, следовательно, предельное, действие. (Наблюдается чередование гласных *у/о*). Например: *һызғырып куйзы* (башк.) ‘свистнул’ / *тұрғызып қою* (казах.) ‘поставить, поднять’. Аналитическая модель «деепричастие на *-n* + глагол *қалуы* (башк.) / *қалу* (казах.) ‘оставаться’ в функции вспомогательного компонента» выражает однократное действие с оттенком внезапности, кратковременности обозначенного основным глаголом действия, состояния. Например: *күреп қалды* (башк.) ‘увидел’ / *айырылып қалу* (казах.) ‘отбиться’. В казахском языке *қал-* в роли вспомогательного компонента используется и с деепричастной формой на *-а/-ә/-е*: *келе қалу* ‘появляться внезапно’. Модель «основной глагол в деепричастной форме на *-n* + глагол *ал-* ‘брать’ в функции вспомогательного компонента» в конструкциях типа *тамақ ялғап алыу* (башк.) ‘поесть, перекусить (досл.: присоединить, связать горло)’ / *жүрек жалғап алу* (казах.) ‘поесть, перекусить (досл.: присоединить, связать сердце)’ выражает краткость, предельность однократного действия, процесса. В данных формах функцию основного (смыслового) глагола выполняют устойчивые сочетания с идентичным значением в башкирском и казахском языках. (В словах *қал-* / *қал-*, *ал-* / *ал-* в башкирском и казахском языках звуковой состав совпадает полностью).

Как видим, в данных конструкциях наблюдается пересечение аспектуальных значений однократности, краткости и предельности. При этом глаголы *бир-, таишла-, куй-, қал-, ал-* (башк.) / *бер-, таста-, қой-, қал-, ал-* (казах.) в башкирском и казахском языках различаются в произношении лишь одного звука, что свидетельствует о единых исторических корнях данных слов.

Аналитические конструкции, выражающие однократные, но длительные действия, как правило, выражают неопределенные действия. В башкирском и казахском языках в данных конструкциях задействованы глаголы, имеющие также единые генетические корни.

Аналитические конструкции «основной глагол в деепричастной форме на *-n* + глагол *тор-* (башк.) / *тұр-* (казах.) ‘стоять’ (чередуются гласные *о/ұ*) в функции вспомогательного глагола-модификатора» передают значение длительности однократного действия в процессе его совершения. Если в семантике основного глагола в деепричастной форме не заложено значение длительности, он приобретает его: *янып тора* (башк.) ‘горит’ / *сөйлеп тұрмын* (казах.) ‘говорю (*выступаю*)’. Данная модель может передавать значение продолжения действия еще некоторое время, а также действия, совершаемые в ожидании кого-/чего-либо: *бара тор-* (башк.) ‘иди (досл.: пока продолжай идти)’ / *күтіп тұр-* (казах.) ‘ подождать (еще)’.

Аналитическая модель «основной глагол в деепричастной форме на *-n* + глагол *йөрө-* (башк.) / *жүру-* (казах.) ‘ходить, двигаться’ (чередуются гласные *ө/ү*) в функции вспомогательного компонента» образует аналитические конструкции со значением ‘находиться длительное время в состоянии, обозначенном производящей основой’. Например: *асыуланып йөрөй* (башк.) ‘он сердится (досл: ходит и сердится)’, *ғашық болып жүру* (казах.) ‘быть влюбленным’. С непереходными глаголами обозначает значение ‘длительное время заниматься тем, что обозна-

чено производящей основой'. Модель выражает длительность действия без указания на предел (при условии, если в семантике основного глагола нет указания на предел или результативность). Например: *эйәреп йөрө-* (башк.) 'следовать неотступно за кем-чем' / *әрленіп киініп жүру* (казах.) 'ходить красиво одетым'.

Аналитическая модель с глаголом *ултыр-* (башк.) / *отыр-* (казах.) 'сидеть' (чередуются ул/о) в функции глагола-модификатора передает значение процессуальности, реализуемое лишь в контексте. Например: *Казан тулы кош ите бешеп ултыра ине, ти* (башк.) – 'Варился (досл.: сидит, варясь) полный казан птичьего мяса' (из сказки). *Үйде омалып отыру* (казах.) – 'Сидеть в четырех стенах'. Если в синтаксической конструкции речь идет о действиях, совершаемых в сидячем положении, то глагол в деепричастной форме выступает в функции обстоятельства образа действия: *Парта артында китап укып ултыра* (башк.) – 'Сидит за партой и читает книгу (досл.: Сидит за партой, читая книгу)'.

В сфере репрезентации многократности (повторяемости, дробности, многоактности) действия, совмещенные со значениями неопределенности и длительности, аналитические конструкции задействованы мало. Можно привести лишь следующие модели: «основной глагол в деепричастной форме на *-п* (*-а, -ә*) + глагол *тор-* (башк.) / *тур-* (казах.) 'стоять' (чередуются гласные о/у) в роли модификатора». Конструкция выражает дробную кратность, регулярную повторяемость неопределенных действий, ситуаций. Например: *балыктар кармакка кабып (каба) тора* (башк.) 'рыбы попадают на удочку (то и дело, регулярно)' / *меним заказдарымды алып тура* (казах.) '(то и дело, регулярно) принимает мои заказы'. Такие же совмещенные аспектуальные значения может содержать аналитическая модель «деепричастия, выражающие однократные ситуации, + глагол *бар-* 'идти' в роли аспектуального модификатора». Например: *Төлкө балыктарзы ергә ырғыта бара* (башк.) 'Лиса (постепенно, друг за другом) бросает рыбы на землю'.

Исследуемый фактический материал башкирского и казахского языков показывает, что аспектуальные значения однократности / многократности, краткости / длительности, предельности / неопределенности модифицируются одними и теми же аналитическими моделями, имеющими различные фонеморфологические варианты. В то же время очевидно, что как основные глаголы в деепричастной форме, так и функционально вспомогательные глаголы в данных конструкциях имеют единый генетический корень. В процессе же исторического развития языков в них произошло чередование гласного и/или согласного звуков, однако они не мешают говорящему на башкирском и казахском языках понять значения аналитической конструкции, что говорит об этимологической общности этих глагольных лексем.

Таким образом, в башкирском и казахском языках компоненты функционально-семантического поля аспектуальности в его сфере взаимодействуют, взаимопересекаются и реализуются в речи как совмещенные (диффузные) аспектуальные значения. В репрезентации этих значений принимает участие большое количество аналитических моделей. В башкирском и казахском языках в данных конструкциях оба компонента представлены глаголами, имеющими общие исторические корни. Тем самым еще раз подтверждается единое генетическое происхождение башкирского и казахского языков.

Литература

- Абуталипова 2008 (1) – *Абуталипова Р.А.* Взаимодействие полей аспектуальности и локативности в русском и башкирском языках // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2008. – Вып. 4. – Ч. 2. – С. 91–96.
- Абуталипова 2008 (2) – *Абуталипова Р.А.* Кратность и интенсивность как доминирующие компоненты поля аспектуальности в башкирском языке // Искусство и образование. – 2008. – № 9. – С. 146–151.
- Абуталипова 2008 (3) – *Абуталипова Р.А.* Функционально-семантическая категория аспектуальности в башкирском языке. – Уфа: Гилем, 2008. – 294 с.
- Абуталипова 2017 – *Абуталипова Р.А.* Глагольные формы с совмещенными темпорально-эвиденциальными значениями в башкирском языке // Вестник Башкирского государственного университета. – Уфа: БГУ, 2017. – Т. 22. – № 1. – С. 56–61.
- Маслов 2004 – *Маслов Ю.С.* Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 840 с.
- Мучник 1971 – *Мучник И.П.* Грамматические категории глагола и имени в современном русском языке. – М.: Наука, 1971. – 298 с.
- Насилов 1989 – *Насилов Д.М.* Взаимосвязи функционально-семантических полей в тюркских языках // Советская тюркология. – 1989 – № 1. – С. 28–31.

Compatible components of the field of aspects in the Bashkir and Kazakh languages

*Ramzana Abutalipova,
Sterlitamak*

Summary: In Bashkir and Kazakh languages, the components of the functional-semantic field of aspectuality in its sphere interact, inter-intersect and are realized in speech as combined (diffuse) aspectual meanings. A large number of analytical models participate in the representation of these values. In the Bashkir and Kazakh languages, in these constructions both components are represented by verbs having common historical roots. This confirms once again the common genetic origin of the Bashkir and Kazakh languages.

Keywords: Bashkir and Kazakh languages, combined components, diffuse segment, field of aspectuality

Сведения об авторе

Абуталипова Рамзана Асхатовна – доктор филологических наук, профессор кафедры башкирской филологии Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета (СФ БашГУ); e-mail: rabutalipova@mail.ru

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДОМ» В ТАТАРСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

*Д.Р. Валеева,
г. Казань*

Резюме: Концепт является одним из ключевых терминов в современной лингвистике, поскольку по совокупности концептов можно судить о ментальной модели действительности, отражаемой в языке вообще и в сознании конкретных носителей языка в частности. Автор считает, концепт представляет собой посредничающую между человеком и миром динамичную ментальную структуру, объединяющую понятийную, ценностную, оценочную, языка.

Данная статья посвящена выявлению особенностей языковых реализаций концепта «Дом» в татарской картине мира. Были проанализированы лексикографические источники и художественные тексты. Особое внимание мы уделили базовым номинантам и репрезентантам концепта «Дом» в татарском языке – *йорт* и *өй*. На основании анализа средств вербализации концепта «Дом» в татарской языковой картине мира можно выделить в содержании исследуемого концепта как универсальные семантические компоненты, так и национально-специфические черты.

Ключевые слова: концепт, репрезентант, вербализация, лексема, картина мира, фразеологизм, пословица

Данная статья посвящена изучению концепта «Дом» в татарской картине мира. На основе анализа лексикографических источников и художественных текстов были рассмотрены особенности репрезентации концепта «Дом» в татарской ЯКМ и его взаимосвязи с другими концептами, что показало сложный и многослойный характер этого образования в татарской культуре.

Исходя из разнообразных трактовок самого термина «концепт» мы считаем, что концептом является посредничающая между человеком и миром динамичная ментальная структура, объединяющая понятийную, ценностную, оценочную, культурно-фонтовую информацию, воплощенную в вербальных единицах конкретного языка.

В татарском языке базовыми номинантами и репрезентантами концепта «Дом» выступают две лексические единицы – *йорт* и *өй*. В русском языке *дом* является родовым по значению словом в отношении ко всем остальным названиям дома, в то время как в татарском *йорт* и *өй* занимают примерно равные позиции, хотя между ними и есть семантические различия. Согласно Толковому словарю татарского языка *өй* имеет следующие значения:

- 1) 'жилое здание';
- 2) 'здание для какого-либо учреждения';
- 3) в собирательном значении 'вся семья или все люди, находящиеся в доме';
- 4) используется форма «дома» в качестве обстоятельства, которая передает такие смысловые оттенки: противопоставление у себя дома, т.е. там, где человек живет – учреждение, заведение (типа завод, фабрика) [ТТАС-3 2010].

Өй, прежде всего – это 'здание, построенное для проживания людей'.

Тышла әле караңгы төшереп житмәгән булуга карамастан, өйдә асылмалы лампага ут ягылган, алты тәрәзәнең дә зур, авыр пәрдаләре төшерелгән иде (М. Әмир) ('Хотя на улице ещё не совсем стемнело, в доме уже зажгли висющую лампу, тяжёлые занавески на всех шести окнах были опущены').

Өй – это 'место, где обитает кто-либо'.

Куянның өе – урманда, мәнченең өе өйдә (поговорка) ('Дом зайца – в лесу, дом кошки – в доме').

Это же слово активно используется в изафетных конструкциях в функции прилагательного со значением 'домашний, относящийся к дому или домашнему хозяйству'.

Шуннан соң Газизә апа байбикәнең өендә тегүчигү эшләрен эшләп, туры килгәндә өй эшләрен башкарып йөрде (Ә. Фәйзи) ('После этого Газиза-апа в доме богатой хозяйки выполняла работу по шитью и вышиванию, при случае занималась домашней работой').

Этим же словом называются разные постройки для хозяйственных нужд. Например, *каравыл өе* – 'караульный дом', *мал өе* – 'помещение (дом) для скота'.

Однако для татарской лингвокультуры данная номинативная единица обозначает прежде всего место проживания человека, он связан с домашним уютом, семьёй, кровно-родственными отношениями. Согласно традиционному распределению работы в семье, все обязанности внутри дома выполняли женщины, за пределами дома – мужчины. Это находит в языке прямое выражение, в частности, в наименовании женщины *өй түрәсе* ('глава, правительница дома') [Замалетдинов 2004: 72].

Лексема *өй* входит в состав различных фразеологических единиц и паремий. Рассмотрим некоторые фразеологизмы с данным компонентом.

Өйгә бату – 'погрязнуть в домашнем хозяйстве, в заботах о членах семьи'.

Өй тавыгы – (букв.: 'домашняя курица') – о человеке, который редко выходит из дома, сидит взаперти.

Өйдән ың-шың чыгу – так говорят, когда наружу выходят слухи о семейных неурядицах.

Өй эче (букв.: 'внутренности дома') – члены одной семьи.

Өй жәмәгәте – 'члены одной семьи или женщина – глава семьи'.

Өйдән торып (кына) кибән сугу (букв.: 'жать снопы, не выходя из дома') – так иронически говорят о человеке, ведущем хозяйство, не выходя из дома, т. е. о лентяе, бездельнике.

Өйдә сары чәчле балаларың елап калмагандыр ('наверняка у тебя дома не остались плачущие светловолосые дети') – упрёк, намёк на одинокого мужчину, который якобы спешит домой.

Өй туге (букв.: 'праздник дома') – обряд новоселья [Там же].

Йорт – более многозначное слово, оно имеет следующие значения:

1) 'жилое здание или помещение, предназначенное для различных учреждений, предприятий' (например, слово в этом значении используется в таких словосочетаниях, как *строить дом, каменный дом*);

2) 'Семья или люди, живущие вместе и ведущие одно хозяйство';

3) 'крыльцо дома, пространство перед дверью';

4) 'учреждение, заведение, обслуживающее какие-либо общественные нужды' (например, *Детский дом, Дом печати*);

5) 'родина, родная земля';

6) устар.: 'династия, род';

7) переносное значение: в сочетании с определенными словами (например, 'домашние дела'), 'хозяйство, а также сам процесс ведения хозяйства' [ТТАС-1 2010].

Йорт – это здание, сооружение, где размещается какое-либо учреждение или предприятие, или проживают люди.

Бу йорт Гариф эфэнде тора торган йорт булырга тиеш (Ф. Әмирхан) ('Этот дом должен быть домом, где живёт Гариф-эфенди').

Таиш йорт – 'каменный дом, *биш катлы йорт* – 'пятиэтажный дом'.

Йорт – также хозяйство отдельной семьи.

Жиде йорт бергә оешип, артель төзәргә булдык (Ш. Камал) ('Объединив семь домов, создали артель').

Йорт – двор с хозяйственными постройками.

Һәммәсе дә, йортка чыгып, кунактарны озатып калдылар (Ә. Файзи) ('Все проводили гостей, выйдя во двор').

Йорт – метонимический перенос, люди, живущие отдельным хозяйством, отдельной семьёй, или же члены нескольких семей, проживающих в одном доме.

Янгын бик тиз куркыныч төскә керде. Бөтен йорт аякка басты (Ә. Файзи) ('Очень скоро огонь слал угрожающим. Весь дом встал на ноги').

При этом для обозначения каких-либо учреждений используется только лексема *йорт*. Так, например, *Галимнар йорты* – 'Дом учёных' (официальное название учреждения), *галимнар өе* – 'дом, где проживают учёные'. В подобных контекстах эти слова очень чётко дифференцируются.

Слово *йорт* в татарском языке обозначает страну, родную землю. *Идел-йорт* (Волга-дом) – так издавна называли свою родину предки современных татар.

Йорт алып бару – 'вести хозяйство'.

Йорт иясе – в мифологии казанских и некоторых групп западносибирских татар – одно из названий домового, покровителя домашнего хозяйства, выполняющего функции домового и дворового.

Татары-мишари считали, *йорт иясе* в облике женщины в белом, зайца или белой собаки живёт на конюшне, в отличие от *өй иясе*, который живёт непосредственно в доме под полом. Впрочем, следует заметить, что иногда они отождествлялись [Замалетдинов 2004: 73].

Можно заметить, что в словах *йорт* и *өй* некоторые значения совпадают, частично перекрещиваются. Хотя в татарской лингвокультуре лексема *өй* связана с представлениями человека о домашнем уюте, тепле, семейном очаге, близких и родных людях, она, также как и *йорт*, способна актуализировать параметрические признаки здания.

Интересный материал предоставляют фразеологические единицы, пословицы и поговорки с компонентами *йорт* и *өй*, позволяющие выявить особенности лингвокультурного содержания исследуемого нами концепта в татарской языковой картине мира. С учетом семантики ФЕ и паремий нами была составлена тематическая классификация (в большинстве случаев представлен дословный перевод татарских пословиц на русский).

I. «Дом» – «Семья»:

- 1) *Бердәм өйдә бәрәкәт бар, бердәмсез өйдә һаләкәт бар* ('В сплоченном доме все хорошо, в недружном же поселяется смерть').
- 2) *Йортның корты бар* ('В семье не без урода').
- 3) *Һәр өйнең үз гадәте бар* ('В чужой монастырь со своим уставом не лезь').
- 4) *Өен нинди, көен шундый* ('Какой ты дома, такой и в жизни').
- 5) *Өендәге чүпне читкә чыгарма* ('Не выноси сор из своей избы').
- 6) *Кеше өендә идән сибәрмә* ('Не подметаи пол в чужом доме'. Близко по значению 'В чужой монастырь со своим уставом не лезь').

II. «Дом» – «Хозяин»:

- 1) *Ике хужалы өйдә чүп тездән булыр* ('В доме с двумя хозяевами много грязи, т.е. частые ссоры').
- 2) *Ишек ачык булса да, соран кер* ('Даже если дверь в доме не заперта, нужно спрашивать разрешения войти').
- 3) *Үз түрендә үз иркен* ('На своей территории каждый сам себе хозяин, т.е. делает все, что хочет').

III. «Дом» – «Хозяйство, хозяйствовать»:

- 1) *Йорт хужалыгы чабата ясау түгел* (Дом вести – не лапти плести').
- 2) *Хужалыкта кәкре кадак та кирәк* ('В хозяйстве пригодится даже кривой гвоздь').

IV. «Дом» – «Помещение, здание»:

- 1) *Өйдә утырып иһәр алып булмый* ('Сидя дома, нельзя взять города').
- 2) *Иске йортның кадерең яңасында беләсең* ('Ценность старого дома познаешь в новом. Ср. русское 'Что имеем, не храним, потерявши – плачем').
- 3) *Начар булса да, үз йортның булсың* ('Пусть плохой дом, зато собственный').

V. «Дом» – «Родина, родная земля, родной дом»:

1) *Туган өйгә тугыз кил* ('В родной дом приходи 9 раз, т.е. часто').

2) *Читтә кыйналган өен кайтыр, өендә кыйналган кая кайтыр?* ('Кого вдали побили, вернется домой, а куда идти тому, кого побили в своем доме?').

VI. «Дом» – «Гость»:

Ишек ачылган саен кунак кетмиләр ('Каждый раз, как открывается дверь, гостей не ждут', т.е. 'если дверь открывается, это еще не значит, что ждут гостей').

VII. «Дом» – «Друг»:

Ишектән кереп тәрәздән чыкмыйлар ('Если пришел в качестве друга, уходи тоже другом', досл. 'Если вошел через дверь, через окно не выходят').

VIII. «Дом» – «Окружающее пространство и люди»:

1) *Стеналарның колаклары, ишекларнең күзләре бар* ('У стен есть уши – у дверей глаза').

2) *"Өем үземнеке", димә – өй артындагы кеше бар* ('Дом только мой не говори'. За пределами дома есть люди).

IX. «Дом» – «Соседи»:

Өендәге халне күршеннәр сора, күршендәге халне башка авылдан сора ('О том, как обстоят дела в семье, спрашивай у соседей, а о состоянии дел соседских справляйся в другой деревне') [ТТФС-1 1990], [ТТФС-3 1990].

Приведенные паремии отражают связь концепта «Дом» в татарской лингвокультуре с другими «человеческими» концептами: «Семья», «Хозяин», «Хозяйство», «Собственность», «Родина», «Гость», «Соседи», «Жизнь», «Смерть». Если сравнивать отражение концепта «Дом» в русских и татарских пословицах, то можно выявить общее и разное. В русской и татарской культурах главное – уют дома, ощущение семейного очага. Особенностью татарской культуры для понимания дома является также нравственный, психологический критерий, который вводится за счет образа женщин и детей. Значимость приобретает поведенческий аспект с точки зрения определенных морально-этических норм.

Концепт «Дом» вербализуется не только с помощью единиц лексико-фразеологической системы (паремий в том числе), но и с помощью художественных текстов. Рассмотрим особенности репрезентации концепта «Дом» в произведениях татарской литературы, таких как «Килен төшерү» Фатиха Хосни, «Невысказанное завещание» Амирхана Еники, «Сюннатче-бабай» Гаяза Исхакий.

В рассказе Ф. Хосни понятие «дом» связывается прежде всего с семьей. Интересно здесь то, что Ф. Хосни передает народное представление о браке, своеобразный неписанный закон, который принято было соблюдать, а именно: жениться или выходить замуж сначала должны старшие в семье, лишь затем младшие: *«Моны кешегә айтеп булмый, безнең хәвефләрендә торган икенче ягы да бар: апаныкы гына түгел, безне дә срок җитүгә таба бара»* [Хосни 1988].

Отметим, что повествование ведется от первого лица множественного числа, то есть от имени детей. Они объясняют причину, по которой хотели, чтобы их приемная мать вышла замуж. Причина эта заключается в том, что дети сами приближались к тому возрасту, когда нужно было искать себе мужа: «*Апайдан элек сикереп кияүгә чыгу килешми, безнең халыкта юк гадәт*» ('Раньше апай выходить замуж не хочется, потому что у нашего народа нет такого обычая') [Там же].

Уже на примере данного рассказа можно заметить, что слова *йорт* и *өй* для обозначения понятия «дом» используются в разных контекстах. Их употребление в тексте разграничивается. Например:

«*Идарә йорты*» ('домоуправление', то есть учреждение, здание).

«*Алып кайт мине өеңә*» ('отвези меня в свой дом'. Дом в значении «семья»).

Кроме того, в рассказе Ф. Хосни переосмысливается связь «Дома» с иными понятиями, что можно будет увидеть и в других произведениях. Это образ женщины и ребенка. Женщина в татарском доме имеет большое значение. Однако здесь она не является хозяином, она не стоит над мужчиной. В семье женщина даже не играет роль второго хозяина после мужчины: «*Ике хуҗалы өйдә чүп тездән булыр*» ('В доме с двумя хозяевами много грязи, то есть частые ссоры'). Тем не менее, в доме, семье женщина выступает особым центром, связующим звеном. Для того чтобы был «өй», нужна женщина как хранительница домашнего очага. С образом женщины неразрывно связано понятие «дети». В связи с этим можно вывести одну из функций «дома» – правильно вырастить и воспитать детей.

Рассмотрим особенности реализации концепты «Дом» в рассказу Амирхана Еники «Невысказанное завещание». Дом в представлении человека – место, которое связывает его с корнями, с родственниками, то есть со «своими». Например:

«Здесь в земле Юлкотлы похоронены ее отец, мать, братья, сестры, ее дети, умершие в младенчестве, ее старик, с которым прожила свой век. Ну как она может все это бросить?» [Еники 1985].

Здесь прослеживается параллель с концептом «Дом» в русской культуре (произведение В. Распутина «Прощание с Матерой»):

«Она всегда боялась умереть на чужбине и быть похороненной в чужой земле». Нет, она хочет умереть здесь, в своем маленьком домике, в котором отдал богу душу ее старик, хочет быть похороненной своими односельчанами на маленьком деревенском кладбище, рядом со своим стариком и рано усопшими детьми» [Распутин 1989].

В рассказе наблюдается взаимосвязь между домом и человеком, что проявляется на уровне олицетворения:

Слова Акэби о своей избе: «Дом останется без присмотра» (возникают ассоциации с маленьким ребенком).

Или: «Есть у нее дом, состарившийся вместе с ней, какое-то имущество, добытое тяжелым трудом...».

«Скоро пришел ответ, в котором Гарифа... спрашивала Гульбикэ, как они стараются распорядиться осиротевшим материнским домом» [Еники 1985].

В представлении татарского народа «свои» не только кровные родственники, но люди, которые жили долгое время вместе, на одной территории, «свои» – это соседи, поэтому граница между домами стирается:

«Кто постарше, те прямо вошли в дом. Акэби была для них родным человеком. Всю жизнь они прожили с ней вместе, привыкли к ней, и проводить ее в далекий путь для них было большим событием» [Там же].

Как и в предыдущем рассказе, целостность дома, его единство обеспечивается женщиной, выступающей символом связи поколений и осуществляющей выход на новый вид пространства – пространство истории, которое сродни вечности. Тема памяти, взаимосвязи человека со своей семьей, корнями занимает центральное место в татарской литературе:

«Ну хорошо, жила на свете старуха Акэби. Она была до сих пор единственной живой нитью, связывающей их с родной землей, с ее жизнью, с ее народом. Рвется теперь эта последняя нить... Но вот, что страшно – с этой живой нитью будет отрезан путь к их родной земле» [Там же].

Далее обратимся к рассказу Гаяза Исхакий «Сюннатчы бабый», написанному в 1911 году. Можно заметить, что концепт «Дом» здесь он наполнен новым содержанием, новым смыслом.

Из двух обозначений «дома» в тексте наиболее частотным является *өй*. Слово *йорт* в большинстве контекстов используется для номинации жилого помещения. Его мы встречаем при описании внешней стороны дома, то есть со стороны улицы.

Лексическая единица *өй* для называния жилья встречается в рассказе сравнительно редко и возникает, как правило, при описании «дома» изнутри, т.е. помещения с внутренней стороны, а также в связи с хозяйством. Когда автор изображает различные предметы домашнего обихода, называет процесс хозяйствования, неизменно можно встретить именно *өй*. На наш взгляд, это объясняется тем, что *йорт* и *өй* в сознании татарского народа разграничиваются. Если *йорт* воспринимается как нечто официальное, то есть функция дома в данном случае – для общественных нужд, выраженное достаточно конкретно, так как при упоминании слова *йорт* возникают ассоциации со строением, какой-либо постройки. С семьей же и семейными отношениями соотносится прежде всего номинант *өй*.

Если в русской литературе дом сопоставляли с человеком, отождествляли с родственниками человека-хозяина, то в татарской литературе возникает не просто связь *человек – дом*, жилище здесь рассматривается как часть души человека, как его составляющая, т.е. нечто более близкое, чем просто родственник, человек, связанный с другим узам кровного родства. В тексте можно встретить интересную параллель: сначала дается описание старика неопределенного возраста, следом описывается его ветхий дом. За счет параллелизма возникает ассоциация, что дом тоже живое существо. То, что дом – частичка человека, его душа, нахо-

дит выражение в религиозном аспекте: «Они заходили в дом, говоря «Аминь» [Исхакий 1991]. Дом приобретает ореол святости, поскольку это «свое» для человека. А все, что свое, то свято. Для того чтобы подчеркнуть, что для каждого человека свой собственный дом является лучшим, автор в одном из контекстов расширяет пространственные границы дома за счет сравнения: «Один из углов дома, словно поле озимое» [Там же].

В связи с противопоставлением *свой – чужой* можно встретить также некий «подмен», когда свое становится чужим и наоборот. Это оказывается самым страшным для человека: «Дом, построенный с момента женитьбы, показался Сюннатче бабаю чужим, а не своим» [Там же]. Эта ситуация возникает, когда жена главного героя погибает. Так как женщина выступает как основа дома, то в результате смерти Гульзум-аби дом перестает быть родным, своим, а попытка совершить так называемый «обмен» или «подмен» (герой говорит о том, что если привести другую женщину, то восприятие дома может стать таким же, как раньше). На практике осуществление задуманного не удается, так как прошлое вернуть нельзя – в данном случае можно провести параллель с «Невысказанным завещанием» Амирхана Еники: чтобы человек почувствовал себя дома, своим, необходима связь с поколениями, корнями, чтобы и окружающие человека люди воспринимали дом своим.

Итак, концепт «Дом» вербализуется в татарском языке двумя лексемами, между которыми немало общего. Так, оба слова ассоциируются с неким зданием – местом проживания человека. При этом, понятие *йорт* более широкое, оно обозначает не только пространство внутри дома, как чаще всего бывает с лексемой *өй*, но может объединять двор и хозяйственные постройки. Чтобы наглядно увидеть различия, сравним два словосочетания: *өй эшләре* и *йорт эшләре*. При всём внешнем сходстве первое из них обычно обозначает работу, выполняемую внутри пространства дома, второе – вообще работу по хозяйству, в том числе – вне стен дома, во дворе или в хозяйственных постройках. Слово *өй* более интимно, больше связано с домашним уютом, родственными отношениями, это пространство внутри стен дома. Слово *йорт* ассоциируется со зданием вообще, причём не обязательно жилым. Слово *өй* никогда не обозначает страну или родную землю. *Йорт* образует особое пространство, обжитое человеком, в противовес *йортсыз жир* – необжитому человеком, дикому природному состоянию. Для предков татар, часто кочевавших с места на место, *йорт* – это своего рода особая модель мира (ср. *юрта* у казахов). *Йорт* создаёт особое пространство, преобразованное трудовой деятельностью человека, приспособленное к его нуждам и потребностям [Замалетдинов 2004: 73].

В татарской лингвокультуре дом хранит память о людях, создавших его. Для того чтобы человек почувствовал себя дома, своим, необходима связь с поколениями, корнями. Важно, чтобы и окружающие человека люди воспринимали дом своим.

Исследование средств вербализации концепта «Дом» показало сложный и многослойный характер данного образования в татарской культуре. Концепт «Дом» обладает как универсальными, так и национально-специфическими чертами, отражающими своеобразие и самобытность картины мира татарского народа.

Литература

- Еники 1985 – *Еники А.* Невысказанное завещание: Повесть и рассказы. – Казань: Татарское книжное изд-во, 1985. – 364 с.
- Замалетдинов 2004 – *Замалетдинов Р.Р.* Языковые реализации концептов материального мира и их национальная специфика (на примере *өй* и *йорт* в татарском языке) // Вопросы филологии. – 2004. – № 2 (17). – С.71–78.
- Исхакий 1991 – *Исхакий Г.* Зиндан: Избр. прозаич. и сцен. произведения. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. – 669 с.
- Распутин 1989 – *Распутин В.Г.* Живи и помни: Повести и рассказы. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1989. – 350 с.
- ТТАС-3 2010 – Татар теленец анлатмалы сүзлеге. Толковый словарь татарского языка. В трех томах / Под ред. Л.Т. Махмутовой, М.Г. Мехеммадиева, К.С. Сабирова, Ш.С. Ханбикова. – Казань: Татарское книжное изд-во, 2012. – Том I. А–Й. – 476 с.
- ТТАС-3 2010 – Татар теленец анлатмалы сүзлеге. Толковый словарь татарского языка. В трех томах / Под ред. Л.Т. Махмутовой, М.Г. Мехеммадиева, К.С. Сабирова, Ш.С. Ханбикова. – Казань: Татарское книжное изд-во, 2012. – Том III. Т–h. – 832 с.
- ТТФС-1 1990 – *Исанбет Н.* Фразеологический словарь татарского языка в 2 тт. (Татар теленец фразеологик сүзлеге. Ике томда). – Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. – Т. 1. – 494 с.
- ТТФС-3 1990 – *Исанбет Н.* Фразеологический словарь татарского языка в 2 тт. (Татар теленец фразеологик сүзлеге. Ике томда). – Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. – Т. 3. – 364 с.
- ТХМ-1 2010 – *Исанбет Н.* Татар халык мәкальләре. Өч томда. – Казань: Тат. кит. нәшр, 2010. – Т. 1. – 622 б.
- ТХМ-3 2010 – *Исанбет Н.* Татар халык мәкальләре. Өч томда. – Казань: Тат. кит. нәшр, 2010. – Т. 3. – 798 б.
- Хөсни 1988 – *Хөсни Ф.* Бер яшьлектә, бер картлыкта: повестьлар, хикәяләр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1988. – 495 б.

Verbalization of the concept “House / Home” in Tatar language picture of the world

*Dinara Valeeva,
Kazan*

Summary: Concept is one of the basic terms in modern language studies, because by the totality of concepts, one can judge the mental model of reality reflected in the language in general and in the consciousness of certain native speakers in particular. Author considers that the concept is a dynamic mental structure mediating between man and the world, combining conceptual, value and cultural information realized in the verbal units of a certain language.

The article is devoted to revealing of features of language realizations of the concept “House / Home” in the Tatar picture of the world. Lexicographical sources and artistic texts were analyzed. The author paid a special attention to the basic nominees and representatives of the concept “House / Home” in the Tatar language – *йорт* and *өй*. Based on the analysis of the means of verbalization of the concept “House / Home” in the Tatar language picture of the world, it is possible to distinguish in the content of the studied concept both universal semantic components and national-specific features.

Key words: concept, representative, culture, opposition, verbalization, lexem, picture of the world, phraseological unit, proverb

Сведения об авторе

Валеева Динара Рашидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук подготовительного факультета Казанского федерального университета; e-mail: dinaravr@mail.ru.

**КУБАНСКО-БУЛГАРСКИЙ ЯЗЫК
И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К ДРУГИМ БУЛГАРСКИМ ЯЗЫКАМ
В КОНТЕКСТЕ ВОПРОСА ОБ ОБЛАСТИ
ИХ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ**

Г.-Р.А.-К. Гусейнов,

г. Махачкала

Резюме: Анализ рассмотренных черт кубанско-булгарского языка в их отношении к волжско- и дунайско-булгарскому языкам, топонимических и этнонимических данных Северного Кавказа и прилегающих регионов Закавказья показал, что они носят практически единообразный диалектный характер. Было установлено, что исходной областью распространения булгарских языков следует считать Восточный Кавказ, где булгарское влияние на местные собственно кавказские языки оказалось наиболее существенным, затронув их словоизменительные системы.

Ключевые слова: кубанско-, волжско-, дунайско-булгарский языки, Северный, Восточный Кавказ, область первоначального распространения

Рассматриваемый вопрос еще не становился предметом специального изучения в условиях, когда сравнительно недавно автором была высказано предположение о том, что областью исходного (с последних веков до н.э.) проживания носителей булгарских диалектов/языков был Северный Кавказ, включая прилегающие с запада и востока регионы Закавказья. При этом с конца V – первой половины VI в. булгароязычные хон(огур)ы-протокумыки из восточного Предкавказья продвинулись к другим булгарским племенам, располагавшимся к северу от Кубани, и стали известны здесь под названием Огхондор-Блкар-пришельцы. Затем они переместились, видимо, и до Днепра, где находилась Булгария вставшего против авар в 635 г. Кубрата, ставшая известной в последующем как Белая Кумания, в которую входили Приднестровье и Приднепровье. Именно отсюда, а не непосредственно с Кубани, как обычно полагают, ушли на Балканы булгары-хоногуры, создавшие здесь в 679г. под предводительством Аспаруха свое государство [Гусейнов 2010а: 9, 18, 53, 55].

О гораздо более давнем, с первых веков н.э., пребывании булгар на Кубани говорит ее ротационное прабулгарское (первый наиболее древний тип) по происхождению название *Варданес* [Гусейнов 2010а: 53]. Оно упоминается еще во II в. н.э. Птолемеем [Ковалевский 1867], а затем VII в. в «Армянской географии».

По Кубани, в территориальной смежности с известной с VI в. Тмутараканью¹, проживали еще в середине X в. черные кубанские, или приазовские, болгары (булгары) со своим кубанско-булгарским языком, упоминавшиеся в договоре Игоря 944 г. с Византией и примерно тогда же вместе с болгароязычными касогами – Константином Багрянородным. Позднее их страна называлась, по данным Идриси (1154 г.), Черной Куманией с центром на Северном Донце. Название болгар-куманов связано с эндоэтнонимом кумыков, известных на Северо-Восточном Кавказе с VII в., и еще раньше отложилось на Центральном Кавказе в наименовании укрепления Кумания в Дарьяльском проходе, упоминаемом Плинием Старшим (77 г. н.э.) [Гусейнов 2010а: 53; Гусейнов 2013а: 71–73; Гусейнов 2014: 23].

К числу топонимических свидетельств пребывания болгар в Прикубанье следует отнести гидронимы *Кяфар* – левый приток р. Большой Зеленчук и *Лаба* – левый приток р. Кубани. Первый из них интерпретируется С.Я. Байчоровым как *кайвар* > *кафар* ‘западная (задняя) река’ [Хапаев 2013: 224]. В отношении второго с учетом явного разнобоя известных его этимологий [Твердый, № 487] следует отдать предпочтение интерпретации Х.М. Хаджилаева, связывающей его с древнетюркским и булгарским языками на основе сравнения с чув. *лапа* ‘ложбина’, ‘низина’, ‘лощина’ и якут. *лаба* ‘ветвь’, ‘исток реки’ [Хапаев 2013: 270]. При этом, вопреки мнению М. Рясанена о марийском (*лап*, *лон* ‘низина’, ‘низкий’, поддерживаемое удм., ненец. *лап* ‘пологий, низкий, приземистый’, коми *лапкыд* ‘низкий, невысокий’) происхождении чув. *лапа* ‘ложбина’, ‘низина’, ‘лощина’ [Егоров 1964: 125], следует принять во внимание семантически более близкие параллели, представленные в родственных тунгусо-маньчжурских языках [Федотов 1996: 1; 329–330], восходящие к исходному *лэвэ* ‘топь’, сравниваемому с формами монгольских языков [СТМС 1975: 1; 514], что позволяет предполагать, за исключением семантически рознящегося якут. *лаба*, максимально древний, возможно, праалтайский характер данной лексемы.

Кроме того, в первых веках н.э. не только в рассматриваемом регионе, но и южнее, болгароязычные касоги и черные болгары имели предшественников того же происхождения. К ним относятся традиционно отождествляемые с адыгами *зихи*, название которых имеет булгарское происхождение и означает ‘береговой, прибрежный’. Они были впервые упомянуты в начале I в. н.э. (во II в. н.э. стало известно (см. выше) булгарское название р. Кубань) и обитали южнее Таманского полуострова, где-то между гг. Туапсе и Гагра (последний в нынешней Абхазии). К V в. их территория переместилась на северо-запад, ближе к Таманскому полуострову, где протекала Кубань, – примерно до Цемесской бухты (нынешний г. Новороссийск). Не случайно и в дальнейшем *зихи* проживали в среде, которая включала в себя тюрко-булгарские племена. Так, после VI в. Прокопий Кесарийский называет в их окружении аланов, абазгов и гуннов-савиров, которые завладели побережьем Черного моря юго-восточнее Таманского полуострова (также

¹ Ее наименование, в т.ч. с учетом его вариантов в других источниках, имеет древнекумыкско-булгарское происхождение и восходит к *Тамтаракъ* *‘нижняя (равнинная) стоянка (крепость)’, отразившемуся в кумыкском фольклоре [Гусейнов 2010б: 122]. Это свидетельствует о пребывании в данном регионе населения, родственного пришлому древнекумыкско-булгарскому, о котором уже было сказано в предшествующем изложении.

в этот период рядом проживали *сагины* и *гунны-утригуры*). Причем в 25 км к югу от уже упоминавшегося г. Гагры не позднее конца VII в. упоминается традиционно отождествляемый с абазинами народ *авазов*, известный и как *абазги*, чье зетацистское название имеющее булгарские (хазарские) ротационные варианты *Авыр // Авар // Аваз // Абаз*, указывает на его возможное аналогичное происхождение. В VI–VIII и начале IX вв. племена *зихов* расселяются на восточном берегу Черного моря юго-восточнее Таманского полуострова [Гусейнов 2010а: 55–56; Гусейнов 2013а: 73; Гусейнов 2013б; Зихи].

К числу топонимических свидетельств булгарской принадлежности *зихов* следует присовокупить гидроним и ойконим Сочи, расположенный в области их прошлого (см. выше) пребывания. Они традиционно возводятся к названию убыхского племени *шаче* (*шьача*), проживающего в междуречье Шахе и Хосты, или убых. *шедше* в значении ‘море’, ‘у моря’, где *саша* ‘море’ [Твёрдый: 982]. Точнее, *шьуэ*, поэтому не исключено, что его источником могло послужить и потенциально булгарское – на основе чув. *šu~ šuw~ šāv* ‘река’, ‘вода’ при др.-тюрк. рун. *šub* ‘вода’ [СИГТЯ 2001: 88] (> убых. *шьуэ* ‘море’) + *āš* ‘внутренность, внутренняя часть’ [Севортян 1974: 389] + показатель принадлежности 3 л. ед. ч. *ā*, *-i* [Щербак 1977: 73].

Позиционное развитие в первой части этого слова пратюрк. *s > прабулг.š относится к числу наиболее древних конституирующих признаков прабулгарского языка [Дыбо 2007: 65] и обнаруживает, кроме славянских булгаризмов, широкий круг соответствий в языках Центрального и Северо-Восточного Кавказа, а также Дагестана. Ср. имеющие аналогичное происхождение: кум. *шав-ур* ‘рассол’ (для хранения сыра); осет. ирон. *swar*/диг. *sawœr* 1. ‘минеральный источник’, ‘минеральная вода’; 2. (в некоторых говорах) ‘рассол’ (например, для хранения сыра), а также балк. *šaurtu* – название местности в верховьях Чегема, известной своими минеральными источниками; кум. гидроним (родник) *Шав-ден-ек* и ойконим *Шава* (ср. осет. ирон. *swadon*/диг. *sawœdon*(œ) ‘источник’, ‘родник’, ‘ключ’, ‘ручей’); балк. *шавдан/шаудан* (в гидронимии), который мог отложиться в чеч.-инг. *šawdan ‘источник, ключ, ручей’ [Гусейнов 2010а: 25–26].

Не исключен аналогичный генезис по второму, более позднему типу ротацизма [Дыбо 2007: 65], который отразился в булгаризмах древнерусского и некоторых языков Дагестана, Центрального и Северного Кавказа [Гусейнов 2010а: 27], названия р. *Коракс* (< Корак-су –?), который упоминается Птолемеем (II в. н.э.). Она протекает между нынешними Абхазией и Грузией и отождествляется с р. *Кодори* (груз. при абх. *Кэдры*). При допущении, учитывая также особенности древнегреческой графики, искаженной передачи у Птолемея пратюркской производящей основы *куд- ‘лить, переливать’, восстанавливаемой А.М. Щербаком [Щербак 1970: 194], в которой, учитывая соответствие *й ~ з ~ д ~ д/т* в глагольной основе (ср. др.-тюрк. *qud-* ‘лить, наливать, разливать’) [ЭСТЯ 2000: 108], *-δ- > булг. -г- отразилось в *Корак* у Птолемея и тюрк. –д – в *Кодор/Кудры*.

Тот же тип ротацизма отразился в апеллятивах древнерусского и некоторых иных языков Дагестана, Центрального и Северного Кавказа, хазарском и «Истории албан» (VII в. н.э.), связанной с Восточным Закавказьем, а также в иранском татском. Причем здесь возможным центром иррадиации данного явления оказываются главным образом односложные слова табасаранского языка, в которых

ауслатному поствокальному *δ* южного наречия отвечает *p* северного наречия и *й* дубекского говора, что отчасти соответствует дополнительному правилу функционирования данного типа ротацизма, согласно которому **-δ- > j* в составе кластеров и на конце односложных слов и **-δ- > -r-* в интервокале и на конце глагольных корней [Гусейнов 2010а: 27–28].

Хотя выделение из прототюркской общности наиболее архаичных болгарских языков относится, по лексикостатистическим данным, ко времени не позднее I в. до н.э. [Дыбо 2007: 66], в пределах Кавказа болгары оказываются известными и раньше этого времени. Так, по сведениям одного из сирийских, а также армянских источников, уже к концу II в. до н.э. многие из болгар, отделившись от своих соплеменников, пришли в область Вананд, получившую свое название от названия этих поселенцев *вгндур(вх'ндур)*, т.е. *хон(огур)*, – в расположенные южнее Колхидской низменности верховья р. *Аракс* (< Арак-су – ?) (нынешняя Северо-Восточная Турция с центром в г. Карс) [Гусейнов 2013б: 66, 66–67 прим. 3]

О возможности сравнительного раннего обитания тюрков в этом регионе говорит и то, что здесь же находится исток р. Куры, упоминаемой в «Географии» Страбона (I в. до н.э. – I в. н.э.). Ее название имеет тюркское, известное также чувашскому языку происхождение [Гусейнов 2015: 128].

Появление болгар-хоногуров в этой области отнюдь не удивительно, если принять во внимание упоминание в I в. н.э. болгарского этнонимического наименования укрепления Кумания в Дарьяльском проходе, а также р. *Коракс* (*Кодор*). Истоки последней находятся на границе Цебельды и Карачая, происхождение рассмотренных гидронимов которого говорит о прошлом пребывании в его пределах болгарских племен. Некоторые из них могли, в принципе, перейти через Клухорский перевал и Кодорское ущелье Абхазии по берегу Черного моря в нынешнюю Северо-Восточную Турцию. Не исключены и иные, не входящие в число задач данного варианты объяснения появления болгар-хоногур в этой области, связанные, в частности, с гипотезой первоначального исходного расселения прототюрков в Западной (Передней) Азии [Гусейнов 2013б: 66–67; Кызласов 2011: 206].

При этом в отношении собственно кубанско-болгарского языка следует отметить, что его отдельные фрагменты получили отражение в текстах, написанных тюркским руническим письмом, близким к секлерским надписям. О болгарской принадлежности данного языка свидетельствует, в первую очередь, отражение в нем первого наиболее древнего типа ротацизм (*d'ur/čur* ‘сто’ при волж.-булг. *žür/žör* (VIII–XII вв.) то же) [Хакимзянов 1997: 47, 49]. Он известен болгаризмам венгерского, ранние (V–VII вв. н.э.) формы которого, связаны с Доно-Кубанским ареалом [Дыбо 2010: 83], где был представлен кубанско-болгарский язык, древнерусского и нахско-дагестанских языков наряду с развитием в них прабулгарской палатализации **s>š* [Гусейнов 2014: 20–21] (см. выше топонимике западного Закавказья). Те же кубанско-болгарские особенности обнаруживаются и в приэльбрусских рунических надписях [Байчоров 1977: 27], а в кубанско- и волжско-болгарском языках выделяются два диалекта: *t-* (в куб.-булг. *d'*) и *ž-* диалекты [Хакимзянов 1997: 51].

Анлаутное *d'-(/č-)* в данной лексеме вслед за А.В. Дыбо [Дыбо 2007: 27, 28, 31, 32] квалифицируется в раннебулгарском как «нечто вроде палатального взрыв-

ного, подобно горноалтайскому d' -». Для дунайско-булгарского ею предполагается переход раннебулг. d' - > $\dot{c}$ - [Дыбо 2007: 27, 28, 31, 32], который также имел место в кубанско-булгарском.

В отношении анлаута вышеупомянутая лексема обнаруживает близость и к дунайско-булгарскому языку в лице старославянского булгаризма ДОХЪТОРЪ 'подушка'. Данная форма входит также в систему (ранне-булг. d' - > чеч.-инг., азерб. диал. d -, удин., включая савир.-хазар. (V–VII вв.), d -/- $\dot{z}$ (ср. выше аналогичное волж.-булг. $\dot{z}$) анлаутных соответствий булгаризмов языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана [Гусейнов 2010: 36–37], а также венгерских булгаризмов [Гусейнов 2014: 24].

Другое более позднее, надо полагать, диалектное фонетическое явление, получившее отражение в кубанско-булгарском языке, – спирантизация и переход в ауслаутной позиции $-y$ в $-h$ или $-x$ наряду со случаем его сохранения – также обнаруживает близость к дунайско-булгарскому языку в то время, как в раннем волжско-булгарском X в. (записи ибн-Фадлана) ауслаутный $-y$ сохраняется, но позднее в надписях утрачивается. С другой стороны, следует отметить в кубанско-булгарском неустойчивость $-y$ - в интервокальной позиции, характерную для волжско-булгарского при его сохранении в дунайско-булгарском языке, например, *baɣatur* [Хакимзянов 1997: 49].

К последней форме примыкает др.-русск. БОГАТЫРЬ 'храбрый воин, витязь' (1136 г.) с неясным ($-g$ - или $-y$ -) качеством инлаутного $-z$ -, (южно)кумыкский антропоним *Baɣatur*/*Baɣatur*, отразившийся не только в даргинском, но и в осетинском языке, а также в грузинских памятниках письменности, датируемых периодом с V по X–XIV вв. [Гусейнов 2010: 40], в то время, как в Зеленчукской (приток Кубани) надписи X–XII вв. – *Пахатар* [ЭСТЯ 1978: 83], что указывает на закономерность, присущую кубанско-булгарскому языку. Сюда же примыкает, но нуждается в уточнении ДОХСЪ 'мышь' (в современном чувашском нет) из старославянского списка VIII в. «Именника булгарских князей», помещенного в восточнославянском (XVI в.) списке «Еллинского и римского летописце». Речь идет об отношениях с аналогичными, но изолированными названиям в нахских и андийских языках [Гусейнов 2010а: 40].

В области морфологии обращают на себя внимание в кубанско-булгарских текстах причастные, имеющие претеритное значение аффиксы $-tuyi/-tūgi$, $-ruyi/-rūgi$ и $-tūki$, известные и в волжско-булгарском. В надписях, считающихся булгарскими (включая, по всей видимости, и кубанско-булгарский), представлено лишь прошедшее категорическое (Preterit) время на $-ti/-tī/-tu/-du$, а в одном из волжско-булгарских диалектов и $-či$ ($\leftarrow -ti$) [Хакимзянов 1997: 51].

Причем эта последняя древнебулгарская (до VIII в.) палатализация известна не только ранним булгаризмам венгерского [Дыбо 2007: 47], но и прикаспийским тюркским языкам [Гусейнов 2010а: 34], не отразившись, однако, в известных кубанско-булгарских материалах. Вместе с тем сюда же следует присовокупить аффикс $-am(-em)$ кумыкских детских считалок, который совпадает с аналогичным показателем порядковых числительных дунайско-болгарского, волжско-булгарского, а также чувашского языков в условиях, когда промежуточное звено его употребления обнаруживается в кубанско (приэльбрусско)-булгарском языке [Гусейнов 2010а: 19].

При этом следует иметь в виду достаточно древнее пребывание предков кумыков – народа *hōn-k'* армянских источников, известного в Дагестане, Северо-Восточном и на Центральном Кавказе в IV–V вв. н.э., чье название вследствие развития $q \rightarrow (\chi) \rightarrow h$, отразившегося волжско-булгарских надписях XIII–XIV вв., и $*-n > -m$, известного широкому кругу булгарских языков, восходит к протоэндоэтнониму кумыков ($qum-uq < qom-uq < *qon-uq$ ‘оседлый’, откуда уже упоминавшееся *hōnoγ-ur* – самоназвание мигрировавших на Балканы болгар Аспаруха) [Гусейнов 2010а: 28, 31–32]. Не случайно в парадигме именного склонения к старому булгарскому аффиксу генетива $-(i)η$ [Дыбо 2007: 66], к которому обнаруживает близость общеогузский показатель $-in/-ing$, может восходить генетив $-in$, известный в общенахском, удинском, цахурском (Р.п.I на $-in/-yn$) языках, а также лезгинский, табасаранский, агульский, арчинский генетив на $-n$ при условии редукции вследствие освоения предшествующего гласного в булгарском показателе [Гусейнов 2009: 113], что поддерживается, по всей видимости, формантом генетива 2 $-own/-in$ в кавказско-албанском языке [Майсак 2010: 99 табл. 2] и указывает на давность возможного усвоения, вероятно, субстратного характера. Тем более, что и диалектные показатели дательного падежа – кубанско- и волжско-булгарский $-a$ и дунайско-булгарский $-e$ [Хакимянов 1997: 50] – отразились: первый – в памятниках албанского (агванского) языка VI–VIII или VI–IX вв. из Минчегаура в восточном Закавказье, в Азербайджане (они синхронны времени, когда савиро-хазарские (булгарские) диалекты были представлены в V–VIII вв. в пределах Азербайджана) [Гусейнов 2010в: 109–110] и второй – в аварском [Гусейнов 2009: 113]. При этом первичный датив в памятниках албанского (агванского) языка характеризуется вокалическим окончанием $-a$, $-e$, $-i$ или $-ow$ [Майсак 2010: 98], что, вероятно, еще раз указывает не только на распространенность данных аффиксов в булгарских диалектах Восточного Кавказа, но и на возможность их субстратного происхождения вместе с аффиксами генетива. Данное допущение обусловлено тем, что наличие форм генетива и датива в восточнокавказских языках является аномальным для эргативной конструкции предложения, представленной в своем стандартном виде в западнокавказских языках, в которых указанные падежи отсутствуют.

Произведенный сравнительно-сопоставительный диахронный анализ рассмотренных черт булгарских языков, главным образом, Северного Кавказа, включая прилегающие с запада и востока регионы Закавказья, а также топонимические и этнонимические данные, показал, что они, в целом, носят почти единообразный диалектный характер. И, помимо известных на сегодняшний день ареалов локализации кубанско-, волжско- и дунайско-булгарского языков, еще одной, но исходной областью их распространения следует считать Восточный Кавказ, где булгарское влияние на местные собственно кавказские языки оказалось наиболее существенным, затронув их, как было показано в предшествующем изложении, морфологические словоизменительные системы.

Волжско-булгарский язык является по отношению к ним исторически вторичным, так как появление болгар в Поволжье обычно связывают с их переселением в эту область после распада Великой Болгарии Кубрата. Она образовалась в 30-х гг. VII в. на восточных берегах Черного и Азовского морей,

на Таманском полуострове и в Прикубанье [История татар 2006: 116], т.е. в области, где был представлен с первых веков нашей эры кубанско-булгарский язык.

Литература

- Армянская география// http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/VII/Arm_Geogr/text1.phtml?id=2184
- Байчоров 1977 – *Байчоров С.Я.* Северокавказский ареал древнетюркской рунической письменности / Автореф. канд.филол.наук. – М., 1977. – 31 с.
- Гусейнов 2009 – *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* К континентно-типологической и генетической интерпретации эрозии эргативного строя восточнокавказских языков (на материале грамматических падежей) // Международная языковедческая конференция «Эргатив и эргативная конструкция в языках мира». – Тбилиси, 2009. – С. 112–113.
- Гусейнов 2010а – *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком. – Махачкала: Алеф, 2010. – 214с. (а).
- Гусейнов 2010б – *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Др.-русс. ТЪМУТОРОКАНЬ/ТЪМУТАРАКАНЬ и АШТАРАКАНЬ в контексте истории взаимоотношений тюркских языков народов Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – Пятигорск, 2010. Вып. 3. – С. 120–124(б).
- Гусейнов 2010в – *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* О названиях Кавказской Албании и албанском языке в контексте отношений с тюркскими (булгарскими) языками // Тезисы докладов 2-ой Международной научной конференции «Кавказские языки: генетико-типологически общности и ареальные связи». – Махачкала, 2010. – С. 108–110 (в).
- Гусейнов 2013а – *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* К историко-этимологической и этноареальной интерпретации тюркских компонентов двух граффити (№ 153 и 149) XI–XII вв. из собора святой Софии в Киеве // Российская тюркология. – М.–Казань, 2013. № 1(8). – С. 70–75 (а).
- Гусейнов 2013б – *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Об области первоначального расселения протоболгар и происхождения их названия по историко-лингвистическим данным // Academie bulgare des sciences linguistique balkanique. – София. 2013. Т. LII, № 2–3. – С. 59–71(б).
- Гусейнов 2014 – *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Сравнительный анализ булгаризмов языков венгерского, Северо-Восточного Кавказа и Дагестана в историко-этимологическом и ареальном контексте // Российская тюркология. – М.–Казань, 2014. № 2(11). – С. 20–26.
- Гусейнов 2015 – *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Об одном этноязыковом парадоксе, связанном с ареалом Дербента-страна (область) / Маскат и масаха-гунны // Материалы Международная научной конференции «Дербент в историческом процессе Кавказа и России». – Махачкала, 2015. – С. 125–137.
- Дыбо 2007 – *Дыбо А.В.* Лингвистические контакты ранних тюрков. – М.: Восточная литература, 2007. – С. 223.
- Дыбо 2010 – *Дыбо А.В.* Вокализм раннетюркских заимствований в венгерском // Finnisch-Ugrische Mitteilungen Band 32/33 Helmut Buske Verlag 2010: 83–132 // http://iling-ran.ru/dybo/1909_vocalism.pdf.
- Егоров 1964 – *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары, 1964. – С. 356.
- Зихи – Зихи// <https://ru.wikipedia.org/wiki/Зихи>.
- История татар – История татар с древнейших времен. – Казань: РухИЛ, 2006. Т. II. – С. 1080.
- Ковалевский 1867 – *Ковалевский Е.* Очерки этнографии Кавказа // Вестник Европы, 1867. Т. 4 // http://www.vostlit.info/Text/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1860-1880/Kovalevskij_E/text2.htm
- Кызласов 2011 – *Кызласов И.Л.* Алтаистика и археология. – М.: Тюркская академия, 2011. – С. 252.
- Майсак 2010 – *Майсак Т.А.* К публикации кавказско-албанских палимпсестов из Синайского монастыря // Вопросы языкознания. 2010. № 6. – С. 88–107.

- СТМС – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. – Л.: Наука, 1975. Т. I. – С. 672.
- СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – М.: Наука, 2001. – С. 822.
- Твёрдый – *Твёрдый А.В.* Топонимический словарь Кавказа, № 1087 // apsnyteka.org/640-toponimicheskii_s...
- Хахимзянов 1997 – *Хахимзянов Ф.С.* Булгарский язык // Языки мира. Тюркские языки. – М.: Наука, 1997. – С. 47–52.
- Хапаев 2013 – *Хапаев С.А.* Географические названия Карачая и Балкарии. – М.: Эльбрусид, 2013. – С. 575.
- Щербак 1970 – *Щербак А.М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. – Л.: Наука, 1970. – С. 202.
- Щербак 1977 – *Щербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). – Л.: Наука, 1977. – С. 191.
- ЭСТЯ 1974 – *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 1974. – С. 767.
- ЭСТЯ 1978 – *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюрк. и межтюрк. основы на букву «Б». – М.: Наука, 1978. – С. 350.
- ЭСТЯ 2000 – *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «К». – М.: Наука, 2000. – С. 261.

**Kuban-Bulgar language and its relation to other Bulgar languages
in the context of the question about area
of their initial distribution**

*Garun-Rashid Guseinov,
Mahachkala*

Summary: The analysis of the considered lines of Kuban-Bulgar language in their relation to Volga and Danube Bulgar languages, toponymic and the etnonimic data of the North Caucasus and adjacent regions of Transcaucasia has shown that they have almost uniform dialect character. It has been established that the initial area of distribution of Bulgar languages should be considered East Caucasus where Bulgar influence on local actually Caucasian languages was the most essential, having mentioned their inflectional systems.

Key words: Kuban-, Volga- and Danube Bulgar languages, North, East Caucasus, область первоначального распространения, area of initial distribution

Сведения об авторе

Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Дагестанского государственного университета; e-mail: garun48@mail.ru

ЯЗЫК ДРЕВНЕТЮРКСКИХ РУНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В АУДИТОРИЯХ ВОСТОЧНОГО ФАКУЛЬТЕТА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: МИНУВШЕЕ И НАСТОЯЩЕЕ

М.Э. Дубровина,

г. Санкт-Петербург (Санкт-Петербургский государственный университет)

Резюме: В статье освящается история изучения древнетюркских рунических памятников (далее ДТРП) в Санкт-Петербургском университете с 90-х гг. XIX в. и до наших дней. Представлена оценка трудов В.В. Радлова (1837–1918), П.М. Мелиоранского (1868–1906) и С.Е. Малова (1880–1957), своими исследованиями создавших основу для дальнейших всесторонних исследований ДТРП как важнейших источников сведений о языке и истории древних тюрков и фундамента для построения общей теории тюркской грамматики. Одним из важных результатов исследований языка ДТРП в СПбГУ в XX – начале XXI вв. стала разработка В.Г. Гузевым (род. 1939) и С.Г. Кляшторным (1928–2014) теории автохтонного происхождения рунического письма.

Ключевые слова: язык древнетюркских рунических памятников, история изучения рунических памятников, орхоно-енисейские памятники

В 1819 г. в Петербурге вновь учреждается Императорский Университет, преобразованный из Главного педагогического института. В нем открывается историко-филологический факультет, а в его составе – разряд восточной словесности. В 1854 г. это отделение восточных языков было преобразовано в факультет восточных языков, на котором были учреждены вначале девять кафедр, в том числе кафедра турецко-татарского языка. Можно с уверенностью сказать, что первые десятилетия существования восточного отделения (или факультета) основным направлением и для преподавания, и для исследований в области тюркологии были языки современные: турецкий, татарский, отчасти азербайджанский. Но со второй половины XIX в. в сферу научного и преподавательского интереса постепенно начинает входить так называемая древность: студентам начинают преподавать «этимологию» (т.е. морфологию и синтаксис) «турского» (т.е. чагатайского языка), проводить занятия по чтению и переводу исторических сочинений Абу-л-Гази-хана и сочинений ‘Алишира Нава’и с «этимологическими и филологическими объяснениями», а также читать курс истории джагатайско-татарской литературы. [Пылев 2009: 329].

Событиями огромной важности в тюркологии всего мира стали открытие древних тюркских памятников и, естественно, дешифровка рунического алфавита В. Томсенем (1842–1927) в конце 1893 г. С этого момента для тюркского языкознания вообще, и для восточного факультета в частности стало невозможным

оставаться в рамках изучения лишь современных тюркских языков и игнорировать язык древнетюркских рунических памятников (далее – язык ДТРП). Стали появляться первые опыты чтения орхонских и енисейских надписей, вызвавших большой интерес в научной среде. Можно проследить, как в течение почти 150 лет, несмотря на все политические и экономические пертурбации, проходившие в нашей стране, в Санкт-Петербургском (Ленинградском) университете с необычайной бережностью сохраняется традиция изучения и самих памятников, и их языка. Эта традиция продолжается благодаря радению и старанию тех ученых, которые работали в стенах университета, и которые с необыкновенной щедростью и искренностью передавали свои знания своим ученикам. Так прослеживается линия, в которой, как в ожерелье вплетены судьбы и деятельность крупных фигур, внесших свой огромный вклад в процесс постижения всего, что связано с древнетюркскими руническими текстами. Одними из первых ученых, которые вплотную занимались исследованием и самих памятников, и собственно того языка, на котором они были составлены, необходимо назвать В.В. Радлова (1837–1918) и П.М. Мелиоранского (1868–1906).

Как известно, В.В. Радлов официально не преподавал на восточном факультете СПбГУ, но имя этого величайшего ученого, невозможно отделить от истории факультета, в которую он вошел, во-первых, своими трудами, посвященными тюркским языкам, а во-вторых, своими учениками, которые и при его жизни, и затем работали на факультете и продолжали начатые им темы.

Изданием работ, посвященных рунике, В.В. Радлов занялся в так называемый петербургский период своей деятельности, а именно с 1891 по 1911 гг. Как пишет А.М. Щербак: «...петербургский период его жизни, пора научной зрелости, когда на смену поискам и собиранию материалов по живым тюркским языкам Сибири и Поволжья, ... пришло стремление проникнуть глубже в древность, ...заняться обобщением накопленных фактов». [Щербак 1972: 55].

Одну из первых своих задач В.В. Радлов видел в том, чтобы собрать все имеющиеся надписи, разыскать новые и сделать их доступными широкому кругу исследователей. Поэтому в 1891 г. он организует экспедицию в Монголию. В 1892 г. начинает выходить «Атлас древностей Монголии», включивший в себя описание и репродукции большого количества орхонских и енисейских надписей, таких как надписи в честь Кюль-тегина, Бильге-кагана и Тоньюкука, Онгинская надпись и другие более мелкие тексты. [Щербак 1972: 56].

Практически сразу после того, как В. Томсен осуществил дешифровку рунических знаков, а именно в январе 1894 г. В.В. Радлов предложил свой вариант прочтения и перевода текста памятника в честь Кюль-тегина. [Радлов 1894]. В одном из писем к В.В. Бартольду П.М. Мелиоранский так писал об этом событии: «Радлов засел и в один месяц (!) напечатал транскрипции и перевод 3 больших и 2 маленьких надписи...». [Насилов 1972: 74]. В виду важности этой работы для отечественной тюркологии Академия Наук дает разрешение на то, чтобы размножить ее и разослать в качестве предварительного опыта различным учеными и научным обществам. После чего, В.В. Радлов самолично напечатал транскрипцию и перевод текста в количестве 50 экземпляров и разослал ее по России и по Европе.

Исследования крупнейших рунических текстов В.В. Радлов активно продолжал в течение нескольких последующих лет и своего рода заключительными в

этом отношении можно назвать вышедшие в 1897 г. «Новое издание» [Радлов 1897] и в 1899 г. «Второе издание» [Радлов 1899] «Древнетюркских надписей Монголии». В «новом издании» В.В. Радлов обобщает имевшиеся до того времени разрозненные сведения в единый очерк, описывающий фонетику, морфологию и синтаксис древнетюркского языка, а также предлагает новую редакцию надписей в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана, дополнения и исправления к другим надписям, глоссарий. «Второе издание» он целиком посвящает памятнику в честь Тоньюкука.

На наш взгляд, нет необходимости подробно останавливаться на тех частных лингвистических выводах, к которым в большом количестве удавалось прийти В.В. Радлову в ходе его работы над памятниками [Щербак 1972]. Здесь и точные наблюдения в области фонологии, и интереснейшие находки в морфологии, синтаксисе и собственно в самой грамматологии. Тем не менее, несмотря на то, что многие выводы, прежде всего теоретического характера, впоследствии были опровергнуты другими исследователями, хотелось бы подчеркнуть необыкновенную значимость того вклада, который оставил после себя этот выдающийся ученый. Эта значимость заключается, прежде всего, в том, что В.В. Радлов одним из первых осознал необходимость перехода научного интереса от собирания и первичного описания фактического материала к его теоретическому осмыслению. Своим энтузиазмом, работоспособностью, необыкновенным лингвистическим чутьем, стремлением к обобщению этот ученый поднял тюркологическую науку на необычайную высоту. После В.В. Радлова стало невозможным заниматься простым собирательством фактов, добытые факты стали подвергаться глубокому анализу, нередко выходящему за пределы тюркологии и поднимающемуся до вершин общего языкознания. В связи с чем, можно с уверенностью поддержать распространенную среди советских тюркологов периодизацию, согласно которой тюркология конца XIX – начала XX веков подразделяется на до-радловскую и радловскую эпохи. [Кононов 1982: 120].

Несмотря на то, что сам В.В. Радлов не работал в Санкт-Петербургском университете, ему удалось взрастить целую плеяду тюркологов, некоторые из которых переняли его любовь к древним языкам и продолжали заниматься изучением памятников рунической письменности и языка, на котором они были составлены.

Одним из ближайших учеников В.В. Радлова был, бесспорно, П.М. Мелиоранский, внимание которого также привлекли орхонские и енисейские памятники. К сожалению, судьба отвела ему очень короткий творческий век — всего 13 лет¹, которые были посвящены собиранию и анализу фактического материала живых и древних тюркских языков, движимый мечтой о составлении общетюркской сравнительно-исторической грамматики. «Создание сравнительной исторической грамматики турецкого языка (тюркских языков – *М.Д.*) со всеми его многочисленными ответвлениями, — пишет он в предисловии к одной из своих работ, — есть, несомненно, одна из основных задач тюркологии. Для ее выполнения необходимо ознакомиться со всеми современными турецкими наречиями (тюркскими языками – *М.Д.*), проследить насколько это возможно, всю двенадцативе-

¹ Подробнее о биографии П.М. Мелиоранского см: Кононов А.Н. П.М. Мелиоранский и отечественная тюркология // Тюркологический сборник. 1972. — М., 1973. С. 7–17; Тенишев Э.Р. П.М. Мелиоранский — языковед // Тюркологический сборник. 1972. — М., 1973. — С. 17–23.

ковую историю турецкого языка вплоть до древнейших доступных нам памятников его, привести в связь и объяснить исторически все встречающиеся и раньше существовавшие в турецком языке фонетические явления, формы и синтаксические конструкции». [Мелиоранский 1900:1].

Именно поэтому языкам древнетюркских памятников П.М. Мелиоранский придавал такое большое значение. Ему принадлежат уже вошедшие в анналы тюркского языкознания слова: «Отдавая... полную справедливость важности изучения современных живых наречий турецкого языка, мы тем не менее должны признать, что главным материалом для исследования истории языка все-таки являются различные писанные источники – рукописи, надписи, монетные легенды и пр.» [Мелиоранский 1900:11].

Последние годы XIX столетия ученый совместно со своим учителем В.В. Радловым активно занимается проработкой и изданием вновь открытых памятников, написанных руническим письмом. В 1897 г. издается четвертый том «Сборника трудов Орхонской экспедиции», в котором П.М. Мелиоранскому принадлежит русский перевод памятников в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана, сделанный с немецкого перевода В.В. Радлова и несколько примечаний. [Радлов, Мелиоранский 1897].

В 1899 г. выходит в свет его статья, в которой он разбирает несколько строк рунической надписи из Семиречья и предлагает ее первоначальный перевод. [Мелиоранский 1899].

Интересно его наблюдение, сделанное в статье «Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями»: «Признаком довольно высокой культуры турок 8 в. является сама орхонская письменность. Известно, что в громадном большинстве турецких наречий в одном слове могут встречаться или только гортанные или только небные гласные, таков был и диалект орхонских турок VIII в. Эта особенность замечательно отразилась и на орхонской письменности: в письме у них употреблялись почти для каждого согласного звука два начертания, из которых одно соединялось только с гортанными, другое – только с небными; ошибки против этого правила так удивительно редки, что должны быть объяснены случайностями» [Мелиоранский 1898: 278].

Однако, несомненно, самой крупной работой П.М. Мелиоранского в руническом цикле была опубликованная магистерская диссертация «Памятник в честь Кюль-Тегина» [Мелиоранский 1899б]. В рамках настоящей работы целесообразным видится остановиться лишь на некоторых важных моментах. П.М. Мелиоранский не был первым издателем этого памятника, но предлагая свои поправки к переводу или транскрипции текста, он проявлял необыкновенную тактичность по отношению к тем, кто предложил более ранние варианты. Как справедливо звучат его слова: «...всякий берущийся за то же дело после другого находит некоторые (а иногда и многие) трудности уже преодоленными, а потому его работа легче». [Мелиоранский 1899б: 59]. Собственно сам текст и перевод памятника в честь Кюль-Тегина П.М. Мелиоранский предваряет значительным по объему «Введением», в котором подробно излагает историю открытия и изучения рунических надписей в предшествующий период, дает краткое описание орхонских стел и приводит исторические и этнографические сведения о народе «тугю», авторе представленного текста. [Мелиоранский 1899б: 1–11]. Далее дается пере-

вод 34 страниц с 10 по 44 работы В. Томсена «Inscriptions de l'Orkhon» [Мелиоранский 1899б: 15–46], так как именно «на этих страниц В. Томсен точно определяет значение и способ употребления всех знаков орхонско-енисейского письма, так что эта часть его труда в высшей степени интересна и важна для всех настоящих и будущих исследователей памятников». [Мелиоранский 1899б: 13]. Эта часть также снабжена примечаниями и комментариями самого П.М. Мелиоранского, в которых им сделаны интересные наблюдения по фонетике в связи с имеющейся графикой, а также по морфологии и лексике. Читая это сочинение, современный исследователь не может не удивляться тому, что транскрипция и перевод текста надписи, а также понимание лексической и морфологической сущности описываемых слов и словоформ немногим отличается от того, что имеется в настоящее время. При этом необходимо учитывать, что с момента дешифровки рунического письма прошло всего несколько лет! Таким образом, можно с уверенностью заключить, что уже к концу XIX в. в отношении орхонских памятников была проделана вся основная работа, и заслугой этому является не только одаренность самого П.М. Мелиоранского, но необычайно высокий уровень всей лингвистической науки того времени.

Другим близким учеником В.В. Радлова и поистине хранителем и продолжателем традиции русских тюркологов в области исследования рунических памятников в течение всей своей научной деятельности был С.Е. Малов (1880–1957). Он поступил на факультет восточных языков Петербургского университета в 1904 г. с желанием изучать не османский язык, который представлял собой основное направление на факультете в то время, а другие тюркские языки. [Иванов 1986: 146]. После ухода из жизни в 1906 г. П.М. Мелиоранского «неосманическая» тюркология в университете переживала трудный период, что побуждает молодого востоковеда искать применения своим устремлениям вне стен университета – в кружке В.В. Радлова. В.В. Радлов охотно принимает нового ученика и становится для него подлинным наставником. Занятия в кружке, а затем и совместные труды навсегда определяют путь С.Е. Малова в науке: он целиком отдается изучению живых тюркских языков и древних тюркских памятников.

По представлению В.В. Радлова С.Е. Малова дважды (1909–1911 и 1913–1915) командировали в Западный и Центральный Китай для изучения языков и этнографии уйгуров, желтых уйгуров и саларов. Во время первого путешествия С.Е. Малову выпала редкая удача: он нашел уникальный памятник древнего уйгурского языка «Алтын йарук» (Золотой блеск), который позднее, в 1913–1917 гг., был опубликован им и В.В. Радловым. Эту сутру В.В. Радлов перевел на немецкий язык, часть перевода была опубликована С.Е. Маловым в 1930 г. [Кононов 1982: 314].

В первые годы своей научной деятельности С.Е. Малов преимущественно занимался лексикой старотюркских памятников. Его картотека, содержащая около 100 тысяч карточек, легла в основу изданного учениками С.Е. Малова «Древнетюркского словаря», который по сей день является чуть ли не единственным справочником такого рода. До 1923 г. С.Е. Малов работал в Казани, но несмотря на это продолжал сотрудничество со своим учителем, В.В. Радловым. Он активно помогал В.В. Радлову над работой по подготовке к печати уйгуро-немецкого словаря, читал его корректуры. В 1918 г. он так писал об этом в письме к

А.Н. Самойловичу: «Я всегда, а в последний раз незадолго до смерти В.В. Радлова, получал от него и посылал обратно, исправив, корректуру уйгурско-немецкого словаря... Будет ли продолжаться набор уйгурско-немецкого словаря и будут ли изданы уйгурские документы?». [Насилов 1972: 85]. К сожалению, этот словарь так и не был издан, но многие его материалы легли в основу «Древнетюркского словаря». В 1928 г. он осуществляет издание подготовленной еще при жизни Радлова книги «Памятники уйгурского языка», в которую С.Е. Малов внес ряд своих исправлений.

Несмотря на то, что больше времени и внимания в области древних языков С.Е. Малов уделял исследованию древнеуйгурских текстов и их языку, его вклад в историю изучения рунической письменности нельзя переоценить. Благодаря его стараниям в свет вышли три монографии, в которых в полном объеме представлены тексты всех имеющихся на то время памятников, в том числе и рунического письма, с транскрипцией, переводами и подробнейшими комментариями. [Малов 1951; Малов 1952; Малов 1959]. Таким образом, ученый систематизировал и собрал воедино всю текстологическую информацию о памятниках и позволил тюркологам следующих поколений посвятить себя уже теоретическому осмыслению представленного фактического материала.

Последние десятилетия ознаменовались новыми достижениями в области изучения древнетюркских рунических памятников. В.Г. Гузев и С.Г. Кляшторный выдвинули гипотезу, позволяющую по-новому взглянуть на происхождение рунической письменности. В 1993 г. вышла в свет совместная статья «Проблема происхождения древнетюркской руники в свете общей теории письма (к столетию дешифровки)» [Гузев, Кляшторный 1993.], в которой была сформулирована идея об автохтонности этой письменности. В дальнейшем В.Г. Гузев продолжает разработку доказательной базы этой гипотезы [Гузев 1994; Гузев 2004]. Как известно, в науке, занимающейся собственно графической стороной рунического письма, общепринятыми считались два утверждения: 1) руническое письмо представляет собой алфавит, т.е. фонематическое письмо, когда одна графема соотносится с одной фонемой; 2) руническая письменность является заимствованной, ее источником был признан скорописный (курсивный) вариант согдийского письма V–VII вв. [Фридрих 1979].

Опираясь на положения общей теории письма и грамматологические закономерности, исследователи сосредоточили свое внимание прежде всего на внутренней стороне письма. Ведь внешняя форма знаков мало чем отличается от формы знаков североевропейских рун, что отмечал еще сам В. Томсен и объяснял это сходством материала (дерево или камень) и средства письма (каменный или металлический резец). Внутренняя форма этой письменности представляет собой смесь приемов, используемых как в предписьменных знаковых системах (родовые тамги, рисуночное письмо), так и во всех других эволюционно-последовательных этапах развития письменных систем: 1) существуют отдельные знаки, продолжающие использоваться как логограммы; 2) практически все тюркские руны способны функционировать как силлабограммы (знаки для слогов); 3) почти все знаки приобрели способность передавать отдельные фонемы. Таким образом, по своему внутреннему устройству древнетюркская письменность едва ли может быть отнесена к чистому алфавиту, это словесно-слогово-

буквенная система, только находившаяся на стадии алфавитизации. [Программа 2007: 22].

Описанное состояние (словесно-слогово-буквенное) рунического письма было детальнейшим образом проработано В.Г. Гузевым и подкреплено многочисленными примерами, взятыми из фактического материала древнетюркских памятников с одной стороны и из истории мировых письменностей с другой. Все свойственные оригинальным системам письма приемы обнаруживаются также и в рунической письменности, среди них такие как:

1. Наличие не менее шести несомненных знаков-рисунков (пиктограмм), опирающихся на присущие им изобразительные характеристики и способных выступать в том же значении в качестве самостоятельных словесных знаков: *at* 'лошадь', *aj* 'месяц', *äb* 'юрта, дом', *är* 'воин, мужчина', *oq* 'стрела', *y* 'дерево'. Как известно, все самообразующиеся письменности развиваются из стадии рисуночного письма. [Гузев 2004: 25].

2. Активное использование такого грамматологического приема как ребус. Например, читающийся как *äb* знак может употребляться и со своим значением 'юрта, дом' и в словоформе *äbirü* 'обходя', где на первый план выступает его звуковой облик. Согласно мнению известного исследователя письма И.Дж. Гельба, «примитивное логографическое письмо может развиваться в полноценную систему лишь тогда, когда знак приобретает фонетическое значение, независимое от значения, которое он имеет как слово. Это – фонетизация, являющаяся важнейшей ступенью в истории письма. В современной терминологии этот принцип называется “ребусным письмом”». [Гузев 2004: 25].

3. Случаи употребления исходного силлабического знака для передачи отдельных фонем, которое истолковывается как начало процесса алфавитизации. Например, сочетание двух знаков *äb* + *än* для передачи слова *bän*, когда начальный знак начинает передавать отдельный звук *b*.

В процессе дальнейшего исследования фактического материала сквозь призму сформулированной гипотезы В.Г. Гузеву, во-первых, удалось найти большое количество частных примеров, ее подтверждающих, а, во-вторых, прояснить многие туманные моменты, которые оставались нерешенными, пока руническая письменность воспринималась в качестве алфавитной. Одним из таких фактов можно считать наличие так называемого консонантного дуализма. По мнению ученого, явление, называемое почти всеми тюркологами как консонантный дуализм, т.е. связь 22 графем с небной гармонией гласных, является «подтверждением того, что с точки зрения теоретической фонологии и общей теории письма данные знаки являются не буквами, а знаками для задне- и переднерядных слогов или слов со структурой гласный+согласный (ГС) и следовательно, руническое письмо было словесно-слоговой системой, которая возникла и формировалась автохтонно». [Гузев 2004: 27]. Пять графем для гласных, по мнению ученого, это не знаки для передачи звуков (фонем), такие графемы обычно называют «буквами». Это скорее силлабограммы, т.е. знаки для слогов, состоящих из одного гласного; такие слоги очень характерны для тюркских языков. Такие знаки, во-первых, отражают небную гармонию, несвойственную нетюркским языкам, во-вторых, своим составом (/a~/ /ä/, /ı~/ /i/, /o~/ /u/, /ö~/ /ü/, /e/) противоречат семитскому вокализму (A I U). Кроме того, признание рунического письма вари-

антом словесно-слогового письма позволяет объяснить наличие пяти графических знаков с одной и той же согласной *k*. Функционирование таких знаков – это проявление ничего иного, как логографичности или силлабографичности этих знаков, имеющие аналогии и в истории других систем письма, например, в этрусской и ассиро-вавилонской. В.Г. Гузев приводит следующее высказывание: «Так, если до Э. Хинкса исследователи находили в ассиро-вавилонском письме по семи знаков, передававших один и тот же согласный (что нелепо), то Хинкс показал, что знаков для согласных в этом письме нет вовсе, зато есть знаки типа Г, СГ, ГС и СГС, так что “семь разных знаков” для одного согласного оказались знаками, передающими совершенно разные последовательности фонем и силлабем, включающих данный согласный». Эта мысль в очередной раз уверила ученого в правильности своего рассуждения о том, что пять знаков для *k*, на самом деле знаки для слогов: 1) /aq/, 2) /äk/, 3) /oq/, 4) /ök/ или /ük/, 5) /yq/. [Гузев 2004: 28].

Таким образом, гипотеза об автохтонном происхождении древнетюркской рунической письменности, выдвинутая тюркологами Санкт-Петербургского университета, дает новый толчок для изучения памятников с целью включения рунологии в общий процесс теоретической науки о письме – грамматиологии.

Сегодня сотрудники Восточного факультета продолжают традиции, заложенные В.В. Радловым, П.М. Мелиоранским, С.Е. Маловым, и активно занимаются исследованием языков древнетюркских памятников, как с теоретических, так и с практических позиций: готовятся новые лекционные и прикладные курсы, защищаются магистерские и кандидатские диссертации. Можно с уверенностью сказать, что самые древние письменные памятники тюрков хранят еще много лингвистических загадок для исследователей нынешнего и будущих поколений.

Литература

- Гузев 1994 – *Гузев В.Г.* К вопросу о слоговом характере тюркского рунического письма // Вопросы языкознания. – 1994. – № 5. – С. 67–72.
- Гузев, Кляшторный 1993 – *Гузев В.Г., Кляшторный С.Г.* Проблема происхождения древнетюркской руники в свете общей теории письма (к столетию дешифровки) // Вестник С.-Петербургского университета. – Сер. 2. Вып. 4. – 1993. – С. 57–62.
- Гузев 2004 – *Гузев В.Г.* Основные положения концепции автохтонного происхождения тюркской руники // Востоковедение. Филологические исследования. – 2004. – Вып. 24. – С. 24–34.
- Иванов 1986 – *Иванов С.Н.* Тюркология в Ленинградском университете // *Turcologica* 1986. – 1986. – С. 141–152.
- Кононов 1982 – *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Изд-е второе, дополн. и испр. – Л.: Наука, 1982.
- Малов 1951 – *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951.
- Малов 1952 – *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
- Малов 1959 – *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959.
- Мелиоранский 1898 – *Мелиоранский П.М.* Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями. Отдельный оттиск из журнала Министерства народного просвещения. – СПб.: Типография императорской Академии Наук, 1898. – С. 263–292.
- Мелиоранский 1899 – *Мелиоранский П.М.* По поводу новой археологической находки в Аулиетинском уезде // *ЗВОРАО*. 1899. – Вып. IX. – С. 271–295.

- Мелиоранский 1899б – *Мелиоранский П.М.* Памятник в честь Кюль-Тегина. С двумя таблицами. – СПб.: Типография императорской Академии Наук, 1899.
- Мелиоранский 1900 – *Мелиоранский П.М.* Араб филолог о турецком языке. – СПб.: Типография императорской Академии Наук, 1900.
- Насилов 1972 – *Насилов Д.М.* В.В. Радлов и изучение древнеуйгурских памятников // Тюркологический сборник. 1971. – 1972. – С. 64–101.
- Программа 2007 – Программа учебной дисциплины. Древнетюркское руническое письмо в свете общей теории письма. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007.
- Пылев 2009 – *Пылев А.И.* Узбекский и чагатайский языки в Санкт-Петербургском университете: прошлое и настоящее // Тюркологический сборник. 2007–2008: история и культура тюркских народов России и сопредельных стран. – 2009. – С. 327–337.
- Радлов, Мелиоранский 1897 – *Радлов В.В., Мелиоранский П.М.* Сборник трудов орхонской экспедиции. IV. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме. – СПб., 1897.
- Фридрих 1979 – *Фридрих И.* История письма. Пер. с нем. – М.: Изд-во «Наука», 1979.
- Щербак 1972 – *Щербак А.М.* В.В. Радлов и изучение памятников рунической письменности // Тюркологический сборник. 1971. – 1972. – С. 54–63.
- Radloff 1894 – *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. I. Das Denkmal zu Ehren des Prinzen Kül Tegin. – St.-Petersbourg, 1894.
- Radloff 1897 – *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. – St.-Petersbourg, 1897.
- Radloff 1899 – *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge. – St.-Petersbourg, 1899.

**Language of ancient runic inscriptions
of the Eastern department of St. Petersburg State University:
Past and Present**

*Margarita Dubrovina,
Saint-Petersburg*

Summary. The article is devoted to studying the history of ancient Turkic runic monuments (hereinafter DTRP) in St. Petersburg University from the 90-s of the XIXth century and to the present day. The article also provides analysis of the works of V.V. Radlov (1837–1918), P.M. Melioranskii (1868–1906) and S.E. Malov (1880–1957). These scientists have created the basis for further in-depth studies DTRP as the most important sources of information about the language and the history of ancient Turks. The results of these studies became the foundation for the construction of a general theory of Turkish grammar. One of the most important results of research of this language in St. Petersburg State University in the XXth – beginning of the XXIth centuries was the development of theory of autochthonous origin of runic letter (V.G. Guzev /b. 1939/, and S.G. Klyashtorny /1928–2014/).

Keywords: language of ancient Turkic runic monuments, history of the study of runic inscriptions, Orkhon-Yenisey monuments

Сведения об авторе

Дубровина Маргарита Эмильевна – кандидат филологических наук, доцент СПбГУ; e-mail: maggydu@rambler.ru

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ШОРСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ¹

А.В. Есипова,

г. Новокузнецк

Резюме: В статье освещается проблема сохранения языка шорцев – одного из малочисленных тюркоязычных коренных народов Юго-Западной Сибири, которому грозит исчезновение. Свою письменность он получил от миссионеров Алтайской Духовной Миссии во второй половине XIX в. Шорская письменность переживала периоды бурного развития и полного забвения. Большое значение в ее сохранении имела деятельность шорской общественности, но без усилий интернационального коллектива ученых-тюркологов это было бы невозможно. Развитие письменности тесно связано со школьным и высшим образованием шорцев. В статье говорится также о современной языковой ситуации в Горной Шории, обусловленной реформой образования в Российской Федерации.

Ключевые слова: шорский язык, письменность, исчезающие языки и народы, социолингвистическая ситуация, сохранение языка

Проблеме сохранения языков малочисленных народов посвящено немало статей, в том числе и автора данной статьи (см. литературу), однако она является настолько болезненной и многогранной, а современная социолингвистическая ситуация в регионах меняется с такой быстротой, что необходимо постоянно отслеживать происходящие процессы для успешной адаптации к ним.

Родной язык имеет огромное значение для сохранения любого этноса, многочисленного или малочисленного. Письменность на родном языке оказывает решающее влияние на развитие культуры народа и его выживаемость в быстро меняющихся исторических условиях. Шорцы – немногочисленный тюркоязычный народ, проживающий в Юго-Западной Сибири в отрогах Саяно-Алтая в бассейнах рек Кондомы, Мрассу и Томи на территории Кемеровской области. По данным первой переписи населения их численность составляла 12 тыс. 888 человек.

Шорская письменность была создана во второй половине XIX в. миссионерами Алтайской Духовной Миссии, четыре отделения которой располагались в районах проживания шорцев: Кузнецкое (1857 г.) с Кузедеевским и Матурским (1882 г.) станами, Кондомское (1878 г.) – бывший Кузедеевский стан Кузнецкого отделения, Мрасское (1878 г.) и Спасское отделение (1887 г.). Разработанный миссионерами первый шорский алфавит, был создан на основе кириллицы и

---

¹ Работа выполнена в русле программы ОИФН РАН «Евразийское наследие и его современные смыслы». Направление 4. Мультимедийные технологии в филологических исследованиях. Проект «Развитие корпусов миноритарных тюркских языков народов Сибири», Руководитель Дыбо А.В., д.ф.н., проф., член-корр. РАН.

включал особые графемы для передачи шорских звуков, отсутствовавших в русском языке. Миссионеры не только издали первый шорский букварь, а также религиозные книги на шорском языке («Священная история» и «Указание пути в царствие Божие»), но и организовали сеть начальных школ для детей шорцев и подготовку учителей для этих школ. Религиозная литература издавалась большим тиражом: на каждого шорца, включая детей, приходилось по три книги религиозного содержания.

В начальных школах, открытых для детей шорцев, обучались не только мальчики, но и девочки. Специальных школьных зданий не было. Обучение проводилось в обычной шорской избе, где дети учились и жили вместе с учителем. Однако качество обучения было хорошим, ученики проходили программу обычной российской церковно-приходской школы.

Подготовка школьных учителей осуществлялась в Бийском катехизаторском училище. К сожалению, после пожара архив не сохранился и невозможно точно сказать, по каким учебникам обучались будущие учителя шорского языка. Однако с большой долей уверенности можно предположить, что они занимались по «Грамматике алтайского языка» [Грамматика 1869], написанной на материале близкородственного шорскому телеутского языка, но содержащей также сведения по шорскому языку.

После революции 1917 г. церковно-приходские школы в Горной Шории еще существовали, но позднее были закрыты, и преподавание шорского языка прекратилось. В апреле 1926 г. декретом ВЦИК в составе Кузнецкого округа Сибиряка был образован Горно-Шорцевский национальный район. В поселке Кузедеево было открыто педагогическое училище, в котором обучалось значительное количество шорской молодежи.

За время существования национального района (1926–1939 гг.) силами шорского учительства были написаны учебники шорского языка для школы, которые наряду со своими материалами были учтены Н.П. Дыренковой при написании «Грамматики шорского языка» [Дыренкова 1941]. Появились учебники и по другим предметам: географии, истории, книги для чтения. Были изданы переводы некоторых произведений классиков русской литературы, а также советских авторов. На шорский язык переводились партийные документы (КПСС), стала выходить газета *Кызыл шор* («Красная Шория»). Появилось первое произведение в прозе, написанное на шорском языке – рассказ Ф.С. Чиспиякова «Шолбан» [Также см.: Есипова 1986].

В 1936 г. в Горно-Шорцевском национальном районе было 33 начальных школы, в которых обучение велось на шорском языке. В этот период шорская культура бурно развивалась, шорский язык расширял свои социальные функции. Однако в связи с экономическим развитием района и вызванного им притока больших масс русскоязычного населения доля шорского населения в районе стала незначительной. Эта была одна из причин упразднения Горно-Шорцевского национального района. Другой причиной была оптимизация административного деления в СССР. Горно-Шорцевский национальный район был разделен на три административных – Таштагольский, Кузедеевский и Мысковский. Это привело к сокращению издаваемой на шорском языке литературы, однако преподавание шорского языка в школе продолжалось до 1943 г., и было прекращено по экономическим причинам

и в связи с острой нехваткой учительских кадров, ушедших на фронт. Нельзя сказать, что с этого момента шорский язык стал бесписьменным, так как грамотные шорцы вели переписку на шорском языке, писали стихи и небольшие рассказы, а ученые собирали шорский фольклор, записывали лексику и бытовые тексты, а также образцы устной речи по специальным лингвистическим программам. Исследование шорского языка никогда не прекращалось, хотя изучение шорского языка в школе было приостановлено на несколько десятилетий.

В 1969 г. сотрудниками Института истории, филологии и философии СО АН СССР было проведено социолингвистическое обследование населения Кемеровской области. В обследовании шорского населения принимали участие и преподаватели Новокузнецкого государственного педагогического института (НГПИ, ныне Центр педагогического образования Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета – ЦПО НФИ КемГУ). А. А. Бонюхов, А. И. Чудояков, Э. Ф. Чиспияков, Б. А. Молчанов и др. проводили социологический опрос, а также изучали язык, географические названия и народное творчество шорцев. Социологический опрос показал, что все респонденты утвердительно ответили на вопрос, следует ли преподавать шорцам родной язык. Однако одна часть носителей шорского языка выступала за обучение на русском языке с первого класса, но допускала и возможность обучения на шорском языке при условии, что класс будет полностью состоять из шорских детей. Другая часть была за то, чтобы при обучении на русском языке шорские дети дополнительно изучали шорский язык и шорскую литературу. Они же высказались за развитие национальной художественной самодеятельности и публикации в газете материалов на шорском языке. Как видно, уже на рубеже 70-х годов XX в. ученые изучали возможность восстановления в школе преподавания шорского языка.

Необходимость возрождения шорского языка остро ощущали преподаватели НГПИ А.И. Чудояков и Э.Ф. Чиспияков – шорцы по национальности. Э.Ф. Чиспияков привлек к изучению шорского языка группу преподавателей иностранных языков НГПИ, так как желающих изучать родной язык среди носителей шорского языка с высшим или неполным высшим образованием в то время не было. Часть из них и приняла самое активное участие в ревитализации языка шорцев. Однако проблема решается, если идея овладевает массами, и особенно активной частью населения.

В Институте истории, филологии и философии СО АН СССР считалось обязательным оказывать практическую помощь народу, язык которого исследовал аспирант. Вопрос, а что Вы сделали для шорского народа, А.В. Есипова слышала и во время обучения в аспирантуре, и после ее окончания. Легко спросить, да не просто осуществить. Двое детей, один из них грудной, преподавательская и научная работа, руководство кафедрой, семья – оставляли мало свободного времени, и поэтому выполнение поставленной перед ней задачи откладывалось до лучших времен.

В экспедициях, общаясь с местным населением, она узнала о проблемах шорской молодежи в общении с молодежью других национальностей, о недовольстве своим социальным положением и о методах его изменения. Когда представители взрослого шорского населения узнали от нее, что все проблемы решаемы, снова перед ней поставили ребром вопрос: «А что Вы сделали для шорского народа?». И наконец, когда она узнала от студентов-шорцев, что группы шорской молоде-

жи собираются в городе на квартирах или на привокзальной площади и так горячо обсуждают указанные выше проблемы, что вызывают растерянность у студентов, не чувствовавших никакой ущемленности своих интересов или неравноправия, она рассказала им, как эту ситуацию можно преодолеть. После этого от студентов прозвучал уже очень знакомый вопрос: «А что Вы сделали для шорского народа?» и требование немедленно приступить к решению этого вопроса. Так был организован молодежный клуб «Ольгудек».

Идея создания общественно-политического клуба шорской молодежи «Ольгудек» (1986 г.) была поддержана ректором НГПИ Валентином Ксенофоновичем Копеиным, который работал ранее заместителем заведующего отделом агитации и пропаганды Кемеровского обкома КПСС и хорошо понимал остроту сложившейся ситуации. При дефиците площадей в институте клубу были выделены две комнаты в здании бывшего общежития, а в то время учебного корпуса, называемого «Академия». Наметили план работы и приступили к его выполнению. Ректор во всем поддерживал наш клуб. Поскольку клуб был не фольклорным, а общественно-политическим, его деятельность сразу же привлекла к себе пристальное внимание многих людей.

В клубе состояло человек 70, часто на заседаниях присутствовало до сорока человек. Актив клуба составили студенты-шорцы НГПИ и представители рабочей молодежи. Первоначально наши заседания были очень эмоциональны, члены нашего клуба не только не умели решать проблемы, но даже не умели, как следует, сформулировать свои идеи, преобладала жестикуляция и междометия. К решению какой-либо проблемы я подключалась только в крайнем случае, а обычно я говорила, куда пойти, в какую дверь войти, как себя вести и что сказать. В дальнейшем необходимость подробного инструктажа отпала. Ребята действовали сами, и все сами решали. В драмтеатре им бесплатно давали костюмы для различных мероприятий, за небольшую арендную плату предоставляли помещения для встреч (столовую или кафе), все, к кому они обращались, соглашались им помогать.

Очень скоро из «Академии» мы переехали в Дом творческих союзов (по приглашению его первого директора) и встречались в гостиной с прекрасной мебелью, картинами, коврами и роялем. Члены клуба изучали под моим руководством шорский язык, организовывали встречи с известными людьми, преимущественно шорской национальности, проводили вечера «А ну-ка девушки», «А ну-ка парни», КВН, читали и обсуждали книги шорских авторов, организовывали концерты и приглашали на них семьи членов клуба, и родители приезжали из разных мест Горной Шории. И это только небольшая часть нашей работы. Ребята быстро приобрели навыки организаторов и научились прекрасно выражать свои мысли. Шорская молодежь организовалась быстрее взрослой части населения. Члены клуба «Ольгудек» помогали взрослым в проведении первого съезда шорского народа.

Доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Якутской и Тувинской АССР Елизавета Ивановна Убрятова, заведовавшая сектором языков народов Сибири Института истории, филологии и философии СО АН СССР, считала своим долгом поддерживать наш клуб заочно и очно. Несмотря на проблемы со здоровьем, она приехала на наше заседание и, как всегда, нанесла визит ректору НГПИ, чтобы дать оценку работы нашего клуба. Наш клуб

активно сотрудничал с городским отделом культуры г. Новокузнецка. Благодаря своей деятельности клуб стал широко известен не только в Горной Шории, но даже за ее пределами, авторитет наших ребят значительно повысился в среде шорской молодежи. На заседаниях клуба часто поднималась проблема отсутствия шорской письменности, которая вполне справедливо связывалась с угрозой исчезновения шорского народа как этноса [Есипова 2000: 16].

Идея возрождения шорского языка и изучения его в школе, как предмета быстро овладели массами. Благодаря целому ряду событий деятельностью общественно-политического клуба «Ольгудек» заинтересовались не только городские, но и областные органы власти, как партийные, так и советские. Для изучения общественного мнения по проблеме возрождения шорского языка и необходимости создания благоприятных условий для социально-экономического развития шорского народа с целью сохранения его как этноса была создана областная комиссия. В нее вошли инструктор Отдела культуры Обкома КПСС, инструктор Отдела по комплексному экономическому и социальному развитию области Кемеровского облисполкома, инструктор ОБЛОНО, первый и третий секретари Горкома КПСС г. Таштагола, инспектор ГОРОНО г. Таштагола, а также представители ученых В.М. Кимеев и А.В. Есипова. Комиссия выехала в Таштагольский район в конце июня 1988 г. Тогда там проживало 48% от областной численности шорцев, что составляло 8,3% от общего числа жителей района.

Комиссия установила: большая часть жителей считала, что изучать родной язык можно, но не обязательно. Знание шорского языка в дальнейшей жизни не пригодится, так как основной сферой его функционирования останется внутрисемейное общение, а введение нового предмета в школе повысит нагрузку на детей и может способствовать ухудшению их успеваемости. Меньшая, но очень активная часть местного населения, требовала немедленного внесения шорского языка в учебные планы тех школ области, где обучалось значительное число детей шорской национальности. Комиссия пришла к заключению, что открытие национальной школы в ближайшем будущем нецелесообразно из-за малого количества учеников-шорцев в школах, однако желающие изучать шорский язык в школе должны иметь такую возможность.

Предложения комиссии легли в основу решения Кемеровского облисполкома № 392 от 21.11.88, согласно которому Новокузнецкий государственный педагогический институт был утвержден научно-методическим центром по изучению проблем Горной Шории, возрождению национально языка, письменности и культуры шорцев.

Для выполнения этого решения 1 июня 1989 г. в НГПИ был создан научно-методический центр по изучению проблем национального языка шорцев (руководитель: к.ф.н. доцент А.И. Чудояков). Тогда же на кафедре иностранных языков НГПИ были организованы двухгодичные заочные курсы по подготовке руководителей кружков шорского языка (руководитель: к.ф.н. доцент А.В. Есипова). В это же время в Государственный комитет СССР по народному образованию были отправлены документы на открытие кафедры шорского языка и литературы. Документы были подготовлены А.В. Есиповой и А.И. Чудояковым, однако идея создания такой кафедры принадлежит Э.Ф. Чиспиякову. Электрон Федорович по состоянию здоровья не участвовал в подготовке документов,

однако присутствовал на итоговом совещании, когда ректор НГПИ В.К. Копеин зачитал окончательный вариант документа перед его отправкой в министерство. Кафедра шорского языка и литературы была открыта в НГПИ 7 декабря 1989 г., заведующим кафедрой был назначен А.И. Чудояков, А.В. Есипова, заведовавшая межфакультетской кафедрой иностранных языков, и к.ф.н. И.А. Невская работали там по совместительству на 0,5 ставки. Основным местом их работы была кафедра иностранных языков.

Руководители кружков были подготовлены из числа учителей разных специальностей, носителей шорского языка. Приобретение опытными учителями новой специальности позволило начать преподавание шорского языка не только в кружках, но и в отдельных школах Кемеровской области одновременно с открытием на факультете русского языка и литературы НГПИ шорского отделения. Это произошло за пять лет до появления первых в истории шорского народа учителей шорского языка с высшим образованием, подготовленных на территории Кемеровской области. Таким образом, в 1989 г. шорскому народу была возвращена его письменность, а детям шорцев вновь предоставлено право изучать родной язык в школе.

Попытки открыть кафедру шорского языка в НГПИ предпринимались и раньше (инициаторы – Э.Ф. Чиспияков и А.И. Чудояков), но они оказались безуспешными по нескольким причинам. В том числе и потому, что не только в нашей стране, но и в мировом сообществе в целом до 90-х годов XX в. преобладал ассимилятивный подход к коренным народам, дальнейшее самобытное существование которых считалось бесперспективным. Однако лингвисты, особенно те, которые уже давно занимаются изучением «экзотических языков», подчеркивают, что исчезновение языка никогда не означает замену одного средства коммуникации другим, а свидетельствует об утрате части культурной общечеловеческой истории. Это выражается, в том числе, в невозможности понять содержание преданий и понятий, содержащихся в умирающих языках, которые нельзя передать на других языках или которые никогда не были перенесены на другие языки [Есипова Проблемы].

Ситуация во всем мире изменилась тогда, когда ЮНЕСКО стало уделять особое внимание проблеме исчезновения языков и народов, поощряя лингвистическую документацию языков и усилия, направленные на сохранение исчезающих языков и даже на возрождение уже исчезнувших [Подробнее: Там же]. Однако решающую роль в возрождении шорского языка сыграло изменение позиции областных партийных органов к данной проблеме. Этому способствовала сложившаяся классическая ситуация, когда «низы» не хотят жить по-старому, а «верхи» не могут управлять, как прежде. Благодаря деятельности общественно-политического клуба «Ольгудек», открытие и успешная работа которого вряд ли была бы возможна без поддержки ректора В.К. Копеина, имевшего многолетний опыт работы партийного руководителя, острота сложившейся ситуации и ее возможные последствия были поняты областными органами КПСС. Однако большинство чиновников, конечно же, не понимало необходимости возрождения языка и письменности шорцев, отсюда и препятствия при ревитализации шорского языка. Тем не менее, народные инициативы получили поддержку партийных органов всех уровней и зеленый свет для их осуществления. Но без наличия коллектива ученых, способных исследовать недостаточно изученный шорский

язык, писать учебники, обучать шорскому языку и привлекать к работе еще живых учителей шорского языка 30-х годов, а также авторов школьных учебников, и родителей, поощряющих изучение родного языка своими детьми, реактивное возрождение языка и письменности шорцев было бы проблематичным.

На базе НГПИ сформировался Новокузнецкий тюркологический центр [Есипова, Невская 1989], который состоял из трех подразделений: кафедры иностранных языков – колыбели шорского языкознания в НГПИ [Есипова 1999], кафедры шорского языка и литературы, а также научно-методического центра по изучению проблем национального языка шорцев. Преподаватели кафедры иностранных языков активно вели научные исследования и публиковали их результаты, читали лекционные курсы студентам шорского отделения и руководили курсовыми и дипломными работами студентов. Основной задачей сотрудников центра была подготовка учебной литературы. Преподаватели кафедры шорского языка и литературы разрабатывали лекционные курсы и вели практические занятия, руководили научной работой студентов, писали учебники и публиковали научные статьи. В 2007 г. на базе Кузбасской государственной педагогической академии (ранее НГПИ) был открыт Центр языков и культур народов Сибири (руководитель к.п.н. доцент Е.Н. Чайковская).

Значительный вклад в возрождение шорской письменности и подготовку учителей шорского языка внес Дмитрий Михайлович Насилов. Он читал студентам шорского отделения лекции по введению в тюркологию, в соавторстве с И.В. Шенцовой подготовил учебное пособие на шорском языке «Изучаем шорский язык» [Шенцова, Насилов 1994б], принимал участие в разработке содержания школьного предмета «родной (шорский) язык» [Шенцова, Насилов 1994а]. Его интересовала организация обучения родному языку шорцев, коренного населения Кузбасса [Шенцова, Насилов 1999]. Вместе с И.В. Шенцовой им была написана статья о шорском языке в «Красной книге языков народов РФ» [Шенцова, Насилов 2002]. Дмитрий Михайлович принимал активное участие в подготовке дипломированных кадров тюркологов, исследовавших шорский язык. Он был официальным оппонентом Н.И. Михайловой (кандидатская диссертация «Формы побуждения в шорском языке»), А.В. Есиповой (докторская диссертация «Теоретические проблемы словообразования в тюркских языках (на материале шорского языка)») и других.

За четверть века, прошедших с момента организации кафедры шорского языка и литературы в педагогическом вузе Новокузнецка, носившем разные названия, было подготовлено сто тридцать пять учителей русского языка и литературы с дополнительной специальностью «шорский язык и литература», которые образовали слой современной шорской интеллигенции. Шорский язык изучался в ряде школ Кемеровской области в местах компактного проживания шорцев, в кружках и даже в некоторых детских садах. Бурно развивалась шорская культура. По данным переписей шорское население увеличивалось. Казалось, ничего не предвещало того, что над шорским языком снова нависнет угроза исчезновения. Однако деструктивные процессы уже набирали силу.

26 декабря 1991 года Советский Союз (СССР) официально прекратил свое существование, в стране произошла реставрация капитализма, при котором главным становится приобретение прибыли. Все должно приносить доход, в том числе и система образования. Началась реформа системы образования. Для Куз-

басской государственной академии она имела печальные последствия. Одно из старейших учебных заведений области, отметившее свой 70-летний юбилей, в 2013 г. утратило свою самостоятельность и вошло в состав подразделения Кемеровского государственного университета – Новокузнецкий филиал (институт) в виде Центра педагогического образования. Реструктуризация вуза началась за несколько лет до этого. В 2010 г. она коснулась и кафедры иностранных языков, которая, как позднее и кафедра шорского языка и литературы (в 2014 г.), была объединена с другими кафедрами нашего вуза. Центр по изучению проблем национального языка шорцев прекратил свое существование еще раньше, во второй половине 90-х годов XX века.

Новокузнецкий тюркологический центр, имевший прочные связи с академическими Институтами Новосибирска и Москвы, а также с другими тюркологическими центрами и известный не только в Российской Федерации, но и за ее пределами, в ближнем и дальнем зарубежье, больше не существует. В настоящее время в университете не осталось ни одного тюрколога. В 2017 г. из университета ушли последние тюркологи, доктора филологических наук А.В. Есипова и И.В. Шенцова. В университете остался всего один кандидат филологических наук, Г.В. Косточаков, который ведет все дисциплины по шорскому языку на шорском отделении. Ломать не строить. Новокузнецкий тюркологический центр (НТЦ) сыграл большую роль не только в исследовании шорского языка, его возрождении и развитии, а также в возобновлении изучения шорского языка в школе, введения его преподавания в вузе и подготовке учителей шорского языка и литературы с высшим образованием. Его роль значительна и в нормализации межнациональных отношений в Кузбассе. Руководство Новокузнецкого государственного педагогического института это очень хорошо понимало и всемерно поддерживало НТЦ. К сожалению, у руководства Новокузнецкого филиала института и Кемеровского государственного университета такое понимание отсутствует. К чему это приведет? Время покажет.

Введение ЕГЭ в школах создало преграды для поступления на шорское отделение выпускникам шорской национальности, так как им сложно конкурировать с выпускниками городских школ, а падение престижа профессии учителя существенно сократило число шорцев, желающих учиться на историко-филологическом факультете нашего филиала. Тем не менее, несмотря на сокращение бюджетных мест для желающих изучать шорский язык с десяти до пяти, диплом бакалавра по профилю «Русский язык. Родной язык и литература» здесь еще можно получить. В 2016/2017 учебном году на первом курсе шорский язык изучало всего пять человек, и только двое из них имели шорские корни, а остальные являлись представителями других национальностей.

Ситуация в школах существенно ухудшилась: из двадцати шести школ, где преподавался шорский язык, осталось только четыре. Шорский язык изучается в них в системе дополнительного образования. В связи с тем, что шорский язык используется, преимущественно, во внутрисемейном общении и не имеет перспектив расширить свои социальные функции, руководство области посчитало бесперспективным преподавание шорского языка в школах Кемеровской области. Несмотря на это проекты по ревитализации шорского языка поддерживаются как областной, так и местными администрациями Кемеровской области. Например, ежегодное

финансирование (с 2008 г.) получает Комплексная целевая программа «Развитие национального образования Кемеровской области». Руководитель программы – к.ф.н. Е.Н. Чайковская. Успешно действует Областной педагогический совет как форма коллективного управления этнорегиональным образованием Кемеровской области. Изучение шорского языка переносится в этнокультурные центры.

Шорский язык признан в качестве самостоятельного языка и относится к языкам малочисленных коренных народов Севера. Он является языком общения в семье и среди односельчан. Шорский язык преподается и изучается в вузе, в общеобразовательной и воскресной школе, в этнокультурных центрах, в кружках и некоторых детсадах. На шорском языке издаются оригинальные произведения, в местной прессе периодически выходит шорская страничка. Существует шорское отделение Союза писателей России. Тем не менее, ситуация сложная. У местного населения складывается впечатление, что возрождение 1990–2000 гг. сворачивается, а шорский национальный компонент превращается в визитную карточку своеобразия Кузбасса на крупных областных мероприятиях. Носители шорского языка обеспокоены тем, будет ли жить шорский язык и существовать общение на нем. Однако решение этой проблемы зависит в современных условиях в значительной степени от самого народа, его желания и воли, не покладая рук, трудиться над сохранением самобытной шорской культуры и шорского языка как неотъемлемой ее части.

Литература

- ГРЯ – *Грамматика* алтайского языка / Составлена членами Алтайской миссии. – Казань: Университет. тип., 1869. – У111, 296 с.
- Дуплинская 2014 – *Дуплинская К.Д.* Социолингвистическая ситуация в Кузбассе (проблемы языков коренных малочисленных народов) / Россия глазами народов Сибири: диалог и взаимодействие народов в рамках национальной политики. Материалы региональной научно-практической конференции и круглого стола (Новосибирск, 13–14 ноября 2014 г.) / Научн. ред. Е.П. Баяртуева. – Новосибирск: [Б.и.], 2014. – С. 111–113.
- Дыренкова 1941 – *Дыренкова Н.П.* Грамматика шорского языка. – М.–Л., 1941.
- Есипова 1986 – *Есипова А.В.* Шорские тексты и поговорки / Диалектология и ареальная лингвистика тюркских языков Сибири: сб. науч. тр. – Новосибирск, 1986. – С. 102–117.
- Есипова, Невская 1998 – *Есипова А.В., Невская И.А.* Новокузнецкий тюркологический центр и возрождение шорской письменности и школы // Качество подготовки и проблемы повышения конкурентоспособности выпускников педвузов на рынке труда: сб. материалов научно-практической конференции / Редкол.: С.М. Редлих и др.; Новокузнецкий пединститут. – Новокузнецк, 1998. – С. 6–16.
- Есипова 1999 – *Есипова А.В.* Кафедра иностранных языков – колыбель шорского языкознания в НГПИ / Новая парадигма образования и пути ее реализации: Материалы научно-практической конференции, посвященной 35-летию кафедры иностранных языков и 60-летию Новокузнецкого государственного педагогического института. – Новокузнецк: Новокузнецкий гос. пед. ин-т, 1999. – С. 5–13.
- Есипова 2000 – *Есипова А.В.* Из истории изучения родного языка детьми шорской национальности / Чтения памяти Э.Ф. Чиспякова (к 70-летию со дня рождения). Материалы научной конференции НГПИ. 8 февраля 2000 г. В 2-х частях. Новокузнецкий государственный педагогический институт. Ч. 1. – Новокузнецк, 2000. – С. 13–21.
- Есипова 2012 – *Есипова А.В.* Проблема исчезновения языков и народов в современном мире // Вестник Кузбасской государственной педагогической академии [Электронный журнал]. – Режим доступа: vestnik.kuzspa.ru/articles/212

- Есипова, Стукова 2014 – *Есипова А.В., Стукова Д.Д.* Из истории письменности шорцев (1885–1978 гг.) / Коренные народы Сибири: история, традиции и современность. Материалы региональной научно-практической конференции с международным участием (Новосибирск, 28 февраля 2014 г.) / Научн. ред. Баяртуева Е.П. – Новосибирск: [Б.и.], 2014. – С. 143–146.
- Есипова 2014 – *Есипова А.В.* Формирование культуры межэтнических отношений студентов НФ (И) КемГУ путем организации исследования языка одного из коренных народов Кузбасса – шорцев / Россия глазами народов Сибири: диалог и взаимодействие народов в рамках национальной политики. Материалы региональной научно-практической конференции и круглого стола (Новосибирск, 13–14 ноября 2014 г.) / Научн. ред. Е.П. Баяртуева – Новосибирск: [Б.и.], 2014. – С. 113–117.
- Есипова, Лаухина 2014 – *Есипова А.В., Лаухина К.С.* Язык коренного народа Горной Шории / Россия глазами народов Сибири: диалог и взаимодействие народов в рамках национальной политики. Материалы региональной научно-практической конференции и круглого стола (Новосибирск, 13–14 ноября 2014 г.) / Научн. ред. Е.П. Баяртуева – Новосибирск: [Б.и.], 2014. – С. 117–121.
- Сазонова, Шевченко 2014 – *Сазонова Д.Д., Шевченко В.* Из истории изучения языка аборигенов Кузбасса (истоки): тюркологи факультета иностранных языков КузГПА / Россия глазами народов Сибири: диалог и взаимодействие народов в рамках национальной политики. Материалы региональной научно-практической конференции и круглого стола (Новосибирск, 13–14 ноября 2014 г.) / Научн. ред. Е.П. Баяртуева – Новосибирск: [Б.и.], 2014. – С. 123–126.
- Шенцова, Насилов 1994а – *Шенцова И.В., Насилов Д.М.* Содержание предмета «родной (шорский) язык» и организация его изучения в школе // Проблемы профессиональной подготовки учителя в аспекте гуманизации образования (к 50-летию образования пединститута). Тез. докл. научн.-практ. конф. (ноябрь 1994). – Новокузнецк: НГПИ, 1994. – С. 172–173.
- Шенцова, Насилов 1994б – *Шенцова И.В., Насилов Д.М.* Шор тилинге үргенчабыс. Изучаем шорский язык: учеб. пособие. – Кемерово: Изд-во КГУ, 1994.
- Шенцова, Насилов 1999 – *Шенцова И.В., Насилов Д.М.* Организация обучения родному языку коренного населения Кузбасса – шорцев // Современное образование: тенденции и перспективы / Материалы научной программы I Всекузбасской образовательной выставки-ярмарки 13–16 октября 1998 г. – Новокузнецк, 1999. – С. 140–143.
- Шенцова, Насилов 2002 – *Шенцова И.В., Насилов Д.М.* Шорский язык // Красная книга языков народов РФ. – Москва, 2002. – С. 256–257.

National education and the Shor written language

*Alissa Esipova,
Novokuznetsk*

Summary: The article highlights the problem of retaining the language of the Shor – one of the Turkic-speaking native peoples of South-Western Siberia, which is thin in numbers and threatened with extinction. The Shor script starts from the missionaries of the Altai Spiritual Mission in the second half of the XIX century. The Shor script has experienced periods of rapid development and complete oblivion. Of great importance in its retention was the activity of the Shor public. However it could not be possible without the efforts of international team of scientists-turkologists. The development of the Shor script is closely connected with the school and higher education of the Shor people. The report also gives the account of the current linguistic situation in the Mountain Shoria associated with the education reform in the Russian Federation.

Keywords: Shor language, script, writing, endangered languages and peoples, the sociolinguistic situation, language retention

Сведения об авторе

Есипова Алиса Васильевна – доктор филологических наук, доцент, член Российского комитета тюркологов; e-mail: aves7760@mail.ru

К СЕМАНТИКЕ СЛОВА *КУНЧУЙ* НА ОСНОВЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ ДАННЫХ ОРХОНСКИХ ПАМЯТНИКОВ И «ДИВАНА» МАХМУДА КАШГАРИ¹

И.В. Кормушин,

г. Москва

Резюме: Данная статья обращает внимание на мало замечавшийся факт точной семантизации слова *кунчуй*, широко представленного в орхонских и енисейских текстах, при однократной фиксации этого слова в гораздо более позднем памятнике – «Диване» Кашгари.

Ключевые слова: древнетюркские рунические – орхонские (VIII в.) и енисейские (IX–X вв.) памятники, Словарь Махмуда Кашгарского (1072–1077 г.), древнетюркские заимствования из китайского VI–VII вв.

Слово *qunçuy* древнего восточнотюркского языка – представленного памятниками орхонскими, енисейскими, караханидскими и т.д., для всех, кто занимается тюркской филологией древнего периода – до XIII–XIV вв., в первую очередь связано с енисейскими эпитафиями. Там это слово отмечено в 26 памятниках и входит в один из самых распространенных адресатов прощания покойного. Немного чаще в качестве прощальных адресатов фигурируют сыновья.

Слово *qunçuy* является китайским заимствованием в тюркских языках. Оно обозначало там, в древнекитайском, ‘дочь императора’, ‘принцессу, младшую родственницу ханской крови’ [ДТС, 1969, 466; С1 EDT, 1972, 635]. Скорее всего оно вошло в тюркский лексикон в VI–VII вв., в период могущества тюрков, когда китайцы поощряли подобного рода браки. Не без умысла: женившись на младшей родственнице китайского императора тюркский хан или бег сам становился на уровень младшего родственника императора. Что, как рассчитывали китайские госчиновники, должно было удерживать тюрков от враждебных действий против «отца».

Наиболее ранняя тюркская фиксация термина *qunçuy* имеет место в Орхонских надписях – в честь Кюль-тегина (КТ – 732 г.) и в честь Бильге-кагана (БК – 735 г.), при этом в двух исторически разных эпизодах. Первый эпизод, почти идентично изложенный в КТ и БК, касается повествования о взаимоотношениях тюрков со своими северными соседями – кыркызами. Повествователь, а для обоих текстов – это старший из двух братьев, правящий (716–734 г.) каган тюрков Бильге, сообщает, что возведение предводителя кыркызов в сан суверенного государя – кагана принадлежало именно тюркам, которые скрепили этот союз, отдав Барс-бегу в жены-кунчуй младшую сестру Бильге-кагана

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ – проект № 17-24-03552 е(м), и впервые прочитана в качестве доклада “Orhon yazıtları ve Kaşgarlı Mahmut’un Divanındaki veriler ışığında QUNÇUY kelimesinin semantiği üzerine” на VIII Международном тюркологическом конгрессе в Анкаре 22 мая 2017 г.

(КТ Вост, 20) *Bars beg erti. Kağan atıǵ bunta biz bertimiz singlim kunçuyuǵ bertimiz* ‘[У кыркызов предводителем] был Барс-бег. Это мы дали ему звание кагана и отдали ему в жены-кунчуй мою младшую сестру’.

Как видим, китайская модель – женить правителя иностранного государства, зависимость которого хотят сохранить, на младшей родственнице правителя-сюзерена, совершенно прижилась и действует во взаимоотношениях двух тюркоязычных государств.

Как всюду и всегда от данничества стараются освободиться. Видимо, то же произошло между тюрками и номинально зависимыми от них кыркызами. Однако ту же ситуацию несколько более ранний тюркский текст – Надпись в честь Тоньюкука (между 712 и 716 гг.) трактует как конкретную интригу китайцев и тюргешей по втягиванию кыркызов в антитюркскую коалицию. По версии Тоньюкука, именно он, узнав об этом, предложил нанести превентивный удар по кыркызам, пока коалиционеры не собрались вместе вблизи кочевий тюрков. Именно он, Тоньюкук, организовал и возглавил труднейший рейд тюркской конницы в разгар зимы 709/710 гг. через заснеженный Западный Саян («снег глубиной с копье», т.е. 1,5 м), нанеся кыркызам серьезное поражение. Те же события с теми же деталями описаны в тексте КТ, Вост 35, но без упоминания Тоньюкука, еще 20 лет тому назад могущественного военачальника первых двух каганов – Ильтериша и Капагана – возродившегося при его значительной помощи и поддержке при Ильтерише, в 682 г., Тюркского независимого государства в виде (по нашей современной номенклатуре) Второго Восточнотюркского каганата, просуществовавшего, правда, потом недолго, лишь до 744 г.; о коллизии упоминания Тоньюкука в текстах Бильгекагана – КТ и БК, см. подробнее: [Кормушин 2016].

Второй эпизод, в котором фигурирует слово *кунчуй*, относится к другому повествованию в тексте Кюль-тегина, – более позднему по времени (хотя дата события текстологическими выкладками определяется приблизительно: где-то около 724 г.) и относящемуся уже не к кыркызам, а к собственно тюркам. Это событие состояло в том, что Кюль-тегин, по свидетельству его брата, Бильгекагана, в момент похода главных сил против огузов был послан на защиту ставки (орды) с оставшимися там без достаточной защиты женщинами высшего сословия и своим геройством, беспримерной отвагой буквально спас от позорного плена и неприкаанной смерти их всех – жен, матерей, сестер и т.д. Повествователь выстраивает их в определенном порядке, из чего мы и узнаем иерархию этих лиц:

(КТ Сев, 8) ... *kül teginig ebig başlayu qı[d]tımiz oğuz yağı orduy basdı kül tegin (9) öksüz aqın binip toquz erän sançdı orduy bermädi ögüm qatun ulayu öglerim ekelerim keliñünim qunçuyларım – bunça yemä tirigi küñ boltaçı erti ölügi yurtta yolta yatu qaltaçı ertigiz (10) kül tegin yoq ersär qop öltäçi ertigiz* ‘мы отпустили Кюль-тегина, чтобы он начальствовал дома; враждебные [нам] огузы напали на ставку. Кюль-тегин, сев на своего белого коня Сироту, девятерых мужей сразил, ставку не отдал. [Иначе же все мои родственницы] во главе с моей матерью-хатун, мои названные матери и тетки, мои невестки и мои супруги-(консорт)-принцессы, оставшись в живых, вы стали бы рабынями, а погибнув, остались бы лежать в юртах и на дорогах [не захороненными]’.

Первое место в этом перечислении занимает *хатун* – жена кагана-отца и мать Бильге-кагана, которая, как очевидно, сохраняла этот статус несмотря на смерть супруга-кагана более тридцати лет тому назад, аналогично европейским «вдовствующим императрицам или королевам». На второй ступени располагаются те, кого С.Е. Малов определял как сводные матери Бильге-кагана, т.е. другие жены его отца [Мал.ПДП, 1951: 42]. На третьей иерархической ступени оказываются жены-кунчуй самого Бильге-кагана, его брата Кюль-тегина и других высокопоставленных родственников-мужчин, кто имел право и брал вторых и т.д. жен (не наложниц!) после первой и остававшейся главной супруги-хатун.

Другое свидетельство принадлежит источнику уже не древней, но средневековой поры – «Дивану» Кашгари, и не расходится с нашим выводом по тексту Кюль-тегина. Слово *qunçuy* в тексте «Дивана» приводится единственный раз, и как всегда, сведения Кашгари отличаются неожиданной точностью:

(DLT, 550) *qunçuy*: ‘она на одну ступень ниже хатун’. Говорят: *qatun qunçuy* ‘хатун и кунчуй’.

Таким образом, мы еще раз проверили основательность и точность источника – ДЛТ, и достоверность многих текстологических заключений современной тюркологии.

Литература

ДТС 1969 – Древнетюркский словарь / Ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. – Л., 1969.

Кормушин 2016 – Кормушин И.В. Среднеазиатский поход тюрок 711–712 гг. (Палеографические поправки к чтению двух фрагментов в строках 45 и 46 надписи Тоньюкука и связанные с этим существенные переосмысления этой части текста) // Тюркологический сборник. 2013–2014. – М.: Наука: Вост. лит., 2016.

Мал. ПДП 1951 – Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.-Л., 1951.

Cl EDT – Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteen-Century Turkish. – Oxford, 1972.

To the semantics of the word *kunchuy* on the basis of comparison of the data of the orhonic monuments and the «Diwan» by Mahmoud Kashghary

*Igor Kormushin,
Moscow*

Summary: This article draws attention to the little-noticed fact of the exact semanticization of the word «*kunchui*» which is widely represented in the Orkhon and Yenisei texts, with a single fixation of this word in a much later monument, the «*Diwan*» by Kashghari.

Key words: ancient Turkic runes – Orkhon (VIII century) and Yenisei (IX–X centuries) monuments, Dictionary of Mahmud Kashgarsky (1072–1077 yy.), Ancient Turkic borrowings from the Chinese VI–VII cc.

Сведения об авторе

Кормушин Игорь Валентинович – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языкознания РАН; e-mail: iling@iling-ran.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ДРЕВНИХ ПЛЕМЕНАХ И НАРОДАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

*А. Меметов,
г. Симферополь*

Резюме: В статье проводится этимологический анализ названий скифо-сарматских племен (тавры, киммерийцы, басилы, бастарны), а также в сравнительном плане исследуются обычаи, традиции, религия, одежда, похоронные обряды скифо-сарматских племен с обычаями и традициями тюркских и иранских народов.

Ключевые слова: скифо-сарматские племена, тавры, киммерийцы, тюркские народы, иранцы, этнонимы

Из древних аккадских, греческих, римских письменных источников известно, что первыми обитателями Северного Причерноморья были киммерийцы, тавры и скифы. Затем сюда постепенно сменяя друг друга прибыли греки, сарматы, саки, аланы (асы), готы, гунны, тюркуты (тюрки), болгары, авары, хазары, кыпчаки (половцы, куманы) и др.

В современной исторической науке имеются две точки зрения о происхождении скифов, сармат, саков и алан (асов). Наиболее устоявшаяся точка зрения, базирующаяся в основном на исследовании разрозненных лингвистических данных, свидетельствует о том, что скифы, сарматы, аланы (асы), а вместе с ними и саки, и массагеты были иранцами и говорили на одном из западных диалектов иранских языков. Их прямыми потомками, по мнению В.с. Миллера [Миллер 1893], В.И. Абаева [Абаев 1949], В.А. Кузнецова [Кузнецов БСЭ] являются современные осетины. Другая группа ученых (см. раб. М. Закиева [Закиев 1986], И.М. Мизиева [Мизиев 1986; 1990], Ю.Н. Дроздова [Дроздов 2011], Р.Н. Безертинова [Безертинов 2001] и др.) считают скифов, сармат, саков, массагетов, алан (асов) предками современных тюркских народов: узбеков, туркмен, крымских татар, карачайцев, балкарцев, башкир, казанских татар и др.

В данной статье мы попытаемся обобщить имеющиеся и привлечь новые лингвистические материалы, а также комплексно исследовать образ жизни, обычаи, традиции, питание, верования, одежду древних жителей Северного Причерноморья и сопоставить их с обычаями и традициями современных тюркских и иранских народов для того, чтобы выявить их сходства и различия.

Поскольку этнонимы и топонимы в науке признаются за этнический паспорт древних племен, то мы рассмотрим сначала названия скифских племен *тавры*, *киммерийцы*, *басилы* и сарматского племени *бастарны*, а также слова *курган*.

О том, что тавры являются скифским племенем Страбон в своей известной «Географии» пишет: «Херсонесом владеют правители Боспора, хотя вся эта область опустошена постоянными войнами. Прежде они владели только небольшой частью страны..., а большую часть до перешейка и Керкинитского залива занимало **скифское племя тавров** (выделено нами – А.М.). Вся эта страна, а также почти вся область за перешейком до Борисфена называлась Малой Скифией» [Страбон 1964: 284].

Об этимологии слова тавры высказано несколько версий. И.Н. Храпунов приводит две, по его мнению, наиболее вероятные из них. Он пишет: «Полагают, что греки слышали, как называют себя сами *тавры*. Это непонятное таврское слово напоминало им по звучанию греческое слово «быки». Так *тавры* получили свое греческое имя» [Храпунов 2007: 84]. Согласно второй версии, греки и другие народы называли Тавром различные горы и горные системы. Так, например, с древности и до настоящего времени именуется крупнейшая горная система в Малой Азии. Греки-завоеватели Крыма, по аналогии с Малой Азией и другими местами, могли «назвать» Тавром Крымские горы. От гор получили свои имена живший в них народ – *тавры* и полуостров, на котором они расположены – Таврика» [Храпунов 2007: 84–85].

Остановимся на анализе первой версии. Здесь сказано, что тавры называли себя «таврами», затем греки стали также называть их таврами. Следовательно, слово тавры является этнонимом, т.е. самоназванием тавров и его следует этимологизировать не на основе греческого языка, как делают предыдущие исследователи, а на базе таврского языка, являющегося близкородственным скифскому языку. Этимология слова тавры достаточно легко объясняется на базе тюркских языков, в том числе и крымскотатарского. Слово *тавры* состоит из трех компонентов: *тав+р+ы*. первый компонент *тав-* означает в тюркских-кыпчакских языках, в том числе и в кыпчакизированном диалекте крымскотатарского языка «гора»; второй компонент *-р-* – это усеченный вариант слова *эр / ир* «человек, мужчина, племя, люди»; третий компонент *-ы* – притяжательный суффикс. Первоначально это слово звучало *тав-эр-и* «люди, проживающие в горах», «горцы». Геродот также называл их горными людьми. Как видим, этноним тавры не имеет ничего общего с греческими быками. Для подтверждения своей версии приведем еще несколько примеров: *суб-ары* «люди, живущие у воды», *акац-иры* (<*агъач-эр-и*) «лесные люди; люди, живущие в лесу».

Вторая версия вызывает еще больше сомнений. Дело в том, что, как правило, сначала тот или иной народ поселяется на определенной территории, затем этой территории присваивается название данного народа. Так, например, скифы поселились на огромной территории – начиная с Танаиса (река Дон) на востоке до реки Истр (совр. река Дунай) на западе, с побережья Крыма на юге до Северного ледовитого океана на севере – затем вся эта территория была названа Скифией, а не наоборот. Турки-сельджуки сначала завоевали Малую Азию в XI в., а затем завоеванные турками территории стали называться Турцией.

При изучении этнической и языковой принадлежности киммерийцев мнения исследователей разошлись. В свое время их причисляли к фракийцам, кельтам, германцам, кавказцам. «В современной науке, пишет И.Н. Храпунов, почти общепризнано, что киммерийцы, так же как и скифы, говорили на одном или нескольких языках, входивших в иранскую группу индоевропейской языковой семьи. Однако если ираноязычность скифов твердо удостоверяется многими фактами, то языковая принадлежность киммерийцев установлена на основании лишь трех сохранившихся слов. Это имена киммерийских царей Теушпа, Тугдамме (Лигдамис) и Сандакшатру» [Храпунов 2007: 13–14]. О языковой принадлежности скифов будет сказано ниже. Здесь же следует отметить, что по именам тех или иных правителей нельзя твердо утверждать о языковой или этнической принадлежности их подчиненных. Крымское ханство в течение всего периода своего существования возглавляла династия Гиреев (Гераев), предками которых были чингизиды, т.е. монголы. Тем не менее, крымские татары говорили и говорят на одном из тюркских языков, а не на монгольском.

Исследовав этимологию слова *киммерийцы*, Ю.Н. Дроздов пишет: «Принадлежность киммерийцев к тюркоязычному народу надежно подтверждается их этимологией. Корневой основой этнотермина «*киммериец*» является формант «*киммер*». С позиции тюркского языка его можно разделить на составные части так: *ким-мер*. Первая составляющая *ким* – это древнетюркское слово *kimī* (*кими*) «лодка, судно». Вторая составляющая *мер* – это несколько искаженное слово *мар*, которое является фонетическим вариантом слова *бар* «есть, имеется». Исходное название было *кимбар/киммар* с буквальным переводом «имеющие лодки» или «обладающие судами» [Дроздов 2011: 14–15].

К этимологии этнотермина *киммеры*, выдвинутой Ю.Н. Дроздовым, можно добавить следующее: этимология первой части *кими/кеми* не вызывает никаких возражений – и в древнетюркском, и современных тюркских кыпчакских языках это слово также означает «лодка, судно, корабль». Вторая часть *-р*, по аналогии с этнотермином *тавры*, о котором было сказано выше, является усеченным вариантом слова *эр* «мужчина, человек». Третья составляющая *-ы/-и* – это привнесённое окончание. Следовательно, первоначально это слово звучало *кеми-эр-и*, что в переводе означает «человек, имеющий лодку, судно», «паромщик».

Косвенно о достоверности данного перевода свидетельствует и Геродот, когда он пишет о Киммерийских переправах. Возможно, часть скифского племени – киммерийцы занимались перевозом людей на своих судах с одного берега на другой через Керченский пролив.

Для выяснения происхождения скифов весьма важным является сообщение Геродота, которое было записано им со слов самих скифов. Согласно этой легенде, прародителем скифов был человек по имени *Таргутай*, у которого родились три сына: *Липоксай*, *Арпоксай* и *Колаксай*. Все указанные имена этимологизируются на базе тюркских языков (см. раб. М. Закиева). Самый младший брат *Колаксай* был основателем рода, который получил название *басилей* (основа *басил*). Этноним *басил* состоит из двух частей: *бас-ил*. Первый компонент *бас* – это фонетический вариант древнетюркского многозначного слова *baş* (*баи*), которое в данном производном слове имеет значение «главный», «основной». Вторая составляющая *ил* также является многозначным словом, и в данном случае

означает «народ», «племя». Исходное название *басил* в буквальном смысле переводится «главное племя» или «основной народ». Следовательно, легенда о происхождении скифов, записанная Геродотом со слов самих скифов, является более других достоверной, имеет под собой реальную почву и свидетельствует об их тюркском происхождении.

Название сарматского племени *бастарны* этимологизируется также на тюркской основе. Оно структурно состоит из сложного слова *бастар*, где первый компонент *бас/баши* в тюркских языках означает «голова»; второй компонент *тар* – «узкий». Первоначально этот этноним произносился [*бастар*], что в переводе означает «узкоголовый». Сарматское племя бастарнов отличалось от других родственных племен искусственным деформированием черепа. Голову ребенка стягивали тугой повязкой, чтобы по мере ее роста, она приобретала узкую форму. Археологи сообщают, что впервые подобные узкие черепа были обнаружены в могильниках катакомбной культуры в низовьях Волги и Маныча, относящихся к первой половине 2-го тысячелетия до н. э. Широкое распространение этот обычай получил у обитателей волжских степей и восточных алан во время позднего сарматского периода (со II по IV вв. н.э.). В этнониме *бастарны* нет иранских элементов.

У каждого народа древние названия мест погребений являются, как правило, исконными. Эти названия относятся к основному словарному фонду языка. У скифов места погребения умерших назывались *курганами*. Слово курган, которое широко распространено и в других языках в качестве заимствованной лексики этимологизируется не на иранской, а только на тюркской основе. Оно структурно состоит из двух компонентов: *кур-/кърур-* означает «строить», «сооружать», «воздвигать» и многовариантного словообразующего суффикса *-ган/-кан/-гъан/-къан*. Следовательно курган означает «построенный, сооруженный, воздвигнутый».

А теперь перейдем к анализу экстралингвистических данных. Как известно, еда представляет собой одну из самых значимых сторон жизнедеятельности человека. Коренные изменения в национальной кухне любого народа происходят очень медленно. Древнегреческие и римские авторы оставили нам подробное описание скифо-сарматской кухни. Хрестоматийным стало выражение: «Скифы доили кобылиц, пили кумыс, ели конину», которое встречается во многих письменных источниках. Для древних греков и римлян казалось чем-то необычным доение кобылиц и употребление в пищу конины, поэтому они подробно описывали приемы и способы доения лошадей. Заметим, что с иранцами греки были знакомы значительно раньше, чем со скифами, но ничего подобного они за иранцами не замечали.

Конина всегда была и остается основной, наиболее важной частью рациона тюркских и монгольских народов Азии. В настоящее время конина широко употребляется в Казахстане, Киргизии, Узбекистане, Татарстане, Якутии и Монголии. Иранские народы конину не ели, точнее, конина никогда не была национальным блюдом иранцев. Отдельные исследователи выдвигают предположение, что иранцы, возможно, в далеком прошлом употребляли в пищу конину, однако следует заметить, что древнегреческие историки писали о том, что конина является основным продуктом питания скифов и сармат. Как известно, национальным

блюдом корейцев является блюдо, приготовленное из мяса собаки. Пройдут столетия, однако подобные блюда никогда не станут национальными блюдами у тюркских народов, иранцев и арабов. Точно так же как изысканное французское блюдо, приготовленное из лягушечьих лапок, не станет таковым у иранцев и турков. Следовательно, в данном случае наблюдается преемственность употребления конины и кумыса у сармато-алан и тюрков, но не иранцев.

Описывая способ приготовления жертвенного животного, Геродот сообщает, что, ободрав шкуру животного, скифы очищают кости от мяса и затем варят мясо в больших котлах местного изделия (если они под рукой), если же у них нет такого котла, тогда все мясо кладут в желудок животного, подливают воды и снизу поджигают кости. В желудке свободно вмещается очищенное от костей мясо всего быка. Таким образом, бык сам себя варит, как и другие жертвенные животные. Точно так же и сейчас поступают многие современные тюркские народы.

Записано нами со слов Нури Абибуллаева, которому сообщил Азиз Аблякимов, родившийся в 1915 г. в селе Таракташ (Крым): «Чабаны в горах резали ягненка или барашка, разделявали, очищали желудок и клали в него всю тушу мелко нарезанными кусками, соль и перец. Затем желудок зашивали. Выкапывали яму, разводили в ней костер. На остывающие угли клали желудок с мясом. Сверху прикрывали еловыми ветками и засыпали землей. После приготовления вынимали желудок, сверху делали разрез, получалась емкость с мясом».

Каждый народ вырабатывает свои особые, строго определенные похоронно-поминальные обряды, связанные с заупокойным культом. Это очень консервативный элемент духовной культуры, который медленно изменяется и редко замещается одним народом у другого. В работе «Древняя история Крыма» автор, описывая содержание могильника из Ташлы-Баира (Крым), отмечает, что умершего хоронили в сидячем положении, руки сгибали так, что кисти оказывались перед лицом. Датируется могильник XI–X вв. до н.э. [Храпунов 2007: 69]. Как известно, в этот период в Крыму жили тавры, т.е. одно из скифских племен. А теперь сравним вышеупомянутый обряд погребения умершего с похоронами крымских татар, подробно описанный в XIX в. выдающимся этнографом, членом-корреспондентом Российской академии наук Густавом Ивановичем Радде (Густав Фердинанд Рихард), проживавшем в Крыму с 1851 по 1855 гг. Густав Радде, лично наблюдавший за похоронами, в своей работе «Крымские татары» пишет: «Обычаи, соблюдаемые татарами при погребении мертвых, тесно связаны с идеями, которые они имеют о загробной жизни вообще ... татары хоронят своих покойников в **сидячем положении** (выделено нами – *А.М.*), причем тело закутывают в белые платки (белый саван – *А.М.*); на ноги надевают чулки и туфли; на голову – ермолку с белою кистью... Когда тело уже опущено в могилу и приведено в надлежащее положение, над ним ставят в наклонном положении от четырех до шести шестов (повыше головы и до колен) и потом засыпают яму, так, что тело покоится в наполненном воздухом пространстве и находится в **сидячем положении** [Радде 2008: 28]. Следовательно, сидячее положение крымскотатарского покойника в могиле, описанное Г. Радде в середине XIX в., очень напоминает захоронение тавров в XI–X вв. до н.э., которые были открыты крымскими археологами в Ташлы-Баире и в Новокленово, что еще раз подтверждает консервативность похоронных обрядов и преемственность народов,

проживавших в Крыму и Северном Причерноморье, т. е. тавро-скифов и крымских татар.

Изучая элементы одежды крымских татар, Л.И. Рославцева сообщает, что в Крыму образовались две основные субэтнические группы, изначально связанные с территорией обитания – степной и горно-прибрежной. Эти две группы прошли разные пути развития, создав и два типа материальной культуры. Следы сложной истории их образования видны и на примере костюма [Рославцева 2008: 211]. Сравнивая найденный в восточной части Крыма (район Боспорского царства) пояс из скифских погребений, относящихся к V–III вв. до н.э., с поясами горно-прибрежных крымских татар XIX в., Л.И. Рославцева обнаружила их явное сходство по ряду особенностей: кожаная основа, трехслойность, узор, повторяющийся на горно-прибрежных поясах форму нашивавшихся на «скифские» пояса металлических бляшек [Рославцева 2008: 211]. Данное сходство также свидетельствует об исторической преемственности элементов культуры скифов и крымских татар.

На страже издревле сложившихся порядков, традиций и обычаев скифской семьи и общества стояли боги, семь из которых занимали главенствующее положение. По свидетельству Геродота, скифский пантеон богов возглавляла богиня домашнего очага, которая по-скифски называлась *Табити*. Она соответствовала греческой *Гестии*. *Табити* занимала первый из трех рядов семибожного пантеона, почиталась более всех других богов и считалась «царицей скифов». Ее имя трактуется представителями ираноязычности скифов как «согревающая» или «пламенная». Возможно, этимология этого названия объясняется не на основе иранских языков, в которых *табидан* означает «блестеть», «сверкать», а на основе древнетюркских языков. В этом случае слово *Табити* состоит из двух частей: *тап-* – «поклоняться» [Древнетюркский словарь 1969: 533] и *ум-* – «делать». При присоединении к основе с глухим конечным согласным слов с начальным гласным, конечный глухой основы озвончается: *тап+ум > табит* «поклоняйся». Приведем пример из древнетюркского языка: *qul täñrigä tapdı* «раб поклонялся Богу» [Древнетюркский словарь 1969: 533]. На втором месте в семибожном пантеоне идет Небесный бог, который по-скифски называется *Папай*. По одной из легенд он был прародителем скифов и соответствует греческому Зевсу. У крымских татар до сих пор сохранилось выражение: «*Вакъты келир, отьмекке де Папай дерсинь*» – «Время придет и хлебу скажешь Папай (то есть Бог)». Указанное выражение использовалось тогда, когда кто-либо из сидящих за столом отказывался от предложенной ему еды, мотивируя тем, что она ему не нравится. Поклонялись скифы также и богине, олицетворяющей мать-землю, которая по-скифски называлась *Ани* и соответствовала древнегреческой Гее. Название богини *Ани//Ана* с древнетюркского языка переводится как «мать», «старшая родственница», «старшая сестра» [Древнетюркский словарь 1969: 47]. Эта лексема с незначительными фонетическими и семантическими различиями употребляется также в большинстве современных тюркских языков. Прошло много веков. Ислам прочно утвердился среди крымских татар. Однако названия некоторых прежних доисламских богов до настоящего времени сохранились в их памяти в составе пословиц, поговорок и устойчивых словосочетаний: *Папай*, *Ани* и др.

О том, что потомками скифо-сармат являются тюркоязычные народы, неоднократно писали ученые, историки, дипломаты, общественные и политические

деятели, церковные служители до XVIII в., и только в XIX в. появилась гипотеза об их ираноязычности, которая успешно распространялась европоцентристами.

Так, итальянец Альберт Кампензе, в своем письме к папе Клименту VII, написанному в 1524 г., сообщает: «Скифы, ныне называемые Татарами, народ кочевой и с давних времен славящийся своим воинственным характером» [Кампензе 1836: 24].

Посланник английской королевы Джильс Флетчер, описывая крымских татар в 1591 г., отмечал: «Это тот же самый народ, который греки и римляне называли иногда скифами-номадами или скифами-пастухами» [Флетчер 2002: 109].

Венецианский посол Марко Фоскарино в своем «Донесении о Московии», характеризуя окружающие Московию народы в середине XVI в., писал: «К востоку живут Скифы, которые называются ныне татарами; о характере их, как и всех других народов, вы узнаете ниже» [Фоскарино 1913: 4].

Михалон Литвин в 1550 г. писал: «Хотя татары (*tartar*) считаются у нас варварами и дикарями, они, однако, хвалятся умеренностью жизни и древностью своего скифского племени» [Литвин 1994: 62].

Французский капитан Жак Маржерет в своих записках о Московии в 1607 г. писал: «Словом «скифы» еще и сегодня называют татар, которые прежде были повелителями России...» [Маржерет 1982: 141].

В Киевском синопсисе, опубликованном в 1674 г., говорится: «Савромации, или сармации страна есть вся в той же Европе, третьей части Света, жребия Афетова, обаче сугуба есть: едина Скифска, идеже ныне сидят Скифы или Татаре...» [Сапожников 2006: 53].

Чешский иезуит Ирджи Давид в 1690 г. сообщал: «Несомненно, что скифы и сарматы, часть которых впоследствии стала называться татарами, ...» [Ирджи 1968: 131].

Еще в середине XIX в. датский историограф П.Ф. Сум, проводя исследование тюркских народов Восточной Европы и Малой Азии, отмечал, что общие имена тюрков «часто переменялись от того, что один народ брал перевес над другим. Скифы, Сарматы, Аланы, Гунны, Хазары, Уцы или Команы, Татары – суть общие племена, которые следовали одно за другим [Сум 1886: 15].

Тенденциозные выводы европоцентристов о том, что в Северное Причерноморье, на Кавказ, в Урало-Поволжье, Центральную и Среднюю Азию и даже в Западную Сибирь якобы тюрки пришли только после так называемого «великого переселения народов» поддерживались на государственном уровне путем проведения международных конференций. Эта идея четко прослеживается в работе международного симпозиума по этническим проблемам истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н.э.), который проводился в октябре 1977 г. в г. Душанбе по инициативе Советско-Индийской комиссии по сотрудничеству в области общественных наук, Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии, поддержанной АН СССР и ЮНЕСКО. Симпозиум пришел к выводу: «Во II тысячелетии до н.э. индоиранские народы появились на территории от Анатолии, Месопотамии, Ирана и Индии вплоть до границы Китая, где заложили основу дальнейшего социально-экономического развития этого региона и формирование народов, известных по историческим свидетельствам, относящихся к I тысячелетию до н.э.» [Этнические проблемы 1981: 20]. Во многих докладах

симпозиума речь шла о том, что Центральная Азия во II тысячелетии до н. э. была полностью заселена индоевропейцами и до VI–VII вв. н.э. здесь не было и следов тюркоязычных народов. «По другим выступлениям европоцентристов, пишет М.З. Закиев, мы узнаем, что в Северном Причерноморье, в регионах Западной Сибири и Урало-Поволжья тюрки появились как кочевники лишь в VI–VII вв. и отюречили «местных» сильных, культурных индоевропейцев» [Закиев 1986: 23].

Таким образом, основываясь на приведенных выше в статье лингвистических и экстралингвистических данных, можно сказать, что древние народы, проживавшие в Северном Причерноморье, в том числе и Крыму, такие как тавры, киммерийцы, скифы, сарматы и другие были тюрками и говорили на отдельных диалектах древнетюркского языка.

Литература

- Абаев 1949 – *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. Т. 1. – М.–Л., 1949.
- Безертинов 2001 – *Безертинов Р.Н.* Татары, тюрки – потрясатели Вселенной. (История великих империй). – Новосибирск, 2001.
- Древнетюркский словарь 1969 – *Древнетюркский словарь / Ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак.* – Л., 1969.
- Дроздов 2011 – *Дроздов Ю.Н.* Тюркоязычный период европейской истории. – М., 2011.
- Закиев 1986 – *Закиев М.З.* Проблемы языка и происхождения татар. – Казань, 1986.
- Ирджи 1968 – *Ирджи Давид.* Современное состояние Великой России или Московии // Вопросы истории. – 1968. – № 1.
- Кампензе 1836 – Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836. Т. 1: Письмо Альберта Кампензе к папе Клименту VII о делах Московии. / Пер. с итал. *В.И. Семенова.* – С. 46–47.
- Кузнецов БСЭ – *Кузнецов В.А.* Аланы // БСЭ. – 3-е изд. – Т. 1.
- Литвин 1994 – *Литвин М.* О нравах татар, литовцев и москвитян. – М., 1994.
- Маржерет 1982 – *Маржерет Жак.* Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета / Сост. д.и.н. *Ю.А. Лимонов.* Отв. ред. д.и.н. *В.И. Буганов.* Перевод *Т.И. Шаскольская, Н.В. Ревуненко.* – М.: Институт истории РАН, 1982.
- Мизиев 1986 – *Мизиев И.М.* Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. – Нальчик, 1986.
- Мизиев 1990 – *Мизиев И.М.* История рядом. – Нальчик, 1990.
- Миллер 1886 – *Миллер В.Ф.* Эпиграфические следы иранства на юге России // Журнал министерства народного просвещения, 1886. – № 247. – С. 232–283.
- Миллер 1893 – *Миллер В.Ф.* Древний осетинский памятник Кубанской области // Материалы по фразеологии Кавказа. – М., 1893. – № 3. – С. 110–118.
- Радде 2008 – *Радде Г.* Крымские татары. – Киев, 2008.
- Рославцева 2008 – *Рославцева Л.И.* Крымские татары. – М., 2008.
- Сапожников 2006 – *Сапожникова И.Ю.* Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674). – М., 2006.
- Страбон 1964 – *Страбон.* ГЕОГРАФИЯ в 17 книгах. Репринтное воспроизведение текста издания 1964 г. / Перевод, статья и комментарии *Г.А. Стратановского.* – М., 1964.
- Сум 1886 – *Сум П.Ф.* О хазарах. – М., 1886.
- Флетчер 2002 – *Флетчер Джильс.* О государстве Русском. – М., 2002.
- Фоскарино 1913 – *Фоскарино Марко.* Донесение о Московии второй половине 16 в. // Императорское общество истории и древностей Российских. – М., 1913.
- Храпунов 2007 – *Храпунов И.Н.* Древняя история Крыма. – Симферополь, 2007.
- Этнические проблемы 1981 – Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). [Сб. ст.] – М.: Наука, 1981.

**Linguistic and extra-linguistic information
about ancient tribes and people of the Northern Black Sea**

*Ayder Memetov,
Simferopol*

Summary: The article provides etymological analysis of the Scythian and Sarmatian tribes (Tauris, Cimmerians, Basiles, Bastarnians), as long as in comparative terms, the article provides the investigation of customs, traditions, religion, wearings, funeral traditions of Scythian and Sarmatian tribes along with the traditions of the Turkic and Iranian peoples.

Key words: Scythian and Sarmatian tribes, Tauris, Cimmerians, Turkic peoples, Iranians, ethnonyms

Сведения об авторе

Меметов Айдер – доктор филологический наук, профессор, декан факультета крымско-татарской и восточной филологии Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского; e-mail: aydem44@mail.ru

ГЛАГОЛ *DUR*- И ДРУГИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СОСТОЯНИЯ НЕПОДВИЖНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Е.М. Напольнова,
г. Стамбул (Турция)

Резюме: Турецкий глагол *dur-* имеет статическое и динамическое значения и используется в сочетании с названиями объектов, способных самостоятельно или принудительно осуществлять перемещение, движение или работу. *Dur-* не является позиционным глаголом, так как не соотносится ни с каким пространственным положением объектов и противопоставлен только движению, а указание на пространственное положение объектов может дополнительно осуществляться лексически. *Dur-* используется в качестве модифицирующего вспомогательного глагола со значением продолжительности или привычности действия. Восходящий к глаголу *dur-* показатель изъявительной модальности *-dir* в современном турецком языке приобрёл стилистические функции.

Ключевые слова: выражение пространственной позиции объектов в турецком языке, выражение неподвижного состояния объекта в турецком языке, функции показателя изъявительной модальности в турецком языке

Основные глаголы позиции интересны тем, что предоставляют разнообразный культурноспецифический материал с точки зрения семантики, путей развития полисемии и грамматикализации лексем, выявления путей концептуализации пространственного положения объектов, а также для осуществления когнитивного анализа. Антропоцентрический характер языковой оценки пространственного положения объектов разного типа выражается в том, что в основе его во многих языках лежат три основные позиции человека – вертикальная («стоять»), полувертикальная («сидеть») и горизонтальная («лежать»). Изучение «конкретных когнитивных и языковых механизмов проявления ведущей роли человека в познавательных процессах, опосредованных языком, а также в представлении их результатов в языковой форме дает возможность проследить проявление данной роли не только в отдельных случаях языкового функционирования, но, прежде всего, в самой структуре языка, системе его единиц, категорий и функций» [Болдырев 2015: 6].

Антропоцентричность подхода к оценке положения объектов приводит к тому, что за соответствующим глаголом в разных языках обычно закрепляется не только значение фактической пространственной позиции, но и те или иные функциональные особенности соответствующего положения человека: «Стоя человек работает, движется, живёт, а лёжа – отдыхает, спит, болеет, умирает» [Рахилина 1998: 209]. Соответственно, в русском языке при использовании гла-

голов *стоять* и *лежать* в отношении неодушевлённых объектов в фокусе оказывается не только их вертикальная ориентация, но и функциональность этого положения: даже те из них, которые имеют ярко выраженную горизонтальную, а не вертикальную ориентацию, характеризуются как «стоящие» в рабочем положении и как «лежащие» в нерабочем положении – например, тарелка, вертикально *стоящая* на сушилке, тарелка, *стоящая* на столе дном книзу, и *лежащая* тарелка, также находящаяся на столе, но перевёрнутая вверх дном, или диван, *стоящий* на ножках в своём обычном функциональном состоянии, *лежащий* кверху ножками и *стоящий* вертикально с опорой на одну из боковых сторон.

В противоположность русскому, в английском языке глаголы позиции редко используются в отношении неодушевлённых объектов непосредственно в пространственном значении, но в случае такого использования также несут в себе дополнительную оценочную информацию, например, англ. «*stand here/there* демонстрирует очень ограниченную сочетаемость с неодушевленными объектами, предполагая отсутствие активности в течение длительного времени, и слабо связан с вертикальной направленностью предмета» [Newman: 388] (перевод наш – Е.Н.).

В исследованиях, касающихся глаголов позиции, обычно параллельно рассматриваются статические, динамические и каузативные глаголы (русс. *лежать* – *ложиться* – *класть*), связанные морфологически или семантически, при этом в некоторых языках один глагол может совмещать два значения – например, динамическое и статическое в лаосском [Enfield: 30] и японском [Yamaguchi: 46] языках.

В современном турецком языке существует три основных глагола, используемых при характеристике позиции прежде всего человека, а также, с определёнными ограничениями, сочетающихся с названиями других типов объектов: *dur-*, *yat-* и *otur-*, которые могут обозначать как вхождение в состояние, так и нахождение в состоянии.

Анализ употребления глагола *dur-* в значении ‘стоять, находиться (оставаться) без движения, быть неподвижным’ (значение 1 в [TPC]; в переводах ниже условно «стоять») показывает, что его семантика существенно отличается от семантики лексем, считающихся его эквивалентами в индоевропейских языках – *стоять*, *stand*, *stehen* и др., которые указывают на вертикальную направленность объекта.

Глагол *dur-* используется в статическом и динамическом значениях. Статическое положение объекта может маркироваться с помощью глагольных форм со значением продолжающегося характера действия (*sandalye köşe-de dur-uyor* ‘стул угол-ЛОК стоять-НАСТ’ → ‘стул стоит в углу’), лексически – указанием на временной интервал (*Bu sandalye iki gün-dür köşe-de dur-uyor* ‘Этот стул два дня-МОД угол-ЛОК стоять-НАСТ’ → ‘Этот стул уже два дня стоит в углу’) или обозначаться контекстуально. Динамическое значение может маркироваться лексически, например, с помощью наречий *birden*, *aniden* ‘вдруг, внезапно’. При отсутствии маркированности высказывание с *dur-* может интерпретироваться как динамически, так и статически: *Tren orada dur-acak mı?* ‘Поезд там стоять-БУД ВОПРОС’ → ‘Поезд там остановится?’ или ‘Поезд там будет стоять?’. Локатив используется с глаголом *dur-* как в статическом, так и в динамическом значении.

ях: *Araba köşe-de dur-du* ‘Автомобиль угол-ЛОК стоять-ПРОШ’ → ‘Автомобиль остановился на углу’, *Araba köşe-de dur-uyor* ‘Автомобиль угол-ЛОК стоять-НАСТ’ → ‘Автомобиль стоит на углу’.

Dur- совместим только с названиями объектов, способных самостоятельно или принудительно осуществлять физическое перемещение или появляться и исчезать в течение обозримого временного отрезка. Соответственно, в отличие от русск. *Стоит гора высокая ...* (песня, И. Козловский), *Угрюмый лес стоит вокруг стен* («Песнь декабристов», автор неизвестен) и др., принципиальная невозможность перемещения, возникновения или исчезновения за обозримый отрезок времени таких незыблемых составляющих жизненного пространства человека, какими являются, например, горы или леса, находит языковое выражение в неприменимости к ним оппозиции «движение – неподвижность», вследствие чего *dağ* ‘гора’, *tepe* ‘холм, возвышенность’, *orman* ‘лес’ и др. не сочетаются с *dur-*. Практически речь может идти исключительно о наличии или отсутствии в том или ином месте горы и пр., т.е. возможности лишь одной оппозиции – «есть» или «нет»:

Orada dağ yok → Там гора нет → ‘Там нет гор(ы)’,

Burada eski-den bir orman var-di → Здесь старый-АБЛ один лес быть-ПЕРФ → ‘Раньше здесь был лес’.

В другой распространённой модели высказывания, характеризующего местонахождение крупных объектов, обозначающая их лексема выполняет функцию предиката:

Orası bir tepe → То_ место один холм’ → ‘Там возвышенность’.

В отношении объектов с фактическим или виртуальным внутренним движением, а также протяжённых объектов, которые невозможно охватить взглядом с одной точки и необходимость осмотра которых предполагает движение вдоль них, как в русском, так и в турецком языках используется не статическая, а динамическая модель: *Здесь проходила линия фронта*, *Раньше здесь протекал ручей* и т.п. В турецком языке динамичными представляются главным образом реки, дороги, протяжённые геологические объекты (используется глагол *geç-* ‘проходить’), реже – фортификационные сооружения (обычно используется глагол *uzan-* ‘протягиваться, вытягиваться’):

Ova-nın orta-sı-ndan büyük bir nehir geç-iyor → Долина-ГЕН середина-ПОСЕССЗЕД-АБЛ большой один река проходить-НАСТ → По середине долины протекает большая река’,

Yol deniz kenar-ı-ndan geç-iyor → Дорога море край-ПОССЗЛ-АБЛ проходить-НАСТ → ‘Дорога проходит по берегу моря’,

Ada-nın orta-sı-ndan bir sıra dağ geç-iyor → остров-ГЕН середина-ПОСЕССЗЕД-АБЛ один ряд гора проходить-НАСТ → ‘Через середину острова проходит горная цепь’ (синонимично *Ada-nın orta-sı-nda bir sıra dağ var* → остров-ГЕН середина-ПОСЕССЗЕД-ЛОК один ряд гора есть → ‘В середине острова есть горная цепь’),

Fay hatt-ı kent-in kalb-i-nden geç-iyor → Разлом линия-ПОСЕССЗЕД. город-ГЕН сердце-ПОСЕССЗЕД-АБЛ проходить-НАСТ → Линия разлома проходит через центр города,

Bu tepe-nin 0,5 km güney-i-nde uzan-an sur-lar ‘этот холм-ГЕН 0,5 км юг-ПОСЕССЗЕД-ЛОК протягиваться-ПРИЧ крепостная стена-МН’ → ‘крепостная стена, проходящая к югу от холма на расстоянии 0,5 км от него’.

Другую группу образуют названия крупных артефактов, способных появляться и исчезать на глазах человека, в сочетании с которыми, преимущественно в разговорном языке, *dur-* используется в значении ‘пребывать, продолжать находиться (где-л.), иметься’ (значение 3 в [ТРС]), видимо, сокращённое от *yer-i-nde dur-* ‘место-ПОСЕССЗЕД-ЛОК стоять’ → ‘оставаться на своём месте’:

Eski okul-umuz halâ dur-uuyor mu? → Старый школа-ПОСЕСС1МН всё_ещё стоять-НАСТ ВОПРОС → ‘Наша старая школа все еще стоит?’,

Bu heykel yüz yıl-dir meydan-da dur-uuyor → Этот статуя сто год-МОД площадь-ЛОК стоять-НАСТ → ‘Эта статуя уже сто лет стоит на площади’.

В литературном языке в таких случаях вместо *dur-* чаще используется *bulun-* ‘находиться’ в форме настоящего актуального времени с аффиксом изъявительной модальности (категории сказуемости):

En eski antik hamam Efes antik kent-i-nde bul-un-makta-dir → Самый старый античный баня Эфес античный город-ПОСЕССЗЕД-ЛОК находить-ВОЗВР-НАСТ.ПРОДОЛЖ-МОД → ‘Древнейшая античная баня находится античном Эфесе’.

В отличие от письменного языка в разговорном *bulun-* используется главным образом в значении ‘найтись, быть найденным’, в других временных формах и без аффикса изъявительной модальности:

Yer-de bir cüzdan bul-un-du → Земля-ЛОК один кошелек находить-ВОЗВР-ПРОШ → ‘На земле были найдены деньги’,

Büyük beden bul-un-ur → Большой размер находить-ВОЗВР-АОР → ‘В продаже имеется одежда больших размеров’ (объявление в магазине).

Типичными естественными объектами, способными возникнуть и исчезать в пределах обозримого временного отрезка, могут считаться деревья. В отношении них *dur-* используется в значениях ‘находиться, быть, иметься, продолжать оставаться на своём месте’:

İşte şura-da bir ağaç dur-uuyor; o-na doğru git → Вот вот_это_место-ЛОК один дерево стоять-НАСТ; оно-ДАТ к идти → ‘Вот тут стоит дерево. Иди к нему’,

... *acı yemiş-ler-i diken-li dal-lar-ı-yla dur-uuyor ağaç* → горький плод-МН-ПОСЕССЗЕД колючка-МН-ПОСЕССЗЕД ветка-МН-ПОСЕССЗЕД-ИНСТР стоять-НАСТ дерево → ‘... со своими горькими плодами и шипастыми ветками стоит дерево’ (Назым Хикмет);

... *o ön sıra-da-ki ağaç-lar dur-uyor mu diye sor-du bana Hüsröv Bey. Evet, dur-uyor, de-di-m* → тот передний ряд-ЛОК-ПРИЛАГ дерево-МН стоять-НАСТ ВОПРОС говоря прашивать-ПРОШ мне Хюсрөв Бей. Да, стоять-НАСТ, говорить-ПРОШ-1ЕД → ‘– А те деревья перед домом всё еще стоят? – спросил меня господин Хюсрөв. – Да, стоят, – сказал я’.

Изучение возможности использования *dur-* с названиями животных выявило некоторые особенности, которые в целом характерны для глаголов позиции в разных языках: наряду с группами лексем, сочетаемость которых с тем или иным глаголом не вызывает сомнений, отмечаются группы лексем, использование некоторых глаголов позиции с которыми по тем или иным причинам может быть нехарактерно, сомнительно или ограничено. Проведенный с носителями турецкого языка около 10 лет назад эксперимент, в ходе которого им предлагалось описать три картинки с изображением кошки на шкафу, птицы на ветке и стада на водопое, показал, что в отношении животных глаголу *dur-* безусловно предпочитают альтернативные конструкции, наиболее употребительными из которых являются конструкции наличия/отсутствия с предикативами *var* ‘есть, имеется’ и *yok* ‘нет, не имеется’, а также с глаголами перемещения в форме прошедшего времени, описывающими завершенность предшествующего перемещения. О кошке:

Kedi dolab-in üst-ü-ne turman-mış → Кошка шкаф-ГЕН верх-ПОСЕССЗЕД-ДАТ карабкаться-ПЕРФ → ‘Кошка залезла на шкаф’,

Dolab-in üst-ü-nde kedi var → Шкаф-ГЕН верх-ПОСЕССЗЕД-ЛОК кошка есть → ‘На шкафу есть кошка’,

Kedi dolab-in üst-ü-nde-dir → кошка шкаф-ГЕН верх-ПОСЕССЗЕД-ЛОК-МОД → ‘Кошка на шкафу’,

Kedi dolab-in üst-ü-nde yat-ıyor → Кошка шкаф-ГЕН верх-ПОСЕССЗЕД-ЛОК лежать-НАСТ → ‘Кошка лежит на шкафу’.

В отношении скопления животных (стада) респонденты прямо указывали на несовместимость таких лексем с *dur-*, объясняя это невозможностью для них состояния покоя.

При описании статического положения летающих животных наиболее употребительным был динамический глагол *kon-* ‘садиться, приземляться’:

Kuş dal-a kon-muş → Птица ветка-ДАТ садиться-ПЕРФ → ‘Птица села на ветку’.

Также о насекомых:

Canlı yayın-da Hillary Clinton'-ın yüz-ü-ne sinek kon-du! ‘Живой передача-ЛОКАЛ Хиллари Клинтон-ГЕН лицо-ПОСЕССЗЕД-ДАТ муха садиться-ПРОШ’ → ‘В прямом эфире на лицо Хиллари Клинтон села муха’.

Между тем в аналогичном эксперименте, проведенном в текущем году, респонденты достаточно часто использовали *dur-* в отношении птицы на ветке и кошки на шкафу наряду с высказываниями в другой форме. В отношении стада результат не изменился.

Наряду с этим можно также обнаружить примеры, в которых использование *dur-* в отношении животных не просто указывает на нахождение объекта в определённой точке, а подчёркивает его статичность, обусловленную определённой причиной, т.е. подчинено коммуникативной задаче – «стоит и не уходит»:

Azar iſit-en sevimli köpek ol-duğ-u yer-de dur-uyor → Нагоняй слушать-ПРИЧ милый собака быть-САФ-ЛОК стоять-НАСТ → 'Получившая нагоняй милая собака стоит на месте' (т.е. боится уйти),

gerçekten de ön-ü-nde canlı, küçük bir köpek dur-uyor (из перевода японской сказки) → Действительно тоже перед-ПОСЕССЗЕД-ЛОК живой маленький один собака стоять-НАСТ → 'И действительно, перед ним стоит живая маленькая собачка' (стилистическая особенность),

Şu an-da karşı-m-da kes-il-ecek inek dur-uyor → Вот_этот момент-ЛОК против-ПОСЕСС1ЕД-ЛОК резать-СТР-БУД корова стоять-НАСТ → 'Сейчас передо мной стоит корова, которую зарежут' (т.е. ей уже не уйти).

Аналогично в отношении птиц и насекомых:

Bir duvar-in üzer-i-nde beş adet kuş dur-uyor (первая фраза загадки) → Один стена-ГЕН верх-ПОСЕССЗЕД-ЛОК пять штука птица стоять-НАСТ → 'На стене сидят пять птиц' (стилистическая особенность, обусловленная коммуникативной задачей),

Kuş-lar niye tek ayak üst-ü-nde dur-ur? → Птица-МН почему единственный нога верх-ПОСЕССЗЕД-ЛОК стоять-АОР → 'Почему птицы стоят на одной ноге?' (указание на вертикальность положения),

Ağac-in dal-i-nda dur-an kuş, dal-in kır-il-ma-sı-ndan kork-maz → Дерево-ГЕН ветка-ПОСЕССЗЕД-ЛОК стоять-ПРИЧ птица, ветка-ГЕН ломать-СТР-МАСД-ПОСЕССЗЕД-АБЛ бояться-ОТРИЦ.АОР → 'Птица, сидящая на ветке, не боится, что та сломается' (поговорка),

Muhabbet Kuş-u kafes-in alt-i-nda dur-uyor → Разговор птица-ПОСЕССЗЕД клетка-ГЕН низ-ПОСЕССЗЕД-ЛОК стоять-НАСТ → 'Волнистый попугайчик сидит на дне клетки' (т.е. постоянно находится внизу, а не на перекладине),

Sivrisinek-ler su üzer-i-nde nasıl dur-ur ve duvar-da nasıl yür-ür-ler? → Комар-МН вода верх-ПОСЕССЗЕД-ЛОК как стоять-АОР и стена-ЛОК как шагать-АОР-МН → 'Как комары удерживаются на поверхности воды, как ходят по стене?' (т.е. остаются на поверхности, не тонут),

kocaman örümcek dur-uyor duvar-da → огромный паук стоять-НАСТ стена-ЛОК → 'Огромный паук сидит на стене' (т.е. он не уходит, а я его боюсь).

При использовании *dur-* с названиями животных в литературном языке речь может идти не об их неподвижности, а о значении 'находиться':

Bu durak-lar-da inek-ler bağ-sız olarak dur-ur-lar ve durak-lar-da yemlik kısım-ı yok-tur → Этот остановка-МН-ЛОК корова-МН привязь-без как стоять-АОР-МН и остановка-МН-ЛОК кормушка часть-ПОСЕССЗЕД нет-МОД → 'На этих станциях коровы стоят непривязанными, и там нет кормушек'; возможно также *bulun-ur* вместо *dur-ur*;

İnek-ler, demir-den ızgara-lar üzer-i-nde duru-yor → Корова-МН железо-АБЛ решётка-МН верх-ПОСЕССЗЕД-ЛОК стоять-НАСТ → ‘Коровы стоят на железных решётках’,

binicilik kulüb-ü-nde sürekli 2-3 at-a bin-il-iyor geri-ye kal-an 5-6 at hep ahır-da duru-yor-lar → верховая_езда клуб-ПОСЕССЗЕД-ЛОК постоянно 2-3 лошадь-ДАТ садиться_верхом-СТР-НАСТ зад-ДАТ оставаться-ПРИЧ 5-6 лошадь всё стойло-ЛОК стоять-НАСТ-МН → ‘В клубе верховой езды постоянно ездят на 2-3 лошадях, остальные 5-6 лошадей всё время стоят в стойле’.

Стандартными объектами, используемыми в сочетании с *dur-* в статическом значении, является человек, движимые неодушевлённые объекты (предметы обихода, одежды, транспортные средства и др.).

Dur- не учитывает пространственную ориентацию каких бы то ни было типов объектов и характер их опоры, которые вытекают из их естественного положения или, при необходимости, уточняются грамматически, лексически или контекстуально.

В отношении человека для указания на вертикальное расположение тела используются выражения *dik dur-* ‘вертикально стоять’ и *ayak-ta dur-* ‘нога-ЛОК стоять’:

Ayak-ta dur-ma, otur şura-ya → Нога-ЛОК стоять-ОТРИЦ садиться вот_это_место-ДАТ → ‘Не стой на ногах, садись сюда!’,

Otur-acak değil, ayak-ta dur-acak yer yok. ([ТДК], R.N.Güntekin) → Сидеть-БУД ОТРИЦ, нога-ЛОК стоять-БУД место нет → ‘Негде не то, что сидеть, но даже стоять’.

В отношении животных выражение *ayakta dur-* может использоваться при уподоблении их человеку как при опоре как на четыре, так и на две ноги:

Sarhoş kedi-ler ayak-ta zor dur-u-yor → Пьяный кошка-МН нога-ЛОК трудно стоять-НАСТ → ‘Пьяные кошки с трудом держатся на ногах’,

Ayak-ta dur-an kedi (к фотографии кошки, стоящей вертикально на двух задних лапах) → нога-ЛОК стоять-ПРИЧ кошка → ‘Кошка, стоящая на задних лапах’.

При необходимости указания на вертикальную ориентацию неодушевлённых объектов обычно используется *dik dur-* ‘вертикально стоять’:

Kitap-lar-ın düş-me-me-si, rafta dik dur-ma-sı için özel bir parça var → Книга-МН-ГЕН падать-ОТРИЦ-МАСД-ПОСЕССЗЕД, полка вертикально стоять-МАСД-ПОСЕССЗЕД для особый один часть есть → ‘Для того, чтобы книги не падали на полке, а стояли вертикально, существует специальное приспособление’.

При горизонтальной ориентации тела в отношении человека и физиологически близких к нему животных может использоваться глагол *yat-* ‘лежать’, а в отношении одушевлённых и неодушевлённых объектов - *yan dur-* ‘бок стоять’, *yatay dur-* ‘горизонтально стоять’, *yer-de dur-* ‘земля-ЛОК стоять’:

Kütük yer-de dur-u-yor ‘Бревно земля-ЛОК стоять-НАСТ’ → ‘Бревно лежит на земле’.

Отсутствие указания на ориентированность объекта при использовании *dur-* находит ещё одно выражение в том, что *yan dur-* может использоваться не только в отношении горизонтально расположенных объектов (ориентир – поверхность земли), но и объектов, стоящих под углом по отношению к другим объектам или другому ориентиру (например, если несколько автобусов стоит параллельно, а один – под углом к остальным):

şarampol-de yan dur-an otomobil ‘кювет-ЛОК бок стоять-ПРИЧ автомобиль’ → ‘автомобиль, лежащий в кювете на боку’,

Yan dur-an otobüs-e gid-in ‘Бок стоять-ПРИЧ автобус-ДАТ идти-ПОВЕЛИТ2МН’ → ‘Идите в автобус, стоящий боком (по отношению к другим автобусам)’.

При помощи *dur-* может быть осуществлено указание также и на сидящего человека.

Выражение *ters dur-* ‘обратно стоять’ полностью опирается на знания участника коммуникативного акта, касающиеся обычного/правильного положения соответствующего объекта:

ters dur-an bardak ‘обратно стоять-ПРИЧ стакан’ → ‘стакан, стоящий вверх дном’,

36-37. hafta-dan önce bebeğ-iniz-in ters dur-uyor ol-ma-sı çok önemli değil-dir ‘36-37 неделя-АБЛ раньше младенец-ПОСЕСС2МН-ГЕН обратно стоять-НАСТ быть-МАСД-ПОСЕСС3ЕД очень важно ОТРИЦ-МОД’ → ‘Не очень важно, что до 36-37 недели (беременности) ваш младенец находится в обратном положении’.

В отношении человека возможно также *baş aşağı dur-* ‘голова низ стоять’ → ‘стоять вниз головой’:

Baş-aşağı dur-mak omurga-yı esne-tir ‘голова-вниз стоять позвоночник-АКК гнуться-ПОНУД’ → ‘Стойка вниз головой придаёт позвоночнику гибкость’.

Так же в воде:

Ceset-ler su-da genellikle baş aşağı dur-ur ‘труп-МН вода-ЛОК обычно голова вниз стоять-АОР’ → ‘Трупы обычно плавают в воде вниз головой’.

В соответствии с ситуацией в сочетании *dur-* могут использоваться и другие наречия, например:

mevil-li dur- ‘наклон-ИНСТР стоять’ → ‘стоять под наклоном’,

Vak, bu tablo yamuk dur-uyor → Смотреть этот картина криво стоять-НАСТ → ‘Смотри, эта картина висит/стоит криво’.

При необходимости указания на подвешенное состояние разных типов объектов могут быть использованы выражения с наречием *asılı* ‘подвешенный’ (*asılı kal-* ‘подвешенный оставаться’, *asılı dur-* ‘подвешенный стоять’ → ‘быть подвешенным, висеть’) или глагол *sark-* ‘свешиваться (самопроизвольно)’:

Kuş gaga-sı-nı tel-e geçir-ip kafes-te asılı dur-uyor → Птица клюв-ПОСЕСС3ЕД-АКК проволока-ДАТ протаскивать-ПРИЧ клетка-ЛОК подве-

шенный стоять-НАСТ → ‘Птица висит в клетке, зацепившись клювом за проволоку’,

komşu-nun bahçe-si-ne sark-an ağaç dal-ı ‘сосед-ГЕН сад-ПОСЕССЗ-ДАТ свешиваться-ПРИЧ дерево ветка-ПОСЕССЗЕД’ → ‘ветка дерева, свисающая в соседний сад’.

Приведём примеры характеристики положения одежды:

Sen-in üst-ü-nde çok iyi dur-uyor → Ты-ГЕН верх-ПОСЕССЗЕД-ЛОК очень хорошо стоять-НАСТ → ‘(Этот предмет одежды) на тебе очень хорошо сидит’,

atki-lar elbise askı-sı-nda dur-uyor → Шарф-МН одежда вешалка-ПОСЕССЗЕД-ЛОК стоять-НАСТ → ‘Шарфы висят на вешалке для одежды’,

raf-lar-da katlı dur-an kazak-lar → полка-МН-ЛОК сложенный стоять-ПРИЧ свитер-МН → ‘сложенные свитера, лежащие на полке’.

Несоотнесённость с определённым пространственным положением объектов, описательность и разнообразие лексических средств, которые могут быть использованы в сочетании с *dur-*, указывают на свободный характер таких словосочетаний.

Для описания ситуации, при которой человек не совершает в течение некоторого времени существенных с точки зрения «параметров текущей ситуации» [Апресян 1986: 16] направленных пространственных перемещений, но при этом, в отличие от глагола *dur-*, не ограничен в своих движениях (в отличие от значения ‘находиться’ в отношении животных), например, пребывая в течение ограниченного времени в каком-либо населённом пункте, но передвигаясь в его границах, используется глагол *kal-* ‘оставаться’, по своим значениям близкий к др.-тюрк. QAL [ДТС]:

Moskova'-da neredede kal-dı-nız? ‘Москва-ЛОК где оставаться-ПРОШ-МН2?’ → ‘В какой гостинице вы останавливались в Москве?’.

Приведённые примеры показывают, что *dur-* в статическом значении не соотносится с какой бы то ни было ориентацией объекта или характером опоры и означает только его фактическое пребывание в неподвижном состоянии в течение более или менее длительного времени, т.е. этот глагол противопоставлен не «лежанию» или «сидению», а движению:

Ya kuş-lar dur-uyor, gökyüz-ü hareket ed-iyor-sa? → А птица-МН стоять-НАСТ небосвод движение ВСП.ГЛ.-НАСТ-УСЛ → ‘А если птицы стоят на месте, а небосвод движется?’.

В динамическом значении «вхождения в состояние» *dur-* ‘останавливаться, прекращать движение, бездействовать’ (значение 2 в [ТРС]), в отличие от индоевропейских *stand up, aufstehen, вставать*, не соотносится с движением, направленным на изменение пространственного положения тела человека или животного с сидячего или горизонтального на вертикальное (в этом значении используется *kalk-* ‘подниматься, вставать, взлетать’) и указывает только на прерывание перемещения или действия, работы (ср. русск.: «стоять используется для описания окказиональных неподвижных состояний постоянно движущихся объектов» [Рахилина 1998: 71]):

Yol-da nerede çeşme gör-dü-m-se dur-du-m, el-im-i yüz-üm-ü yıka-dı-m, su iç-ti-m. ([ТДК], N.Cumalı) → дорога-ЛОК где источник видеть-ПРОШ-1ЕД-УСЛ стоять-ПРОШ-1ЕД, рука-ПОСЕСС1ЕД-АКК ЛИЦО-ПОСЕСС1ЕД-АКК мыть-ПРОШ-1ЕД, вода пить-ПРОШ-1ЕД → ‘Если у дороги я видел какой-нибудь источник, я останавливался, умывался, мыл руки и пил воду’,

Bileğ-im-de-ki saat dur-muş. ([ТДК], A. Gündüz) → Запястье-ПОСЕСС1ЕД-ЛОК-АДЪЕКТИВИЗАТОР часы стоять-ПЕРФ → ‘Часы у меня на руке остановились’,

İstanbul'-da hayat saat 09.05'-te dur-du (о ежегодно проводимой минуте молчания в момент смерти К.Ататюрка), → Стамбул-ЛОК жизнь час 09.05-ЛОК стоять-ПРОШ → ‘В 9.05 жизнь в Стамбуле замерла’,

sol motor-u hava-da dur-unca uçak ... → левый мотор-ПОСЕСС3ЕД воздух-ЛОК стоять-ДЕЕПР самолёт → ‘когда у самолёта отключился левый двигатель ...’,

Son-u-nda yağmur dur-du. → Конец-ПОСЕСС3ЕД-ЛОК дождь стоять-ПРОШ → ‘Наконец дождь прекратился’,

Zaman dur-du sanki. Bekler-ken sen-i. (стихи) → Время стоять-ПРОШ. словно. Ждать-ДЕЕПР ты-АКК → ‘В ожидании тебя время словно остановилось’.

Аналогичным образом глагол *durdur-*, образованный от *dur-* при помощи аффикса понудительного залога, имеет только каузативное значение ‘останавливать’, но не ‘приводить в вертикальное положение’ (*koy-* ‘класть, ставить’: *dik koy-* ‘вертикально ставить’, *yataş koy-* ‘горизонтально класть’).

Глаголы позиции во многих языках используются в качестве модифицирующих со значениями продолжительности, привычности, повторяемости действия. В турецком языке *dur-* также используется в качестве модифицирующего глагола в акциональных формах со значением продолжительности действия, обычно в сочетании с деепричастием основного глагола:

Hala alaycı gülüş-me-si ile bak-a-dur-uyor karşı-m-da... ‘Тётя насмешливый улыбаться-МАСД-ПОСЕСС3ЕД с смотреть-ДЕЕПР-стоять-НАСТ напротив-ПОСЕСС1ЕД-ЛОК’ → ‘Тётя всё стоит и смотрит на меня насмешливо’,

Bütün gün boyunca bahçe-de çalış-a-dur-du ‘Весь день вдоль сад-ЛОК работать-ДЕЕПР-стоять-ПРОШ’ → ‘Он работал в саду весь день’,

Karşı-m-da ağla-yıp dur-ma → Напротив-ПОСЕСС1ЕД-ЛОК плакать-ДЕЕПР стоять-ОТРИЦ → ‘Прекрати плакать, стоя передо мной’,

Kedi sağ-a sol-a sürt-ün-üp dur-uyor → кошка право-ДАТ лево-ДАТ тереть-ВОЗВР-ДЕЕПР стоять-НАСТ → ‘кошка постоянно трётся обо то левым, то правым боком’.

В основе такой акциональной формы лежит распространённая в турецком языке синтаксическая конструкция, используемая для выражения двух последовательно или параллельно выполняемых действий разного рода:

bu saat-te dışarı çık-ıp sigara iç-ip yürü-me-yi tercih ed-er-im ‘этот час-ЛОК наружу выходить-ДЕЕПР сигарета курить-ДЕЕПР шагать-МАСД-АКК пред-

почтение ВСП.ГЛАГ-АОР-1ЕД' → 'в это время я предпочитаю выйти на улицу и курить на ходу',

balkon-da bira iç-ip otur-mak 'балкон-ЛОК пиво пить-ДЕЕПР сидеть-МАСД' → 'сидеть на балконе и пить пиво'.

В отличие от двух последних примеров, при использовании *dur-* в роли модифицирующего глагола он десемантизирован, так как может быть использован в сочетании с глаголом движения, что исключает одновременное перемещение и состояние неподвижности:

deli gibi koş-up dur-uyor 'сумасшедший как бежать-ДЕЕПР стоять-НАСТ' → 'всё время бежит, как сумасшедший',

telaş içinde oraya buraya koş-up dur-mak 'беспокойство внутри сюда туда бежать-ДЕЕПР стоять-МАСД' → 'в панике бегать без остановки туда-сюда',

22 kişi 1 top-un peşinden koş-up dur-uyor '22 человек 1 мяч-ГЕН за бежать-ДЕЕПР стоять-НАСТ' → '22 человека без остановки бегают за одним мячом',

kız-ın sevgili-si gel-ip dur-uyor 'девушка-ГЕН любимый-ПОСЕССЗЕД приходить-ДЕЕПР стоять-НАСТ' → 'возлюбленный девушки всё приходит и приходит'.

С учётом активности этой модели и несмотря на произошедшую в современном языке десемантизацию *dur-* в роли модифицирующего глагола можно предположить, что в основе последней лежало представление о параллельном осуществлении двух действий, одним из которых было пребывание в состоянии неподвижности: 'не двигаться с места и писать', 'не двигаться с места и плакать' и т.д.

Восьмивариантный показатель *-dir*, представляющий собой грамматизованный глагол *dur-*, в современном турецком значительно отделился от исходной функции предикативной связки при именах в 3 л. со значением изъявительной модальности. Факультативность этого показателя в первоначальной функции привела к закреплению за ним в разговорном языке значения модальности уверенного предположения в сочетании с любыми частями речи и любым грамматическим лицом:

– *Orada bir eczane var mı? – Var-dir* 'Там одна аптека есть ВОПРОС. – Есть-МОД' → 'Там есть аптека? – Должна быть',

– *Bu-nu duy-muş-sun-dir* 'Это-АКК слышать-ПЕРФ-2ЕД-СВЯЗКА' → 'Ты, конечно же, слышал об этом',

– *Bu-nu sen kendi-n söyle-miş-sin. – Söyle-miş-im-dir* 'Это-АКК ты сам-ПОСЕСС2ЕД говорить-ПЕРФ-2ЕД говорить-ПЕРФ-1ЕД-МОД' → '– Ты это сам сказал. – Возможно, сказал'.

Как в разговорном, так и в литературном языке *-dir* с названиями временных интервалов используется для указания на длительность продолжающегося в момент речи действия, выраженного глаголом в форме настоящего времени на *-yor*:

İki saat-tir sen-i bekli-yor-um 'два час-МОД ты-АКК ждать-НАСТ-1ЕД' → 'Я жду тебя уже два часа'.

В официальном и юридическом турецком показатель *-dir* выполняет функцию формального стилистического признака и сочетается с различными частями речи в предикативной функции и глаголами в форме перфекта на *-miş*, настоящего длительного времени на *-makta* и будущего категорического времени на *-acak*:

Bu sözleşme, belge-nin tevdi tarih-i-nden üç ay sonra yürürlüğe gir-ecek-tir ‘Этот соглашение, документ-ГЕН предоставление дата-ПОСЕССЗЕД-АБЛ три месяц потом действие-ДАТ входить-БУД-МОД’ → ‘Настоящее соглашение вступит в действие через три месяца после предоставления документа’,

Hangi sözcük çok zayıf anlam-ı-na gel-mekte-dir? ‘который слово очень слабый значение-ПОСЕССЗЕД-ДАТ приходить-НАСТ.АКТ-МОД’ → ‘Какое слово имеет значение «слабый»?’

Kahraman-lar var-sa vatan var-dir ‘Герой-МН есть-УСЛ отечество есть-МОД’ → ‘Если есть герои, то есть и отечество’.

Нельзя обойти вниманием тот факт, что глагол *dur-/tur-* широко представлен в тюркских языках в разнообразных значениях. Как показано в [ЭСТЯ: 296–231], в ряде языков представлены значения, связанные, как и в турецком языке, с неподвижностью объекта, его нахождением где-либо, а также переходом к неподвижному состоянию – прерыванием осуществляемого перемещения или прекращением работы. В противоположность этому в некоторых других языках этот глагол связан с движением, направленным вертикально вверх (‘вставать, подниматься’ [ДТС 1969: 586]), и началом действия (‘начинаться, подниматься, возникать (например, о войне, буре и др.)’ в туркменском (только с глухим анлаутом *tur-*), узбекском, уйгурском – [ЭСТЯ 1980: 298]). В [ДТС 1969] для значения ‘вставать, подниматься’ приведены примеры из Словаря Махмуда Кашгарского, «Кутадгу Билиг» и древне-уйгурских, но не из орхоно-енисейских памятников. В туркменском языке сосуществуют две формы этого глагола – как со звонким, так и с глухим анлаутом: за *dur-* закрепились значения, близкие к современному турецкому, а за *tur-* – значения, связанные с движением вверх и началом действия [ЭСТЯ 1980: 299]. В целом основными и старейшими признаются значения ‘стоять, стать, становиться на ноги, останавливаться, находиться, пребывать, иметься, быть, обитать, жить, оставаться’ [ЭСТЯ 1980: 299].

В основе подобного семантического разнообразия лежит переосмысление концепта *dur-/tur-* на разных этапах общественного развития. В соответствии с общим положением о том, что «язык испытывал серьезные трудности в выработке общего понятия движения и долгое время ограничивался выработкой обозначений отдельных видов «эмпирического» движения» [Топоров 1996: 14], в древнетюркском как в значении ‘двигаться, перемещаться’, так и в значении ‘идти, шагать’ использовался глагол *yürü-* (древнетюрк. *JÜRÜ-/JÜRİ-* ‘ходить, двигаться’ [ДТС 1969: 286]), то есть отсутствовала какая-либо формализованная (и при этом не дейктическая, как в *gel-* и *git-*) модель движения или перемещения (для обозначения которой на более позднем этапе в староосманском и современном турецком будет использоваться арабское заимствование *hareket et-* ‘двигаться’, также антонимичное *dur-*), и покой мог противопоставляться только перемещению в горизонтальном направлении, совершаемому за счёт перестановки конечностей. При этом безусловно важным фактором является то, что представле-

ние о движении неразрывно связано с представлением о пространстве, в котором оно происходит [Топоров 1996: 24]. В рамках трёхмерной модели пространства мы видим, что «...праслав. **dvig(a)ti (se)*, **dvignotti (se)*, отмеченное в самых разных славянских языках, лишь в немногих из них обозначает именно ‘двигать’ (‘*movere*’)..., но чаще всего – специализированный вид движения, а именно *подняти е*...» [Топоров 1996: 15]. Противопоставление состояния покоя пешему или верховому перемещению, осуществляющемуся в горизонтальной плоскости, вполне соответствует ранее высказывавшейся нами на основании ряда языковых фактов идее о двухмерности языковой модели мира древних тюрков.

Развитие семантики *dur-* должно было происходить естественно, в соответствии с потребностью отражения новых реалий и изменений в способе производства. В противоположность этому, закрепление за показателем *-dur* функции стилистически маркированного грамматического показателя для литературного (т.е. сознательно нормируемого) языка является следствием языковой реформы, направленной на расширение функций турецкого языка и создание стилистического разнообразия.

Отсутствие в глаголе *dur-* указания на пространственную ориентацию объекта нарушает стандартную для многих языков позиционную триаду «стоять – лежать – сидеть», и *dur-* в турецком стоит обособленно от *yat-* ‘лежать’ и *otur-* ‘сидеть’, которые содержат информацию об определённом положении тела человека.

Совмещение в этом глаголе динамического и статического значений является чертой, характерной также для глаголов других лексических групп в турецком языке, например, *yürü-* ‘перемещаться пешком’: *Ödev-i yap-tı* → ‘Он делал задание’ или ‘Он сделал задание’.

Глоссы

- АБЛ – исходный падеж (аблатив)
- АКК – винительный падеж (аккузатив)
- АОР – аорист (настоящее-будущее время)
- БУД – будущее время
- ВОПРОС – вопросительная частица
- ГЕН – родительный падеж (генитив)
- ДАТ – дательный падеж (датив)
- ДЕЕПР – деепричастие
- ИНСТР – инструментальный падеж
- ЛОК – местный падеж (локатив)
- МАСД – имя действия (масдар)
- МН – множественное число
- МОД – модальность
- НАСТ – настоящее время
- ОТРИЦ – отрицательный показатель
- ОТРИЦ.АОР – отрицательная форма аориста (настоящего-будущего времени)
- ПЕРФ – перфект (прошедшее заглазное время)
- ПОНУД – понудительный залог
- ПОСЕСС – посессивный показатель
- ПРИЧ – причастие
- ПРОШ – прошедшее время
- САФ – показатель субстантивно-адъективной формы

СТР – страдательный залог

ЕД – единственное число

1 – первое лицо

2 – второе лицо

3 – третье лицо

Литература

- ДТС 1969 – Древнетюркский словарь / Ред. В.М. Надеяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. – Л., 1969.
- Апресян 1986 – *Апресян Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика, вып. 28. – 1986.
- Болдырев 2015 – *Болдырев Н.Н.* Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 1 (42). – С. 5–12.
- Рахилина 1998 – *Рахилина Е.В.* Семантика русских «позиционных» предикатов: стоять, лежать, сидеть и висеть // Вопросы языкознания, 1998. – № 6. – С. 69–80.
- Топоров 1996 – *Топоров В.Н.* Об одном из парадоксов движения: несколько замечаний о сверхэмпирическом смысле глагола «стоять», преимущественно в специализированных текстах // Концепт движения в языке и культуре. – М., 1996. – С. 7–68.
- ТРС 1977 – Турецко-русский словарь. М., 1977.
- ЭСТЯ 1980 – *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». – М., 1980.
- Enfield 2002 – *Enfield N.J.* Semantics and combinatorics of 'sit', 'stand', and 'lie' in Lao // The linguistics of sitting, standing, and lying, 2002. – P. 25–41.
- Newman – *Newman J., Rice S.* Patterns of usage for English sit, stand, and lie: a cognitively inspired exploration in corpus linguistics // Cognitive Linguistics 15. – P. 351–396.
- TDK – Материалы официального сайта Турецкого лингвистического общества (Türk Dil Kurumu) www.tdk.gov.tr
- Yamaguchi 2002 – *Newman J., Yamaguchi T.* Action and state interpretations of 'sit' in Japanese and English // The linguistics of sitting, standing, and lying, 2002. – P. 43–59.

The verb *dur-* and other ways of expressing state of immobility in the modern Turkish language

Elena Napolnova,
Istanbul (Turkey)

Summary: The Turkish verb *dur-* has stative and dynamic meanings and is used in combination with names of objects that are able to autonomously or forcibly move or perform work. *Dur-* is not a posture verb, because it does not correspond to any spatial position of objects and only contraposes motion. The indication of spatial position of objects can be put in effect lexically. *Dur-* is used as modifying auxiliary verb with progressive or habitual aspectual meanings. The indicative mood suffix *-dir*, derived from *dur-* in the modern Turkish language has gained mostly stylistic functions.

Keywords: expressing the posture of object in Turkish, expressing immobility of object in Turkish, the indicative modality marker in Turkish

Сведения об авторе

Напольнова Елена Марковна – кандидат филологических наук, доцент университета Озйегин (Турция); e-mail: elenapolnova@yahoo.com

МЕСТО ИСЛАМА В СИСТЕМЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА (ПОДХОДЫ, АСПЕКТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ)

*Ю.В. Псянчин,
г.Уфа*

Резюме: В статье определяется место религиозного стиля в системе функциональных стилей; в ходе анализа каждого из его трех подстилей (собственно-религиозного, религиозно-дидактического и религиозно-популярного) выявляется его исламская составляющая. В конце статьи обозначены перспективы изучения данной проблемы.

Ключевые слова: башкирский язык, ислам, стиль, книжная сфера, функциональный стиль, подстиль, тематика

Функциональные стили любого языка традиционно состоят из двух сфер употребления: книжной и разговорной [ОИБЛЯ 1989: 203]. Сфера книжных стилей башкирского литературного языка включает в свой состав научный, публицистический, официально-деловой, эпистолярный, религиозный, литературно-художественный стили, а также стиль башкирского устно-поэтического творчества и стиль рекламы. Отдельные явления и процессы, характеризующие их развитие, были ранее описаны нами и представлены в ряде наших публикаций [Псянчин 2002; Псянчин 2003; Псянчин 2005; Псянчин 2005; Псянчин 2006; Псянчин, Султанова 2010; Псянчин 2010 а; Псянчин 2010 б; Псянчин 2014 а; Псянчин 2014 б]. Все функциональные стили, входящие в книжную сферу башкирского языка, сформировались именно на основе его широких общественных функций.

Известно, что башкиры на протяжении ряда веков являются приверженцами суннитского направления традиционного ислама [Башкиры 2016: 449]. Мы же, исходя из данного исторического факта, считаем, что при изучении религиозного стиля башкирского языка следует усилить именно его исламскую составляющую. Это – первый момент. Но это еще вовсе не означает того, что мы должны игнорировать своды переводов священных книг на башкирский язык [Псянчин, Султанова 2010; Псянчин 2010 б], представляющих другие ведущие религии мира. Они тоже являются объектами изучения именно с позиций их функционально-стилевых особенностей (например, их принадлежность к конкретному подстилю, выявление стилиевых черт его жанров – *Ю.П.*). Это – второй момент. Третий момент мы связываем с реконструкцией текстов, относящихся к доисламским верованиям башкир [Башкиры 2016: 471 – 483], что затем позволит нам произвести детальный анализ их стиля.

Итак, религиозный стиль башкирского языка входит в систему книжных стилей, но он, в отличие от остальных, так и продолжает оставаться неизученным.

Отметим только, что аспектов его описания несколько. Мы же постараемся ограничиться на первом этапе только одним, а именно – кратким описанием форм и жанров, представляющих идеи ислама как одной из ведущих религий мира в соответствующем функциональном стиле башкирского языка. Вместе с тем, считаем обязательным подчеркнуть, что наша позиция отличается предельной простотой и ясностью, поскольку развитие религиозного стиля мы анализируем как через призму прошлого, т.е. сугубо исторического, так и его современного состояния. Об остальных, не менее интересных с точки зрения теории функциональной стилистики аспектах его исследования, будет сказано ниже.

Однако хотелось бы особо отметить еще один момент, связанный с ответом на вопрос: «Как быть, если религиозная тема, проблема присутствуют в отдельных жанрах художественных произведений, публицистики, рекламы, фольклора? Могут ли они одновременно относиться и к религиозному стилю?». Казалось бы, ответ в таком случае ясен, но именно в подобной ситуации следует провести четкий водораздел между терминами «тематика», «проблематика» и «подъязык». Принадлежность того или иного жанра прозы, поэзии и публицистики к религиозному стилю, да и не только к нему, может быть продиктована наличием так называемого «подъязыка». О сути этого термина тоже будет сказано чуть позже.

Таким образом, наша цель заключается в представлении исламской составляющей религиозного стиля башкирского языка как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах. Однако перед этим следует конкретно обозначить цели и задачи двух направлений общей стилистики вообще. Таковыми ее направлениями принято считать: а) синхроническую стилистику; б) диахроническую стилистику.

Синхроническая (описательная) стилистика, как правило, изучает современное состояние функциональных стилей любого языка [СЭСРЯ 2003: 234]. Это направление функциональной стилистики башкирского языка на сегодня изучено достаточно полно.

Формирование системы подстилей религиозного стиля завершилось в 2001 г. На тот момент их было три: а) собственно-религиозный подстиль; б) пояснительно-дидактический религиозный подстиль; в) популярно-религиозный подстиль [Псянчин 2002]. Однако дополним, что их дальнейшее развитие на основе новых экстралингвистических факторов продолжается до сих пор.

Собственно-религиозный подстиль в содержательном плане представляет собой свод переводов всех священных книг (Корана, Библии и др.) на башкирский язык. Начало формированию этого подстиля было положено выходом в свет в 1993 году в издательстве «Китап» на башкирском языке священной книги мусульман – «Корана». Подстиль получил очень сильное развитие в 2001–2018 гг., что было обусловлено только одним фактором – периодическим изданием на башкирском языке священных книг. Так, под патронатом Института Библии были изданы переводы на башкирский язык «Деяний» (2002), «Евангелие от Иоанна» (2000) и «Евангелие от Марка» (2003) [Перевод Библии... 2008: 374], которые достойно заняли свое место в качестве основных текстов вышеназванного подстиля. В 2010 г. под эгидой Российского библейского общества вышел в свет «Ветхий завет. Книга бытия на башкирском языке» («Иске Ғәһед. Башланмыш», СПб., 2010). В 2014 г. был опубликован «Новый завет» («Инжил башкорт телендә», М., 2014) на башкирском языке. В том же 2014 г. было напечатано вто-

рое издание «Корана» («Көрһән Кәрим», Өфө, 2014) на башкирском языке, которое сразу же превратилось в библиографическую редкость.

Добавим, что основными жанрами собственно-религиозного подстиля принято считать *аяты* (башк. аят; одно предложение из коранического текста, стих Корана – Ю.П.), *хадисы* (башк. хэзис; рассказы очевидцев и современников о поступках и словах пророка Мухаммеда – Ю.П.), *сурь* (башк. сүрә; 114 частей, на которые делится текст Корана – Ю.П.), *дуа* (башк. доға; текст мольбы, обращения к Аллаху), *намаз* (башк. намаз; каноническая молитва, один из пяти столпов ислама), *вагаз* (башк. вәғәз; проповедь).

В этой связи стоит упомянуть две работы переводного характера, являющиеся не только объектами изучения собственно-религиозного подстиля башкирского языка, но и яркими образцами таких его жанров, как *дуа* и *хадисы*: 1) «Дуа Аль-Исм аль-Азам. 99 красивых имен Аллаха» У. Аль-Хафизы («Аллаһы Тәғәләнең 99 гүзәл исемдәре (Доға-и исми әғзам)», Уфа, 2017; 2) «40 священных Хадисов Кудси» М. Трабзони Мадани («40 изге Кудси Хэзис», Уфа, 2017).

Функциональное назначение *пояснительно-дидактического подстиля* связано с учебно-просветительской работой, поэтому ему характерна систематизация религиозного материала, развернутые дефиниции религиозных понятий. Этим он близок к учебно-научному подстилю научного стиля башкирского языка.

Началом его формирования послужило издание башкирским ученым-фольклористом С.А. Галиным в 1996 г. учебника известного в Урало-Поволжье исламского богослова и педагога С. Бикбулата (1886–1954) «Уроки религии» («Дин дәрестәре»). К этой категории литературы относится и издание «Тафсир Корана» («Көрһән Тәфсире», Казан, 2005). Традиции С. Бикбулата были продолжены И. Хайбуллиным, который издал учебник «Уроки религии» («Дин дәрестәре», Уфа, 2015). К данной группе печатной продукции можно отнести книги, увидевшие свет в издательстве «Дагват» за последние годы: 1) «Исламские обычаи» («Ислам дине йолалары» Уфа, 2016); 2) «Порядок чтения намаза» Р. Исхаки («Намаз укыу тәртибе», Уфа, 2016); 3) «Деяния, оберегающие мусульманина» («Мөһминде коткарыусы гәмәлдәр», Уфа, 2016); 4) «Исламская религия» Г. Расули («Ислам дине», Уфа, 2016); 5) «Молитвы Пророка (да благословит его Аллах и приветствует)» И. Хафизы («Пәйғәмбәребез (ғ.с.) доғалары», Уфа, 2016); 6) С. Аль-Кахтани «Молитвы для заговора» («Өшкөрә торған йолалар», Уфа, 2017). Не остались в стороне и представители Башкирского Зауралья в лице деятелей мусульманского духовенства г. Сибая, опубликовавшие учебное пособие С. Гусаймина и Г. Габдрахмана «Правила хаджа и умры» («Хаж һәм ғумра тәртиптәре», Сибай, 2006).

Республиканское издательство «Китап» в 2015–2016 гг. выпустило справочники «Священные молитвы» («Изге доғалар», сост. Ф.М. Бикташева, Уфа, 2015), «Намаз» («Изге намаз», сост. С.Г. Сабирьянова, Уфа, 2016) и учебник «Основы ислама» («Ислам нигеззәре», сост., автор вступит. статьи Ф.Р. Худайгулов, Уфа, 2016).

Также в качестве объекта пояснительно-дидактического подстиля следует квалифицировать труд великого тюркского и башкирского религиозного деятеля, ученого-богослова, мыслителя и педагога-просветителя Р. Фахретдинова (1859–1936) «Наставления» («Нәсихәттәр», пер. и сост. А.Г. Салихова. Өфө, 2003), обладающего статусом классического духовного учебника.

Дальнейшему развитию этого подстиля способствовал выход в свет толковых словарей Ф.Ш. Сибгагова [Сибгатов 2004], Д.Д. Магадеева [Мәһәзиев 2010], братьев А.М. и Айд.М. Багаутдиновых [Багаутдинов, Багаутдинов 2010], и З.Г. Уразбаевой [Уразбаева 2017].

Все перечисленные нами факты свидетельствуют только об одном: пояснительно-дидактический подстиль как составная часть религиозного стиля окончательно сформировался и имеет свою систему жанров.

Популярно-религиозному подстилю, как и научно-популярному подстилю научного стиля, свойственна наибольшая экспрессивность, эмоциональность, что доказывается функционированием в нем такого жанра, как духовное стихотворение. Благодаря его наличию достигается более доходчивая передача адресату-читателю различной религиозной информации.

Все это дает полное основание для заявления о том, что стилевые черты религиозного стиля имеют межстилевой характер. Иными словами, этому стилю, как и литературно-художественному [Кожина 1993: 200], характерно использование языковых средств всех остальных стилей книжной сферы.

К примеру, мы считаем, что язык духовной поэзии на башкирском языке следует рассматривать в составе одного из трех подстилей религиозного стиля – *популярно-религиозного подстиля*, поскольку именно жанрам поэзии характерна та экспрессивность, которая служит основным средством воздействия на умы и сердца верующих.

Сегодня духовная поэзия на башкирском языке представлена творчеством таких известных поэтов, как народный поэт Башкортостана Р. Бикбаев (Р. Бикбаев. «Сто один хадис»: Первая книга. На башк. яз. Уфа, 2001; Вторая книга. На башк. яз. Уфа, 2002; Третья книга. На башк. яз. Уфа, 2006) и др.), М. Ямалетдинов (М. Ямалетдин. «Коран: Поэтические переводы». На башк. яз. Уфа, 2002) и т.д.), а также образцами творчества самодеятельных поэтов (например, «Слова, высказанные от всей души: сборник мунажатов, сост. Г. Габдрахман». Сибай, 2006). Кстати, в 2008 г. республиканское издательство «Китап им. Зайнаб Бишевой» опубликовало второй том избранных произведений Р. Бикбаева, куда вошли и его знаменитые хадисы (Р. Бикбаев. «Избранные произведения. II том: стихи, хадисы и переводы». На башк. яз. Уфа, 2008). Это еще раз свидетельствует об их востребованности в башкирском обществе.

В 2006 г. издательством «Информреклама» при финансовой поддержке ОАО «Салаватнефтеоргсинтез» был издан духовный поэтический сборник первого народного поэта Башкортостана М. Гафури «Адам и Иблис» (сост., предисл., комм. Ф.Ш. Сибгагова, Л.М. Камаевой. На башк. яз. Уфа, 2006), состоящий из его ранее неопубликованных стихов на исламскую тематику.

В 2007 г. увидела свет книга башкирской поэтессы и общественного деятеля Гузель Ситдиковой «Доброе семя – доброе племя», состоящая из эссе и стихов на духовную тематику. В 2014 г. ею же был издан подобный в тематическом плане сборник стихов и путевых заметок «Райский сад». Но отметим также, что его плотный выпуск состоялся еще в 2005 г. под таким же названием. Кроме этого, Г. Ситдикова известна еще и как автор «Наставлений для молодой семьи» (Уфа, 2006), где сильно представлена духовная составляющая. Однако этот ее сборник в функционально-стилистическом плане относится к пояснительно-дидактическому подстилю.

В 1997 г. поэт А. Кашфуллин издал свою духовную лирику в виде поэтического сборника «Лучи веры. На башк. яз.» (Уфа, 1997).

Естественно, возникает вполне уместный вопрос: почему же мы придерживаемся термина «духовная литература», а не другого, например, термина «религиозная литература»? Суть нашего ответа такова: если бы мы оказались сторонниками применения термина «религиозная литература», то нам бы пришлось ограничиться только поэзией и прозой. Но при нашем обращении к термину «духовная литература» объектов научного поиска становится существенно больше, что, прежде всего, отражается на многообразии жанров.

Таким образом, круг наших исследовательских интересов распространяется не только на стили-языковые особенности поэзии и прозы религиозной тематики, но и на религиозные календари (Башкирский религиозный календарь. На башк. яз. Уфа, 2006–2017) и популярные издания (С. Сукбаев. «Нравственные ценности ислама». На башк. яз. Уфа, 2011; Л. Ахмет-Якшибаева. «Святые нашего народа». На башк. яз. Уфа, 2014; Л. Ахмет-Якшибаева. «Мужавир хазрет». На башк. яз. Уфа, 2008 и т.д.), выпущенные на башкирском языке. Например, научно-популярная книга С. Сукбаева «Нравственные ценности ислама» (Уфа, 2011) состоит из аятов, хадисов, рассказов и преданий.

Башкирская писательница Л. Якшибаева своей прозой активно поддержала совершенно новое направление в нашей сегодняшней прозе, посвященное описанию жизни и деятельности религиозных деятелей. Но еще раньше зачинателями данного направления в современной башкирской прозе выступили народный поэт Башкортостана М. Карим (М. Карим. «Долгое-долгое детство». Повесть. На башк. яз. Уфа, 1976), писатели М. Абсалямов (М. Абсалямов. «Хальфа». Роман. На башк. яз. Уфа, 2008), З. Ураксин (З. Ураксин. «Горечь полыни». Повесть. На башк. яз. Уфа, 2002; «Вороной». Роман. На башк. яз. Уфа, 2005; «Караван-сарай». Роман-хроника. На башк. яз. Уфа, 2008). Роман писателя М. Абсалямова «Хальфа» написан в стиле литературного портрета об одном из выдающихся деятелей российского мусульманства, члене суфийского ордена Накшбандийа, ректоре медресе «Расулия» Зайнулле-ишане Расулеве (1833–1917), более известному в исламском мире как Зайнулла бин Хабибулла бин Расуль [Набиуллина 2015]. В ряд произведений подобной тематики можно включить повесть А.-Г. Утябая «Сорванное яблоко» (На башк. яз. Уфа, 2011) и рассказ С. Ильясова «Инвалид поневоле» (На башк. яз. Уфа, 2012). Они тоже занимают достойное место в статусе истинных образцов популярно-религиозного подстиля.

Представленная нами выше проза на мусульманскую тематику была подвергнута серьезному научному анализу башкирским литературоведом Г.М. Набиуллиной в ряде ее публикаций [Набиуллина 2012; Набиуллина 2013; Набиуллина 2014; Набиуллина 2015; Набиуллина 2016], что только помогло усилить наши позиции в признании ее в качестве объекта изучения популярно-религиозного подстиля.

В 2015 г. научно-издательский комплекс «Башкирская энциклопедия» издал на башкирском языке «Поэтические интерпретации сур Корана», подготовленные поэтом М. Ямалетдиновым. Этот труд по ряду специфических особенностей можно отнести как к собственно-религиозному, так и к популярно-религиозному подстилям. В первом случае это напрямую связано только с содержанием

«Поэтических интерпретаций сур Корана», во втором случае – с самой спецификой популярной формы подачи названных текстов.

Диахроническая (историческая) стилистика, по мнению известного советского и российского лингвиста, главы Пермской научной школы функциональной стилистики М.Н. Кожинной (1925–2012), ставит своей целью исследование процесса формирования функциональных стилей и более частных жанрово-речевых разновидностей в связи с изменением их экстралингвистических основ [СЭСРЯ 2003: 416]. Таким образом, диахроническая стилистика исследует историю формирования и дальнейшего развития функциональных стилей с учетом влияния на язык внешних факторов каждой эпохи.

В истории башкирского языкознания предпринималось несколько попыток научного анализа функциональных стилей в историческом плане, среди которых следовало бы выделить монографию Р.Х. Халиковой «Язык башкирских шежере и актов документов XVIII–IX вв.» [Халикова 1990] и написанный ею же первый раздел «История башкирского литературного языка до XIX в.» [ОИБЛЯ 1989: 12–79] в коллективной работе «Очерки истории башкирского литературного языка». Но здесь вполне уместно вспомнить известного советского и российского языковеда-германиста Н.Н. Семенюк, которая в своем исследовании «Очерки по исторической стилистике немецкого языка» вполне справедливо отмечала, что «...наиболее тесно связаны между собою история литературной формы языка и историческая стилистика. Однако полного совпадения данных направлений нет... <...> Не все проблемы истории литературного языка и исторической стилистики совпадают...» [Семенюк 2000: 10–11]. Добавим, что имеющиеся результаты исследовательской деятельности Р.Х. Халиковой только предваряют начальный этап изучения исторической стилистики башкирского языка. Более того, благодаря той же Р.Х. Халиковой мы являемся свидетелями совпадения отдельных проблем истории литературного языка и исторической стилистики: например, язык тюрки Урало-Поволжья или старотюркский язык, функционировавший уже в конце XVII–начале XVIII вв. в качестве литературного языка, в силу своей широкой общественной практики успел образовать свою систему функциональных стилей, куда были включены деловой стиль [ОИБЛЯ 1989: 63–65], летописный стиль [ОИБЛЯ 1989: 65–68], публицистический стиль [ОИБЛЯ 1989: 68–72] и литературно-художественный стиль [ОИБЛЯ 1989: 72–79], т.е. четыре функциональных стиля. Заметим, что литературно-художественный стиль указанного периода параллельно можно рассматривать и в качестве религиозного стиля на примере творчества писателей и поэтов данной эпохи (Хисамитдин Муслими, Таджетдин Ялыгулов, Мавля Колой, Габдрахим Усман и другие) [ОИБЛЯ 1989: 72–79]. Полагаем, что подобный подход имеет право на жизнь и дальнейшее творческое развитие.

В сложившейся ситуации следует обратиться к идеям чл.-кор. РАН, почетного академика Академии наук Республики Башкортостан, известного тюрколога-языковеда Э.Р. Тенишева (1921–2004) в области изучения исторической стилистики тюркских языков. Суть его идеи основана на взаимозаменяемости отдельных функциональных стилей. Действительно, тюркские языки, так же, как и их функциональные стили, в историческом аспекте развивались не одинаково, поскольку это зависело от ряда серьезных лингвистических и экстралингвистических причин [Тенишев 1977: 61–75]. Именно Э.Р. Тенишев в на примере древне-

уйгурского языка доказал, что стиль стихотворных произведений можно одновременно рассматривать и в качестве религиозного стиля, ибо по своему содержанию стихи делятся на светские и религиозные (философско-дидактические) [Тенишев 1977: 61] на основе их тематики, т.е. из-за присутствия специального подъязыка. Впоследствии эта идея была развита азербайджанскими лингвистами М.П. Джангировым [Джангиров 1990: 20] и В.З. Адиловым [Адилов 1980: 78], которые считали, что стиль художественной литературы в определенном периоде развития литературного языка способствует формированию и усовершенствованию научного стиля и его подстилей.

Таким образом, взаимозамена функциональных стилей книжной сферы в определенной исторической ситуации напрямую связана со специальной системой их жанров и стилевых черт, а самое главное – с тематикой того или иного жанра, именуемого знакомым нам уже термином «подъязык».

В связи с этим особую актуальность приобретает содержание определения, авторами которого являются представители Института языкознания РАН: «ПОДЪЯЗЫК. Функциональная разновидность национального языка, обслуживающая преимущественно профессиональные сферы человеческой деятельности. *Подъязык математики. Подъязык права. Подъязык кулинарии. Подъязык метеосводок. Концепция ограниченных языков*» [Васильева, Виноградов, Шахнарович 1995: 85]. Мы полностью согласны с позицией авторов этого определения.

Именно благодаря подъязыку исламской терминологии мы можем считать совокупность жанров суфийской литературы [ИБЛ 2012: 116–130] в качестве религиозного стиля донационального периода развития башкирского литературного языка.

Однако рассматривать сам подъязык строго в рамках диахронической стилистики было бы неправильно, поскольку эта функциональная разновидность национального языка также имеет прямое отношение и к современному состоянию функциональной стилистики башкирского языка. Возьмем, например, духовную поэзию на башкирском языке. Она одновременно может относиться как к подстилю поэзии литературно-художественного стиля башкирского языка, так и к популярно-религиозному подстилю его религиозного стиля. Второй случай обусловлен именно наличием в ней специального подъязыка – подъязыка мусульманской религии. Добавим, что так же обстоит дело и с исламской прозой, которая параллельно входит в состав подстиля прозы того же литературно-художественного стиля башкирского языка.

Рассмотренные нами факты еще раз свидетельствуют о расширении общественных функций башкирского языка как одного из государственных языков Республики Башкортостан за последние пятнадцать лет [Гарипова 2009]. Причиной перечисленных позитивных изменений в развитии башкирского языка следует считать политкорректную реализацию Закона Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан» [Хисамитдинова, Мухтаров 2015], что благоприятно отражается не только на развитии функциональных стилей книжной сферы, но и его разговорного стиля.

Однако здесь имеется еще один важный момент: детальный анализ экстралингвистических факторов формирования и развития исламской составляющей религиозного стиля путем изучения всех имеющихся документов и фактов [Ислам и мусульмане южного Урала... 2009; Хабибуллина 2015]. К ним, как пра-

вило, относятся указы, постановления, приказы, решения, а также статистика и хроника жизни мусульманства Башкортостана.

Еще одно направления исследования религиозного стиля – анализ активно используемых в учебном процессе словарей по исламу, поскольку они в большинстве случаев по своему статусу и функциональному назначению представляют собой один из видов учебных пособий. Изданный в 2010 г. братьями Айдаром и Айратом Багаутдиновыми «Краткий русско-башкирский исламский толковый словарь» [Багаутдинов, Багаутдинов 2010] является одновременно переводным и толковым. Первоочередное значение в нем приобретает структура, содержание и, самое главное, стиль толкования того или иного термина. Иными словами, на первый план в нем выходит выявление и описание средств актуализации таких стилевых черт, как точность, логичность, краткость, только уже потом – информативность и экспрессия [Плещенко, Федотова, Чечет 1999: 73–75]. Это также касается и толковых словарей Д.Д. Магадеева «Исламская религия» [Мәһәзиев 2010] и З.Г. Уразбаевой «Башкирский религиозный словарь» [Уразбаева 2017]. Таким образом, можно утверждать, что перечисленные словари относятся к пояснительно-дидактическому подстилю.

Словарь Ф.Ш. Сибэгетова «Ислам (религия, писатель, литература): Справочный словарь» [Сибәғәтов 2004] несколько отличается от представленных выше словарей именно с точки зрения функционального назначения: это прежде всего сугубо культурологический словарь, где толкования терминов предложены в предельно доступной форме и через призму явлений мировой культуры, науки и образования. Его доминирующими стилевыми чертами являются информативность и экспрессия, только затем – точность, логичность, краткость. Таким образом, данный словарь может выступать и в качестве объекта популярно-религиозного подстиля.

Еще одним аспектом изучения религиозного стиля представляет собой развитие идей, выдвинутых Э.Р. Тенишевым [Тенишев 1977], что можно наблюдать в творчестве идеологов башкирского просветительства – поэтов-демократов XIX в. Мифтахетдина Акмуллы (1931–1895) и Мухаметсалима Уметбаева (1941–1907) [Вильданов, Кунафин 1981], которые, обратившись в своих произведениях к средствам народно-разговорного языка и языка фольклора, способствовали демократизации башкирского литературного языка, [ОИБЛЯ 1989: 107–120; Галютдинов 2000: 81–97; Гәләүәтдинов 2008: 177–185]. Заслуживает особого внимания и их поэтические произведения [Акмулла 1981; Өмөтбаев 1984; Өмөтбаев 2016], написанные на религиозные темы, где доминирует соответствующая лексика, – они представляют собой образцы религиозного стиля башкирского литературного языка второй половины XIX в.

Третьим аспектом изучения религиозного стиля можно назвать лингвостилистический анализ отдельных жанров стиля башкирского устно-поэтического творчества: например, *мунажатов* (башк. мөнәжәт). Исследователи башкирского фольклора Б.С. Баимов и Г.Н. Ахмадеева отмечают, что мунажат как поэтический жанр представляет из себя ночную молитву, обращение к Аллаху, даже – философское размышление о жизни и смерти, для которого характерен лирико-субъективный, исповедальный или дидактический характер [Баимов, Ахмадеева 1996: 415–416]. Дидактическую составляющую мунажатов особо выделял и другой башкирский ученый-фольклорист С.А. Галин, считавший, что эта особенность их строится прежде всего на усилении религиозных идей [Галин 1999:

185]. Мы же, опираясь на озвученную ранее идею Э.Р. Тенишева о взаимозаменяемости функциональных стилей в силу определенных исторических причин [Тенишев 1977: 61–75], можем включить мунажаты исповедального и дидактического характера в состав религиозно-дидактического подстиля религиозного стиля башкирского языка.

Мунажаты, в содержании которых явно доминирует лирико-субъективное начало [Баимов, Ахмадеева 1996: 416], могут претендовать на статус жанра популярно-религиозного подстиля. Однако подобное «распределение» возможно только при усилении подъязыка и наличии специальных средств, актуализирующих те или иные стилевые черты названных подстилей. Мунажаты, как правило, входят в подстиль поэтических жанров стиля башкирского устно-поэтического творчества [Псянчин 2000: 4].

В ходе исследования процесса формирования и дальнейшего развития религиозного стиля на первый план выходит вопрос усиления его исторической составляющей. Это будет способствовать решению следующих важных задач: 1) систематизации всех жанров литературы на исламскую тематику; 2) более детальному описанию стиле-языковых и специфических особенностей переводов на башкирский язык священных книг других мировых религий; 3) выявлению экстралингвистических факторов формирования религиозного стиля башкирского литературного языка той эпохи (т.е. до 1917 г.); 4) исследованию стиля и языка знаковых, или этапных для своего времени произведений на религиозную тематику. Решение перечисленных задач позволит перейти к изучению религиозного стиля башкирского литературного языка на рубеже XX–XXI вв. Подчеркнем, что общей для синхронического и диахронического направления стилистики остается проблема выявления стилевых черт и средств их актуализации, которая может быть осмыслена путем обращения к системному подходу.

Литература

- Адилов 1980 – *Адилов В.З.* Научный стиль азербайджанского литературного языка XIX в.: автореф. дисс. ... к. филол. наук (10.02.06) / АН АзССР. Инс-т языкознания. – Баку, 1980.
- Акмулла 1981 – *Акмулла. Шиғырҙар / Төз., баш һүз Ә.Вилданов.* – Өфө, 1981.
- Башкиры 2016 – Башкиры / Отв. ред. *Р.Г. Кузеев, Е.С. Данилко*; Серия «Народы и культуры». – М., 2016.
- Багаутдинов, Багаутдинов 2010 – *Багаутдинов А.М., Багаутдинов А.М.* Краткий русско-башкирский исламский толковый словарь. – Уфа, 2010.
- Баимов, Ахмадеева 1996 – *Баимов Б.С., Ахмадеева Г.Н.* Мунажат (*башк. мөнәжәт*) // Башкортостан: Краткая энциклопедия. – Уфа, 1996. – С. 415–416.
- Васильева, Виноградов, Шахнарович 1995 – *Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М.* Краткий словарь лингвистических терминов. – М., 1995.
- Вильданов, Кунафин 1981 – *Вильданов А.Х., Кунафин Г.С.* Башкирские просветители-демократы XIX века. – М., 1981.
- Галин 1999 – *Галин С.* Тел аскысы халыкта. Башкорт фольклорынын аңлатмалы һүзлегә. Төз. һәм тулт. 2-се баһмаһы. – Өфө, 1999.
- Галяутдинов 2000 – *Галяутдинов И.Г.* Два века башкирского литературного языка. – Уфа, 2000.
- Гарипова 2009 – *Гарипова Ф.Х.* Языковая политика и общественная мысль. – Уфа, 2009.
- Ғәләүәтдинов 2008 – *Ғәләүәтдинов И.Ф.* Башкорт эзәби теленең тарихы. – Өфө, 2008.
- Джангиров 1990 – *Джангиров М.П.* Становление азербайджанского национального литературного языка и его ведущих стилей: дисс. ... д-ра филол. наук в форме научн. докл. (10.02.06) / АН АзССР. Инс-т языкознания. – Баку, 1990.

- Ислам и мусульмане южного Урала... 2009 – Ислам и мусульмане Южного Урала в историко-правовом пространстве России: Сборник законодательных актов, постановлений и распоряжений центральных и региональных органов власти и управления в XX–XXI веках / Авт.-сост. А.Б. Юнусова. – Уфа, 2009.
- ИБЛ 2012 – История башкирской литературы. Т. 1: С древнейших времен до начала XX века. – Уфа, 2012.
- Кожина 1993 – *Кожина М.Н.* Стилистика русского языка. Учебн. для пединститутов. 3-е изд., перераб. и доп. – М., 1993.
- Мәһәзиев 2010 – *Мәһәзиев Д.* Ислам дине: белешмә һүзлек. – Өфө, 2010.
- Набиуллина 2012 – *Набиуллина Г.М.* Исламские ценности в рассказе А.-Г. Утябая «Сорванное яблоко» // *Вестн. Башк. ун-та*, 2012. – Т. 17. № 3 (1). – С. 1051–1504.
- Набиуллина 2013 – *Набиуллина Г.М.* Исламские ценности в повести «Долгое-долгое детство Мустая Карима» // *Исламоведение*, 2013. – № 1. – С. 115–123.
- Набиуллина 2014 – *Набиуллина Г.М.* Роль ислама в жизни современного человека в рассказе «Инвалид поневоле» С. Ильясова // *Мир науки, культуры и образования*, 2014. – № 6 (49). – С. 366–369.
- Набиуллина 2015 – *Набиуллина Г.М.* Биография Зайнуллы Расулева в романе Муслима Абсалямова «Хальфа» // *Исламоведение*, 2015. – Т. 6. – № 3. – С. 78–84.
- Набиуллина 2016 – *Набиуллина Г.М.* Ислам в жизни башкирского народа в творчестве Зиннура Ураксина // *Вестн. Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова*, 2016. – № 5 (55). – С. 134–143.
- О реализации Закона... 2003 – О реализации Закона Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан» / Авт.-сост. *Ф.Г. Хисамтдинова*. – Уфа, 2003.
- ОИБЛЯ 1989 – Очерки истории башкирского литературного языка. – М., 1989.
- Өмөтбаев 1984 – *Өмөтбаев Мөхәмәтсәлим.* Йәдкәр. Шиғырзар, публицистик язмалар, тәржемәләр, халык ижады өлгөләре тарихи-этнографик язмалар. – Өфө, 1984.
- Өмөтбаев 2016 – *Өмөтбаев М.И.* Әсәрзәр, хезмәтгәр: шиғырзар, публицистик, тарихи-этнографик язмалар, тәржемәләр, халык ижады өлгөләре / Төз. *Ф. Кунафин*. – Өфө, 2016.
- Перевод Библии... 2008 – Перевод Библии как фактор сохранения и развития языков народов РФ и СНГ: Матер. конф. 24–26 сентября 2008 / ИПБ, ИЯз РАН. – М., 2008.
- Плещенко, Федотова, Четет 1999 – *Плещенко Т.П., Федотова Н.В., Четет Р.Г.* Основы стилистики и культуры речи. Учебн. пособ. для вузов. – Минск., 1999.
- Псянчин 2000 – *Псянчин Ю.В.* Стилистика словоизменительных категорий имени существительного современного башкирского литературного языка: автореф. дисс. ...д-ра филол. наук (10.02.06) / РАН. Инс-т языкознания. – М., 2000. – 57 с.
- Псянчин 2002 – *Псянчин Ю.В.* Место религиозного стиля в системе книжных стилей современного башкирского литературного языка // *Межкультурный диалог на евразийском пространстве: Языки и литература в межкультурной коммуникации народов Евразии: Матер. межд. науч. конф.* – Уфа, 2002. – С. 152–153.
- Псянчин 2003 – *Псянчин Ю.В.* Общая характеристика функциональных стилей современного башкирского литературного языка (книжная сфера) // *Язык и литература как способы проявления национального менталитета: Матер. 1-ой межрегион. научн. конф.* – Челябинск, 2003. – С. 177–180.
- Псянчин 2005 – *Псянчин Ю.В.* Особенности эволюции научного стиля в истории башкирского и татарского литературного языков // *Языковые союзы Евразии: Тез. докл. конф. Москва, 14–16 ноября 2005.* – М., 2005. – С. 60–64.
- Псянчин 2006 – *Псянчин Ю.В.* Проблемы изучения исторической стилистики тюркских языков // *Восток в исторических судьбах народов России: Тез. докл. V Всеросс. съезда востоковедов. Кн. 2.* – Уфа, 2006. – С. 105–109.
- Псянчин, Султанова 2010 – *Псянчин Ю.В., Султанова Г.И.* Переводы Библии и книжные стили современного башкирского литературного языка // *Межкультурная коммуникация как фактор консолидации российского общества: проблемы и пути развития: Матер. межд. науч.-практ. конф.* – Уфа, 2010. – С. 98–105.
- Псянчин 2010 а – *Псянчин Ю.В.* Функциональная стилистика башкирского языка: история изучения и современное состояние // *Современный мир: экономика, история, образование, культура. Сб. науч. тр.* – Уфа, 2010. – Ч. 6. – С. 172–177.

- Псянчин 2010 б – *Псянчин Ю.В.* Переводы Библии в стилистической системе языка (на примере современного башкирского литературного языка) // Перевод Библии как фактор развития и сохранения языков народов России и стран СНГ: Проблемы и решения: Колл. моногр. / Отв. ред. *Т.О. Майская.* – М., 2010. – С. 226–237.
- Псянчин 2014 а – *Псянчин Ю.В.* Функциональные стили башкирского языка // Урал-Алтай: через века в будущее: Матер. VI Всерос. тюркологической конференции (с международным участием). – Уфа, 2014. – С. 72–76.
- Псянчин 2014 б – *Псянчин Ю.В.* Проблемы изучения функциональной стилистики в кыпчаковедении Урало-Поволжья (на примере башкирского языка) // Коренные народы Сибири: история, традиции и современность: Матер. регион. конф. с межд. участием. – Новосибирск, 2014. – С. 167–169.
- Семенюк 2000 – *Семенюк Н.Н.* Очерки по исторической стилистике немецкого языка. – М., 2000.
- Сибэғэтов 2004 – *Сибэғэтов Ф.Ш.* Ислам (дин, эзип, эзэбиэҗ): Белешмә һүзлек. – Өфө, 2004.
- СЭСРЯ 2003 – *Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной.* – М., 2003.
- Тенишев 1977 – *Тенишев Э.Р.* Функционально-стилистика древнеуйгурского языка // Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. – М., 1977. – С. 61–75.
- Уразбаева 2017 – *Уразбаева З.Ф.* Башкортса дини һүзлек. – Өфө, 2017.
- Хабибуллина 2015 – *Хабибуллина З.Р.* Мусульманское духовенство в Республике Башкортостан на рубеже XX–XXI веков. – Уфа, 2015.
- Халикова 1990 – *Халикова Р.Х.* Язык башкирских шежере и актов документов XVIII–XIX вв. – М., 1990.
- Хисамитдинова, Мухтаров 2015 – *Хисамитдинова Ф.Г., Мухтаров Т.Г.* Функционирование башкирского языка в условиях глобализации. К IV Всемирному курултаю башкир // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Матер. XV Всерос. науч. конф. – Уфа, 2015. – С. 10–14.
- Юнусова 1999 – *Юнусова А.Б.* Ислам в Башкортостане. – Уфа, 1999.
- Юнусова 2007 – *Юнусова А.Б.* Ислам в Башкортостане. – М., 2007.

Place of Islam in the system of functional styles of the Bashkir language (methods, aspects and perspectives of study)

*Yulay Psyanchin,
Ufa*

Summary: The author specifies place of the religious style in the system of functional styles. While analyzing three substyles of the religious style (religious itself, religious didactic and religious popular) the author determines its Islamic component. At the end of the article perspective of studying this problem are defined.

Key words: Bashkir language, Islam, style, sphere of books, substyle, functional style, thematic issues

Сведения об авторе

Псянчин Юлай Валиевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Российского исламского университета Центрального духовного управления мусульман России (РФ, Республика Башкортостан, г. Уфа); e-mail: yulayps@yandex.ru

СОМАТИЧЕСКИЙ КОД В ТРАДИЦИОННОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ ХАКАСОВ¹

А.Д. Субраков,
г. Москва

Резюме: Статья посвящена традиционному мировоззрению хакасов, которое рассматривает части анатомического тела человека как составляющие жизненного начала.

Ключевые слова: Человек, традиционное мировоззрение, части человеческого тела, *оёк* 'кость, род', *лаар* 'печень', *харахтар* 'глаза'

Концепт «человек» – это одна из наиболее интересных, но вместе с тем и наиболее трудных проблем современных лингвистических изысканий. Неслучайно внимание исследователей обращается к человеку, в частности к феномену человеческой телесности, особенно в русле господствующей в современной науке антропоцентрической парадигмы. Как пишет В.Г. Гак, «человек эгоцентричен, он видит в себе центр вселенной и отображает мир по своему подобию» [Гак 1998: 702]. Данное явление получило название антропоморфизма. Антропоморфизм пронизывает «все основные сферы человеческого бытия: язык, сознание и культуру» [Щирова 2005: 11], так как «внешний мир, описанный при помощи соматического кода, становится простым, не пугающим, близким человеку» [Степанова 2004: 266].

Таким образом, тело играет первостепенную роль в познании действительности. Постигание, «окультуривание» окружающего мира началось с познания человеком себя: тело стало первым объектом человеческого восприятия и анализа. В дальнейшем знания о себе, своем устройстве экстраполировались на окружающую действительность. Ш. Балли отмечал, что человек приписывает всем предметам и явлениям внешнего мира черты и стремления, свойственные его личности [Балли 1961: 221]. Это обусловлено тем, что в процессе познавательной деятельности в центре внимания человека находится то, как он взаимодействует с окружающим миром. А.М. Эмирова отмечает, что познание человеком внешнего мира происходит на базе ощущений, осуществляемых органами чувств. Кроме того, человеческое тело с младенческих лет является главным ориентиром человека в реальном физическом пространстве [Эмирова 2012: 25].

Части человеческого тела оказываются всегда «находящимися “под рукой”» средствами измерения окружающего пространства, задают универсальную, всем

---

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания №27.10020.2017/5.1 (Разработка методических подходов к формированию двуязычия в филологическом блоке основной общеобразовательной программы (начальное общее образование), финансируемого Минобрнауки России.

понятную систему мер» [Гудков 2007: 80]. Это во многом определило стремление человека описать действительность через понятные ему единицы, по своему образу и подобию.

Как видно из сказанного, чтобы сделать любое явление мира умопостижимым, его надо было, прежде всего, уподобить человеку. Это особенно характерно для традиционного мировоззрения². В традиционном мировоззрении «антропоморфизироваться мог любой объект, так как в нем импонировала идея глубинного тождества всего сущего» [ТМТЮС 1989: 9]. Именно отсутствие непреодолимых границ предполагало единство человека и природных форм, реализовавшееся в мировоззрении через целый ряд тонких градаций и переходных состояний.

«С помощью одной и той же терминологии в тюркских языках описывались анатомия, социальные структуры, топография, временные параметры и т.д. Например, семантическое ядро общетюркского *баи*- отражало значения ‘голова’, ‘глава’ (‘начальник’), ‘руководитель’, ‘вершина’, ‘начало’, ‘исток’, ‘главный’, ‘старший’, ‘первый’. Тюркское *арка*, подобно монгольскому *ару[ара]ар*, употреблялось в значении ‘спина’ и одновременно имело смысл ‘зад’, ‘задняя часть чего-либо’, ‘задняя сторона’, ‘тыльная, обратная сторона’. В хакасском языке производное от этой основы *аргалых* означало ‘с хребтом’, ‘имеющий хребет’, ‘высокий’, ‘возвышенный’ (о местности).

Встающая за данными понятиями картина космической «анатомии» позволяет соотнести голову человека с вершиной, спину – с возвышенностью, руки – с руслами и оврагами, ветвями, жилами и кровеносные сосуды – с корнями деревьев. Человеческий организм для традиционного сознания является наглядной моделью для создания картины мифического космоса, в котором тесно переплетены различные стихии и явления. Л.Г. Франк-Каменецкий считал, что подобные представления суть попытки человека «на почве образного мышления объединить разрозненные элементы вселенной в одно органически целое» [ТМТЮС 1989: 10].

Согласно мифологической традиции человек, сотворенный в изначальные времена, был «сделан» из природных материалов. Земля, глина, дерево или камень, соединенные и одушевленные божеством, дали начало его телесно-психической организации. Похожие представления до сих пор бытуют в обыденном сознании хакасов. Когда человек называет свое родовое дерево, он подразумевает, что из этого дерева сделаны кости членов его рода, а мясо сделано из глины. «Человек – из земли, тын – с ветра» – в таких архаичных образах по сей день осмысливается феномен человека. Будучи органичной частью мира, он соединяет в себе все природные стихии (плоть – земля, кости – дерево, дыхание – ветер) и тем самым превращается в подобие вселенной.

Необходимо отметить, что «архаичное сознание индивидуализировало и персонифицировало отдельные признаки (составляющие) жизненного начала. Так же как природные стихии, действуя раздельно, создавали единый макрокосм, так части анатомического тела, неразрывно сниженные между собой, могли сущест-

---

² Традиционное мировоззрение – это исторический тип мировоззрения этноса, в котором все жизненно важные проблемы народа рассматриваются с позиций взаимоотношения Природы и Человека. Оно выполняло ряд особенно важных функций в развитии и сохранении этноса [Анжиганова 1995: 49]

воват и самостоятельно. Отдаленно это напоминает природные стихии или “кирпичики” мироздания античной философии, соединение и распад которых приводили в движение все мироздание. У южно-сибирских народов каждый из элементов человеческого естества являлся необходимым признаком жизни, ее средоточием и, следовательно, вместилищем “души”. Это относилось к пуповине и последу, дающим жизнь младенцу, к глазам, представляющим человеку доказательства реальности его существования, к волосам, воплощающим непреодолимую силу роста». [ТМТЮС 1989:60]

В повседневной культуре и обрядовой практике хакасов волосы окружались особой заботой, так как по традиционному мировоззрению были вместилищем души. Поэтому волосы и брови нередко называли *ымай сазы* ‘волосы, данные богиней *Ымай*’. «За волосами (*сас*) ухаживали только днем. Ночью запрещалось их расчесывать, ибо в это время под корнями волос находится жизненная сила – *хут*, которую живые боялись потерять» [Бутанаев 1988: 84]. Данными воззрениями, очевидно, обусловлен запрет хакасским женщинам выходить на улицу с непокрытой головой. Согласно традиционным представлениям, ребенку до года не стригли волосы и ногти. Первые состриженные волосы бережно заворачивали в ткань и хранили в шкатулке вместе с пуповиной [Бутанаев 1988: 217]. Первая стрижка волос младенца являлась ритуалом приобщения к Среднему миру; стрижка волос древних стариков символизировала их скорый уход в Нижний мир [Анжиганова 1997: 63–64].

Также хакасы уделяли большое внимание ногтям. Люди верили в возможность перемещения и локализации жизненной силы «хут» в теле человека в зависимости от времени суток. «Днем она находится под ногтями ног, а ночью прячется под корнями волос головы. Поэтому днем нельзя стричь ногти ног, а ночью расчесывать волосы, иначе потеряешь “хут” жизненную силу» [Бутанаев 1996: 176].

В традиционном сознании хакасов все проявления жизнедеятельности человека, его эманации, считались равнопричастными жизни. Вместилищами «души» были не только волосы, но и глаза, кровь. Она могла находиться в голове и в носу, в туловище и спине, в пальцах рук и костях. Среди совокупности элементов, представляющих жизненную основу человека, особое место отводилось костяку (*сöök-саагы*) [РХС 1961: 333]. Эмпирические знания, наблюдения над физиологией живых существ, связанные с бытом, охотничьей и скотоводческой практикой, привели людей ко вполне рациональным выводам о том, что состояние костяка является показателем состояния всего организма, степени его развития. Это отражено и в фольклоре. Так в сказке «Алтын Арчол» (имя собственное), когда богатыри зовут трехлетнего мальчика сразиться с Ирлик-Айна (имя собственное), сестра мальчика-богатыря говорит им:

– *Ол ам даа кічіг андаг харбастарга, пилі хатхалах, холы тыгыгалах, – тінче.* ‘Он еще маленький для таких боев, спина не окрепла, руки слабые’ [ХНС 1986: 4].

Несформировавшийся, неокрепший костяк ребенка был предметом забот родителей. Срок жизни новорожденного определялся по его соматическим особенностям. Признаком, определяющим долговечность – недолговечность младенца

была твердость или мягкость его тела, головы, ушей, а также легкость или тяжесть тела: «Если у ребенка крепкое тело, он проживет долго, уши мягкие – нет». Рост ребенка сопровождался постепенным «отвердеванием». Об этом, прежде всего, свидетельствовали появление первых зубов и зарастание родничка. С появлением первого молочного зуба несколько ослабевала опасность сглаза ребенка.

Старость – другой полюс жизни – также отличалась ненадежностью костяка. В этот период жизни человек утрачивает силу и крепость, он характеризуется как слабый и хилый: «Придет старость, придет и слабость». Глубокая старость соотносилась с периодом младенчества по признаку «мягкости», то есть старый человек, утративший зубы, становился мягким и слабым как младенец. Последний период жизни, по мировоззрению хакасов, человека отличала так называемая «холодная кровь» – кровь, которая не греет. Считается, что основной показатель старости человеческого тела – это холод «*Kiri im чылыттинча*» ‘Старое тело не греет’.

Кость *сöök* олицетворяет и генетическую связь поколений. Это слово имеет несколько значений, в частности, оно «употребляется еще в значении “род” и “порода”, черты которого наследуются по костной основе и крови. Например, беременную называли *iki сöökтиг* ‘имеющая две кости’, т.е. носящая свой род и род отца ее ребенка» [Бутанаев 2003: 82]. В традиционных представлениях хакасов люди различались по «свойству» кости, выделялись следующие ее разновидности: 1) *арыг сöökтиг* (букв. ‘имеющий чистую кость’) – ‘человек с экстрасенсорными способностями’ (видение вещей снов, предугадывание судеб людей, лечение); 2) *ниик сöökтиг* (букв. ‘имеющий легкую кость’), или *ниик челиг*, – ‘впечатлительный, экзальтированный человек’; 3) *аар сöökтиг* (букв. ‘имеющий тяжелую кость’), или *аар челиг*, – ‘человек, действующий на других подавляюще и удручающе’; 4) *пуртах сöökтиг* (букв. ‘с нечистой костью’) – ‘обычный человек, не имеющий сверхъестественных способностей’. Обладатели “чистой” и “легкой” кости считались *ызых кизи* ‘священными’ [Бутанаев 2003: 79-80]. Традиция выделяла категорию людей со слабой костью – *уйан сöök*. Считалось, что они слабы и ленивы, некоторые из них находятся в непосредственном «родстве» с горными духами.

По воззрениям хакасов, как и большинства тюрков Южной Сибири, духи выбирали нового шамана по количеству костей. В течение приступа «шаманской болезни» они будто бы варили его в особом котле, долго разбирая и пересматривая части тела. Если у кандидата в шаманы находилась лишняя кость, то, несмотря на сопротивление, ему предстояло стать шаманом.

Считая костяк основой, определяющей и биологическую, и социальную природу человека, мифологическое сознание особо выделяло кости рук. Особое значение придавалось пальцам рук, где концентрируются душа и счастье человека. Хакасами был выработан ряд запретов, имеющих целью сохранить счастье. Например, «запрещалось крутить пальцы, трясти ими после умывания – в противном случае счастье могло быть потеряно. Мужчины носили кольцо на указательном пальце правой руки, а женщины – на среднем и безымянном» [Бутанаев 2003: 79–80].

Большие пальцы рук считались вместилищем души. В хакасском языке большой палец называется *иргек* ‘самец’ и символизирует сакральное мужское

начало. «При обряде инициации, когда юноша впервые в своей жизни совершал важный поступок – добыл зверя, занимался промыслом ореха, объездил дикого коня и т.д., то старший общины надкусывал ему до крови большой палец (*ipgek ызырганы*)» [Бутанаев 2003: 82].

Целостный подвижный костяк и сами кости скелета, будучи естественной конструктивной основой тела, воспринимались не только как необходимое условие, но и как гарантия жизни. Отсюда традиция сохранения и возвращения природной среде костей животных:

«Когда убьют зверя, лопатки его не разламывают, у корня дерева в тайге закапывают. Если кости зверей разрубают, зверь перестает водиться. Теперь же кости зверей разрубают топором, чтобы мозг вынуть. Если во время промысла убьют глухаря (большую птицу), кости и крылья (глухаря) приносят домой... Прежде охотники кости и крылья (глухаря) с собою на промысел брали, чтобы тайгу множество зверей и птиц наполняло». По мнению Н.П. Дыренковой, «запрет ломать кости убитых на охоте зверей вызван тем представлением, что для возрождения зверя необходимо, чтобы в целостности сохранялся его костяк. Несоблюдение этого обычая влекло, по представлению стариков, исчезновение зверя. По этой же, вероятно, причине оставляли в тайге головы убитого лося, марала и косули, подвесив их на дерево» [Дыренкова 1940: 44]. Добавим, что до сих пор в некоторых таежных районах Хакасии бытует обычай вешать на деревья черепа забитых животных.

Особенно внимательно к костям животных относились во время ритуалов и жертвоприношений. В ходе ритуальной трапезы запрещалось ломать или разрубать кости на части. Церемониальные правила предписывали разделять тушу строго по суставам. Разрушение костей грозило утратой удачи в разведении скота.

Как видим, в соответствии с традиционным сознанием считалось, что костяк является основой телесной целостности человека. Вместе с тем, пытаясь осмыслить физиологию, механизмы развития и роста человека, оно выходило за рамки сугубо рациональных знаний. При этом, как правило, происходила абсолютизация какого-либо органа, наделение его максимумом свойств и качеств. Такой орган получал статус центра, со всеми вытекающими из этой характеристики последствиями. В хакасской культуре одним из важнейших центров организма считалась и считается печень. Печень, как и сердце, является непарным органом среди внутренностей, имеющих жизненно важное значение для организма. Уже это обстоятельство определяет ее особый статус. К тому же хорошо знакомые с практической анатомией древние хакасы не могли не заметить и особой уязвимости печени: поражение этого органа чревато печальными последствиями. Не остались без внимания кроветворная функция печени и ее расположение в теле: принадлежность к анатомическому низу, связанному с плодородием и воспроизводством. Согласно традиционному миропониманию, “зарождение” ребенка происходит якобы в человеческой печени (*naap*). До сих пор в народе бытует выражение:

– *Паарымнан сыххан палам* – ‘Мой ребенок, вышедший из печени’ [Бурнаков 2003: 152].

В одном из хакасских преданий мать убитого мальчика рыдая над телом ребенка говорит [ХМЛ 1990: 120]:

Паарымнаң сыххан палам,
Ах сүдім, ах наңмыр полып,
Ахсыңа кір турзын, тидір.
Отха салған тамаам,
Хуюн тартынып,
Астабастығ азың ползын, тидір

Вышедший из печени ребенок мой,
Пусть мое молоко, став белым дождем,
Попадает тебе в рот
Пусть пища, положенная в огонь,
Став вихрем,
Сытой едой становится тебе

Кроме этого, по представлениям хакасов, печень напрямую связана с эмоциональным миром человека (горе, счастье, раздражение, печаль и пр.). В мифоритуальной системе хакасов печени отводилось одно из важнейших мест. В ней хакасы видели не только животворящее начало, но и «охранителя» душ живых и умерших людей. Во время похорон хакасы, «прощаясь с покойным, “прислонялись” своей печени к печени умершего (*паарлан*), чтобы тот не переживал и оставил в покое живых. Вдове, которой обычай запрещал во время похорон идти на кладбище, с могилы приносили землю. Горстью принесенной земли она проводила три раза вокруг печени и произносила: “Мажу свою печень, чтобы она сильно не ныла!”. Только на седьмой день во время поминок, вдова первый раз отправлялась на кладбище, ложилась грудью на могилу, а затем горстью земли также обводила три раза вокруг своей печени. Близкие родственники умершего сорок дней не употребляли в пищу печень, ибо верили, что покойники испытывают боль. На седьмой день поминок они брали со стола с яствами печень и обводили ею вокруг своей груди с пожеланиями:

Паары тугенмезін! – ‘Пусть не истощится его печень от горя и печали!’» [Бутанаев 2003: 78].

Особое внимание хакасы уделяли глазам, так как для человека традиционного общества глаза были одним из основных инструментов пространственно-временной ориентации и постижения мира. Считалось, что они дают не только возможность видеть, но и жить. Глаза живых людей были не только открыты свету, но и содержали его в себе. В хакасском языке существует выражение *харах оды* ‘огонь глаз’, где *харах* ‘глаз’, ‘взгляд’, ‘зрение’, *от* ‘огонь’. Про человека, находящегося в депрессивном состоянии, говорят «*харах оды ес партыр*» буквально ‘огонь глаз потух’. Считалось, что если огонь глаз потух, то человеку остается жить не более трех лет. Глаз, таким образом, не только воспринимает свет, но является его источником. Очень своеобразно интерпретируют это понятие пожилые хакасы: «Харах оды ходит вокруг, особенно когда спишь, он летает. Где он летает и что видит, то становится известным человеку», и наоборот: «Когда человек болеет, глаза ослабевают, силы нет смотреть, ум слабеет. Когда ума не хватает, то глаза не видят». Понятие «беззащитный» в хакасском языке передается выражением *кезі чох, пілізі чох* (букв. ‘по имеющим глаз, не имеющий знания’) [ТМТЮС 1989: 94-95].

Превращая свет в качественную характеристику глаза, традиционное сознание интуитивно подходило к постижению природы зрения как отражения природы света. Эта идея отражена в хакасском названии *кен харагы* (букв. ‘глаз

солнца'). Солнце как олицетворение жизни, тепла, благополучия особенно почиталось и почитается хакасами. Видеть солнце (*кенні көрерге*) не только на языке хакасов, но и на языках других тюркских народов Сибири означало буквально 'жить'. Напротив, невозможность видеть светило с древнетюркского времени служила метафорой смерти. Отсутствие света, его ущербность, темнота также служили признаками иного, чуждого мира. Так, в хакасской легенде про шестилетнего богатыря Халдама (имя собственное) его старший брат Амыр Сана (имя собственное) спрашивает девушку, которую встретил в тайге [ХМЛ 1990: 46].

– Кенніг бе, көрінмес ниме полчазың? – тіп сур тур Амыр Сана.

– Я, алында кеннігөк кізі полғам, ам көрінмеске дее сабыл пардым ма хайдағ, – тидір хыс кізі.

– Ты солнечный (человек) или же из невидимых? – спрашивает Амыр Сана.

– Когда-то была солнечным человеком, а теперь становлюсь невидимой, – отвечает девушка.

До сих пор у хакасов жизнь вдовы, вдовца или жизнь семьи, где случилась трагедия (умер ребенок), называется «бессолнечной жизнью». Человек или семья на время выпадает из системы социальных связей. Их некоторое время не приглашают на свадьбы, дни рождения (по-хакасски так называемый «*хазых той*»), так как считается, что такие люди, отмеченные судьбой за какие-то прегрешения, могут занести в дом и свои несчастья.

Из сказанного выше можно сделать вывод: соматический код – глубокий код в традиционном мировоззрении хакасов, который определял и определяет систему взглядов на человека, его место в мире.

Литература

- Анжиганова 1995 – *Анжиганова Л.В.* Традиционное мировоззрение хакасов (учебное пособие). – Абакан: НМЦ народного творчества. 1995.
- Анжиганова 1997 – *Анжиганова Л.В.* Традиционное мировоззрение хакасов: опыт реконструкции. – Абакан: Роса, 1997.
- Балли 1961 – *Балли Ш.* Французская стилистика. М.: Издательство Иностранной литературы, 1961.
- Бурнаков 2003 – *Бурнаков В.А.* Душа в традиционных воззрениях хакасов // Гуманитарные науки в Сибири. – 2003, № 3. – С. 15–19.
- Бутанаев 2003 – *Бутанаев В.Я.* Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. – Абакан: Издательство Хакасского государственного университета, 2003.
- Бутанаев 1988 – *Бутанаев В.Я.* Воспитание маленьких детей у хакасов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. – Л.: Наука, 1988.
- Бутанаев 1996 – *Бутанаев В.Я.* Традиционная культура и быт хакасов. – Абакан: Хакасия, 1996.
- Гак 1998 – *Гак В.Г.* Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
- Гудков 2007 – *Гудков Д.Б., Ковшова М.Л.* Телесный код русской культуры: материалы к словарю. – М.: Гнозис, 2007.
- Дыренкова 1940 – *Дыренкова Н.П.* Шорский фольклор. – Москва – Ленинград: АН СССР, 1940.
- РХС 1961 – Русско-хакасский словарь. Под ред. *Д.И. Чанкова*. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1961.
- Степанова 2004 – *Степанова О.В.* Роль метафоры в создании языковой картины мира арготирующих (на материале французского языка) // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 266–272.

- ТМТЮС 1989 – Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество // *Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С.* – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1989.
- ХМЛ 1990 – Хакасские мифы и легенды (на хакасском языке). – Абакан: Хакасское издательство, 1990.
- ХНС 1986 – Хакасские народные сказки (на хакасском языке). Составитель *Доможаков В.И.* – Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1986.
- Щирова 2005 – *Щирова В.С.* Соматические фразеологизмы немецкого языка в когнитивно-дискурсивном аспекте (на материале периодической печати): Автореферат диссертации... к.ф.н. – Тамбов, 2005.
- Эмирова 2012 – *Эмирова А.М.* Основы крымско-татарской фразеологии: учебное пособие для студентов филологических специальностей высших учебных заведений. – Симферополь: Крым-учпедгиз, 2012.

Somatic code in the traditional worldview of the Khakas

Aleksandr Subrakov,

Moscow

Summary: The article is covering traditional worldview of the Khakas that regards anatomical parts of human body as constituents of vital principle.

Keywords: Human, traditional worldview, parts of human body, *cöök* 'bone, kin', *paar* 'liver', *harahtar* 'eyes'

Сведения об авторе

Субраков Александр Дмитриевич – магистр, старший научный сотрудник Федерального института развития образования (ФИРО) Минобрнауки России; e-mail: ad-subrakov@mail.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ, СВЯЗАННЫЕ С НАЦИОНАЛЬНОЙ УЗБЕКСКОЙ ОДЕЖДОЙ (конец XIX – начало XX в.)

*Ю.А. Гайбуллаева,
г. Ташкент (Узбекистан)*

Резюме: В статье рассматривается узбекская национальная одежда, в которой нашли свое отражение этническая история народа, социальные взаимоотношения, верования, эстетические идеалы. Автор приходит к выводу о том, что историческое развитие национального женского костюма тесно связано с природными и экономическими условиями, эстетическими требованиями и моральными установками, пониманием стиля, отдельными событиями из жизни узбекского народа. В конце XIX века национальный женский костюм по большей части сохраняет свои традиционные черты. Традиционная одежда конца XIX века указывала на этническое происхождение женщины, ее социальный и матримониальный статус, возраст и т.д. Особенности национального костюма также отражают и определенные верования людей.

Ключевые слова: национальная одежда, женский костюм, платье, головной убор, ювелирные украшения, элементы декора

Каждый этап развития человека, каждый его шаг в мире придает ему различные по содержанию знания. Общественное бытие – основополагающая черта человеческого существования. Только в обществе происходит становление человеческой сущности, приобретаются и шлифуются знания, выявляются внутренние силы, способные в своем развитии воспроизводить все многообразие действительности, а каждый шаг человека направлен на этот деятельный акт в качестве самоутверждения. С деятельностью осуществляется вхождение человека в определенное культурное пространство, что и обуславливает формирование его духовной сути.

Человечеством накоплено немало знаний, многие из которых с развитием промышленности и глобализационных процессов ушли в небытие. Стремительно возникают новые виды знаний. Благодаря этим процессам только за XX в. мир изменился до неузнаваемости. В информационном потоке глобализационных знаний, направленных на технократизацию окружающего мира, в эйфории от

покорения и преобразования природы человеком, забываются собственные культурные корни, извечные философские размышления о том, кто мы есть на этой земле?

Несмотря на все «победы», в XXI в. человечество вошло с осознанием потери чего-то настоящего, необыкновенного. Глобализация конца XX – начала XXI в. дает понять, каким тесным и каким безграничным является мир на нашей планете. Она определяет дух взаимодействия и взаимозависимости народов и культур. В то же время проявляется и дух внутренней самостоятельности, основанной на осознании самодостаточности, дух неповиновения внешним воздействиям, навязыванию чужеродных ценностей, дух антиглобализации.

Каждый народ ради своего социального существования на протяжении столетий выработал те правила и законы сосуществования, которые определяли его культурный ареал, его идентификацию среди других сообществ мира.

Мировой опыт свидетельствует, что необходимым условием интеллектуального прогресса нации является ее национальная идентификация, которая невозможна без использования своего историко-культурного наследия.

В мире все взаимосвязано и взаимозависимо, все массы находятся в гармонии. Этой гармонизации способствует дизайн в разных своих проявлениях: архитектуре, интерьере, одежде, предметном среде и т.п. Поэтому основной задачей национального дизайна должен быть поиск в культуре собственного народа чего-то «особенного», коренного, забытого, еще полностью не реализованного.

Этнодизайн – это один из инструментов формирования «общества с определенными характеристиками», которые будут уникальными по своей сути, что даст возможность этому обществу, а также его продуктам производства, быть признанными международным обществом. Сегодня, как и много веков назад, основой для становления межгосударственных отношений являются индивидуальность и национальные различия нации [ЭФ Государственный Музей Истории Узбекистана: 270].

Прообраз современного этнодизайна вышел из архаичных форм народного искусства и народного творчества. Народное творчество, как и современный дизайн, склонны к символизации. Человек на заре творческого становления бессознательно превращал в символы формы окружающего мира. Он использовал их как в быту, так и в изобразительном искусстве. Эти символы выполняли информационную, семантическую и религиозную функции. Беря свое начало с незапамятных времен, символическое искусство не перестает развиваться и по сей день, уже в различных видах современных искусств, в том числе и в дизайне.

Современный дизайн (художественное конструирование) – продукт нового этапа развития цивилизации, причина и следствие индустрии и коммерции вместе взятых. Традиции народного искусства выстроены эволюцией, историей, культурой, образом жизни людей многих поколений. Традиционная утварь оптимальна и совершенна, функциональна и красива, поскольку ее формы завершили свое развитие и лишь повторяются, воспроизводятся по ремесленным канонам [Карабаев 2005: 185].

Стремительный рост научно-технического прогресса, совершенствование и возникновение новых направлений в дизайне на определенном этапе отвлекли

внимание от истоков, первоначальных форм, народной колористики, стирая границы традиционного и национального. Безусловно, эстетика современного общества непосредственно зависит от скорейшего внедрения новой «культурной идеологии», которая, опираясь на культурный, нравственный, художественный, эстетический опыт прошлых поколений в сочетании с новейшими технологическими процессами, будет строиться вокруг гуманных интересов и потребностей человека и окружающей среды. Поэтому дизайн (этнодизайн) непосредственно связан с такой идеологией.

Следует заметить, что в современном урбанизированном мире этнический дизайн приводит к органическому единству человека, предметной среды, природы и традиций. В дизайне, выполненном в этностиле, нет места ничему искусственному. Используются исключительно натуральные, природные, экологически чистые материалы. В одежде, например, это льняные, хлопковые, шерстяные ткани с этническим декором; а в аксессуарах это кожа, мех, дерево, рог, глина и т.п. Зачастую именно материал, из которого изготовлено изделие или аксессуар, декор (роспись тканей, орнамент) или стилизация конструктивных особенностей первоисточника являются достаточными для того, чтобы назвать произведение этническим.

Узбекский женский костюм разделялся на повседневный и ритуальный (праздничный, свадебный, траурный). Формирование узбекского женского ритуального костюма происходило путем объединения его основных элементов: платья, халата, головного убора и т.д. на новой символической основе, связанной с духовной культурой определенной локальной группы узбеков. Многие элементы и детали узбекской одежды конца XIX – начала XX в. наделялись сверхъестественной силой, способной выполнять охранительную или заклинательную магическую функцию. Это могли быть вырез горловины, ворот, ластовица, пояс, края пол, рукавов и т.д. Например, считали, что не подшитый подол женской накидки *желак* кочевников Кашкадарьинской степи способствовал рождению многих детей. Детская распашонка, сшитая из цветных лоскутков, собранных матерью, в многодетных семьях Ферганской долины охраняла ребенка от сглаза. Магическое значение имело и декоративное убранство одежды: расцветка ткани, орнаментальные мотивы в вышивке, золотое шитье, аппликации, ювелирные нашивки, пуговицы. Мотив «древа жизни» в вышивке часто употреблялся в свадебных нарядах, как символ плодоносного начала. В праздничных костюмах выразителем ритуальной семантики часто становилась фактура материала [Ундерова 1994: 17]. Почти во всех регионах республики на праздник одевали одежды из дорогих качественных тканей. В узорной организации тканей присутствовала высокая степень импровизации, их образная окраска и эстетическая тональность.

Элементы декора – цвет, линия, символика – наиболее ярко выражались в обрядовой одежде. В костюме невесты и молодых женщин употреблялся красный цвет, который олицетворял собой животворные силы матери-земли, возрождения жизни. В переднеазиатской и мифологической традиции красный цвет имел значение сакрального пространства, он часто служил фоном для многих орнаментальных композиций на вышитой или золототканой тесьме *зехикурта*, *пешкурта*. Древний праздник «Красного цветка» («*Кизил гул*») предусматривал специ-

альный наряд, украшенный цветами. Надевая красное платье, невеста как бы получала способность приумножить человеческий род. Одежду красного и синего цвета одевали в дни праздников, свадебных торжеств или похорон. Белый цвет во всех регионах республики по своему смыслу приближался к значению света, огня, очищающего от скверны средства. Поэтому невеста во время свадебного обряда надевала нижнюю белую рубаху или платье, как бы символизируя рождение новой жизни. В Бухаре и Хиве женщины во время похорон надевали одежду белого цвета. В Ташкенте и Ферганской долине, если в семье умирал близкий человек, женщины в течение трех дней шили платье из материи синего или зеленого цвета. На четвертый день проводили обряд надевания платья. Этот день называли «*кук кийди*». Через год обрядовое платье снимали и проводили обряд надевания белого платья – «*ок кийди*» [Карабаев 2005: 185].

Дополнительное значение и нюансы придавала декоративным композициям узбекской одежды передача визуальных символов и мифологем в золоте и серебре. У многих народов древности золото символизировало свет, бессмертие. Узоры, вышитые золотой и серебряной нитью на тесьме *зехи курта*, указывали на высокий социальный статус, которым обладала, например, невеста в день свадьбы, или на сакральные события, в связи с которыми использовалась данная одежда.

Традиционную одежду женщина надевала и в день повязывания *саллабандон* или *саллапушон*. Обычно это происходило после рождения ребенка и в день суннат-тоя (обрезание) [Курбанов 1998: 52]. Со временем *паранжи* выходит из повседневного употребления и играет ритуальную роль в качестве обрядовой одежды на свадьбах и похоронах. В начале XX в. существовал обычай: в день свадьбы невесту отводили в дом жениха в *паранжи*. В ней она сидела под *сюзане* (или *палаком*) у костра и в ней же жених уносил ее на руках в *гушангу* (занавес). Наутро невесту выводили в *паранжи* на поклон (*саям*) родни жениха. Через несколько дней родители невесты устраивали *чалляр* – приглашали дочь с родней мужа к себе домой, туда она тоже шла в *паранжи*. После *паранжи* прятали в сундук, где она могла находиться до самой смерти ее обладательницы. На паланкин женских похоронных носилок набрасывают паранджу со стороны головы. По *паранжи* можно было определить возраст умершей. Если умирала девочка старше 9 лет, набрасывали красную девичью *паранжи*, если молодая женщина – ее лучшую нарядную, если женщина средних лет или пожилая, – скромную серую *паранжи*. *Паранжи*, таким образом, осталась ритуальной одеждой женщин.

О.А. Сухарева отметила наличие суеверного отношения к чачвану, запрет одевать его дома и во дворе.

Большое значение придавалось свадебному наряду. Приданое и свадебный костюм девушки начинали готовить заранее. В приданое входило 15–20 нарядных платьев из дорогих материй. Характерны в данном отношении 2 свадебных платья, приобретенные в Гиждуване у Р. Сафаровой этнографами Музея истории Т.А. Абдуллаевым и И. Исматовым [ЭФ Государственный Музей Истории Узбекистана АН РУ: 271]. Первое сшито из европейского шелка фабричной выработки. По светло-малиновому фону с муаровым тиснением вытканы бедно-синие и желтые крупнолепестковые узоры. Второе сшито из бухарского кустарного *шойи* с бровым узором. Композиция состоит из квадрата с закругленными углами,

темно-малинового цвета, в середине которого помещен такой же квадрат – желтый с синими пятнами. Между ними крупные бодомы.

Платье для невесты шили из белой бязи, оно было прямого, обычно туникообразного покроя, длинное, до щиколоток, с прямыми, длинными и широкими рукавами, закрывавшими руки, стоячим воротником, отделанным кантом. Воротник и планки разреза выстрачивались фигурной строчкой черными нитками. Подол сшивали в четыре ряда машинной строчкой. Обшлага были широкими, вышивались тамбурным швом и поперечными полосками, состоящими из геометрического и стилизованного растительного орнамента разных цветов. Платье, вышитое тамбурным швом, называлось *кашта куйлак*. Белые вышитые свадебные платья сохраняются вплоть до настоящего времени. После свадьбы их почти не носили, хранили в сундуках. В кишлаках близ городов их иногда даже распарывали и переделывали на подзоры для кроватей, накидки для колыбелей и т.д.

На голову обязательно накрывали платок, иногда вышитый. *Дока-румол «лунги салар»* (означает чистоту невесты) из комплекта головного убора невесты из кишлака Кара-Китай Средне-Чирчикского района Ташкентской области молодая женщина носила со дня свадьбы до рождения первого ребенка. Он сшит из двух кусков белой хлопчатобумажной материи, 100×105 см. Две стороны платка вышиты прямыми и зубчатыми полосками зеленого и черного цвета, между ними – шестигранные розовые звездочки и орнамент *тарок* (гребень), в углу букетик цветов и 4 шестигранные звездочки розового и зеленого цвета. Платок подарен музею жительницей кишлака Кара-Китай М. Анарбаевой. Он был сшит ко дню свадьбы ее матери.

Поверх платья надевали халат – *мурсак*, камзол, *нимчу*. Свадебные штаны обычно шили в основном из хонатласа. На ноги надевали новые *ичиги* и туфли. Во время переезда в дом жениха на невесту накрывали *паранжи* или халат, лицо закрывали легкой тканью (Самарканд, Бухара). На второй день утром во время церемонии *келин салом* невеста набрасывала на правую руку вышитый платок.

Особой силой наделялись *туморы* – амулеты и талисманы в виде молитв. *Тумор*, по-арабски, означает молитву, написанную на бумаге или ткани, которой предназначалась роль оберега. *Туморы* использовались на все случаи жизни: на счастье, от страха, порчи, болезней и т.д. Ношение амулетов, заключенных в металлические футляры-амулетницы, считалось религиозной практикой, заслугой перед богом.

В Средней Азии амулеты носили только женщины и дети. В Бухаре были популярны цилиндрические амулетницы, которые в этнографической литературе именуются *бозбанд*. Об их происхождении исследователями были высказаны разные точки зрения. Источником для изучения цилиндрических амулетов-футляров на территории Узбекистана служат памятники археологии, средневековые рукописи и миниатюра. *Бозбанды* были нескольких видов: полые изнутри, выполнявшие основную функцию хранителя амулета в виде текстов молитв, т.е. амулетница; заполненные изнутри мастикой, гипсом или варом; выполненные в технике ажурной филигрании. Распространенными нагрудными украшениями были амулеты – *тумор* в виде футляров трехгранной, прямоугольной и квадратной формы [Музей прикладного искусства РУз: 154, 204, 241, 301, 357]. *Тумор* из

коллекции Бухарского музея-заповедника треугольной формы, полый внутри, с боковой крышкой для закладывания молитвы. Украшен в технике штамповки со вставками бирюзы и красных стекол в сочетании с чернением и эмалью. Нижняя часть украшена накладкой зернью, шариками, цветными бусинами и российскими монетами.

Различными целебными и магическими свойствами наделяли также драгоценные и полудрагоценные камни. Одним из популярных был сердолик (*акик* или *хакик*). Согласно данным археологии, сердолик использовался с эпохи античности до XII в. как материал для бус, в XVIII – начале XX в. – для инкрустации женских ювелирных украшений.

Существенным дополнением к национальной женской одежде служили ювелирные украшения. В украшениях, как и в национальной одежде, отразились обычаи, обряды, традиции населения. Украшения делали в основном из серебра, нередко применялась позолота, широко использовали драгоценные и полудрагоценные камни, которые издавна наделяли целебными и магическими свойствами. Украшения можно условно подразделить на несколько групп: головные (закрывающие девичьи головные уборы, височные, налобные, затылочные); серьги – ушные и носовые; наконечники; шейные и нагрудные; кольца и браслеты. Ювелирные украшения гармонично сочетались с одеждой, ее формой, линиями цветом. В них также широко отразились культурные связи и взаимовлияния с народами других стран. Являясь общими по составу комплектов, назначению, форме и составу, украшения разных регионов отличались друг от друга.

Этнодизайн, по нашему мнению, выступает как средство эстетического развития личности и, одновременно, гражданского и патриотического воспитания. Следует заметить, что каждая нация имеет свои психологические и культурные особенности, которые должны учитываться в общественных проектах различного плана, в том числе и образовательных. Кризисное состояние, в котором сегодня находятся многие национальные сообщества, делает особенно значимым решения проблем преемственности и передачи накопленного традиционного культурного опыта.

Литература

- Карабаев 2005 – *Карабаев У.* Этнокультура. – Ташкент, 2005.
- Курбанов 1998 – *Курбанов Г., Джумаев К.* Музей традиционной одежды Бухары XIX – нач. XX вв. – Вып. 2. – Бухара, 1998.
- Музей прикладного искусства РУз. Колл. XX. Инв. № 154, 204, 241, 301, 357.
- Ундерова 1994 – *Ундерова Л.В.* Узбекская народная одежда конца XIX – XX вв. – Ташкент, 1994.
- ЭФ Государственный Музей Истории Узбекистана АН РУз. Инв. № Э 4678/2,3. Колл. 22–270, 271.
- Fensham 2011 – *Fensham R.* Undressing and Dressing Up: Natural Movement's Life in Costume // *Dancing Naturally: Nature, Neo-Classicism and Modernity in Early Twentieth-Century Dance.* – London, 2011. – P. 82–97.
- Maxwell 2014 – *Maxwell A.* Folk Costumes as National Uniforms Patriots Against Fashion // *Clothing and Nationalism in Europe's Age of Revolutions.* – London, 2014. – P. 153–179.
- Venkatasamy 2016 – *Venkatasamy N.* Ethnic Styles and Their Local Strengths. – Singapore, 2016. – P. 131–166.

**Customs and ceremonies connected with national Uzbek clothes
(end of XIX – beginning of XX cent.)**

*Yulduz Gaybullayeva,
Tashkent (Uzbekistan)*

Summary: Article represents national Uzbek clothes that reflect the traditions withdraw the roots to ethnic history of the people, the social relations, beliefs, esthetic ideals. The author concludes that historical development of national women's clothing closely connected with natural, economic conditions of an era, esthetic and moral requirements, the general art style, separate events. At the end of the 19th century the national women's suit in Uzbekistan remained generally traditional. The traditional clothes defined an ethnic origin of the woman, her social and marital status, age. Many features of national clothes are connected with certain beliefs and representations.

Key words: National clothes, women's costume, dresses, headgear, jewelry decorations, elements of décor

Сведения об авторе

Гайбуллаева Юлдуз Анваровна – соискатель кафедры истории Узбекистана при Национальном университете Республики Узбекистан; e-mail: yulduz-karimova@yandex.ru

РОМАНИСТ ПЕЯМИ САФА В ТУРЕЦКОЙ КРИТИКЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

*М.А. Козинцев,
г. Санкт-Петербург*

Резюме: Статья посвящена творчеству одного из признанных классиков турецкой литературы первой половины XX века, писателя-романиста Пейями Сафа, творчество которого, тем не менее, практически неизвестно в России. Основываясь на работах ряда турецких критиков и литературоведов, автор стремится дать представление о том, насколько изучены романы Пейями Сафа в Турции, а также обозначить основные направления научного поиска в данной области.

Ключевые слова: турецкая литература XX века, роман, Пейями Сафа, критика, литературоведение

Среди писателей и поэтов, с именами которых связаны наиболее выдающиеся успехи турецкой литературы первой половины XX века, Пейями Сафа (1899–1961), без сомнения, занимает видное место. При этом его фигура стоит как бы особняком, не сливается с общей массой, не примыкает к какому-либо кружку или группе. Его творческое наследие обширно и разнообразно; Пейями Сафа, подобно всем крупным писателям, в своих произведениях сумел охватить широкий круг тем и проработать их с такой обстоятельностью, что добился применительно к некоторым темам пересмотра принципов художественности. Значительно обогатив турецкую литературу, писатель в то же время не стоял в стороне от активных философских поисков, участвовал в подготовке и проведении реформы алфавита, реформировании языка, за что также снискал почёт у себя на родине, где он признан классиком литературы и считается видным мыслителем. Иллюстрацией тому служат, к примеру, сборник статей, подготовленный сотрудниками Университета им. Дж. Баяра (г. Маниса) и выпуск журнала «Эрдем», полностью посвящённый писателю. Оба издания вышли в 2012 году и приурочены к 50-й годовщине его смерти.

В отечественной науке, напротив, сложилась ситуация, когда в течение всего советского периода творчество Пейями Сафа не только не становилось отдельным предметом изучения, но, более того, осуждалось [Магазаник 1934: 628–629]; в современной России отношение к нему изменилось лишь в последние годы, с выходом ряда новых исследований [Образцов 2014: 113–115; Сулейманова 2014]. Что касается массового российского читателя, то для него романы турецкого писателя были и продолжают (ввиду отсутствия переводов на русский язык) оставаться совершенно неизвестными.

Несмотря на то что Пеями Сафа создал большое количество рассказов, статей и эссе по различным вопросам философии и культуры, наиболее известен он именно как романист. Романы представляют собой наиболее объёмную и важную часть его творчества, при этом из общего числа его произведений около 140 написаны под псевдонимом «Сервер Беді» [Ziya Bakırcıoğlu 2005: 107].

Писатель и сам осознавал себя в первую очередь романистом. О том, насколько важным он считал этот жанр и его развитие, говорят многочисленные статьи под заголовками «Роман» (Roman), «Что есть роман?» (Roman Nedir?), «Роман – зеркало общества» (Roman Cemiyetin Aynası), «Герой в романе» (Romanda Kahraman), «Роман и биография» (Roman ve Biyografi), «Недостатки романа в мировой литературе» (Dünya Romanının Aksaklıkları), «Техника романа» (Roman Tekniği) [Ziya Bakırcıoğlu 2005: 93]. При написании данных статей, выходивших в разное время в разных изданиях, Пеями Сафа стремился опираться не только и не столько на турецкий, сколько на иностранный материал, в первую очередь французский, доступный ему благодаря знанию языка. Н. Зия Бакырджигюлу отмечает особенную ценность этих статей, так как в них писатель «рассматривает роман в целом как жанр литературы» [Ziya Bakırcıoğlu 2005: 93].

Сам Пеями Сафа подразделял своё творчество на три сменяющих друг друга периода. К первому он относил свои «детские книги» – «Так называемые девушки», «Конец света» и «Возлюбленный» – романы, написанные им в возрасте до двадцати трёх лет. Все они, на его взгляд, были дефектными, в особенности «Возлюбленный». Представителями второго периода выступали «Молния» и «Был вечер», которые отличаются от ранних романов скорее степенью внимания к душевным переживаниям человека, чем по писательской технике. Романами третьего периода, при создании которых Пеями Сафа, как он сам говорит, в наибольшей степени достиг своих творческих целей, являются «Палата в девятой хирургии», «Фатих – Харбие» и «Роман сомнения» [Çandır 2012: 57]. К тому моменту (1937) ещё не были написаны «Кресло мадмуазель Норалии» и «Мы одиноки», ставшие впоследствии наиболее значительными произведениями писателя. Но при всём этом объективность характеристики, которую писатель дал своему творчеству, в дальнейшем нашла своё подтверждение. Так, наиболее популярными у исследователей как раз и являются романы позднего периода творчества Пеями Сафа. Ранним романам, напротив, уделяется сравнительно мало внимания.

Примечательно, что в Турции сегодня существуют исследования, которые посвящены не только непосредственно художественному наследию Пеями Сафа, но и работы, содержащие некоторые оценочные мнения относительно того, какое место отведено в турецком литературоведении этому романисту. К последним относится исследование Кязыма Йетиша. Он изначально рассматривает писателя как романиста и акцентирует внимание на новизне романа как жанра для литературы Турции. На фоне более медленного развития прозаических жанров по сравнению с поэтическими вклад писателя как в развитие художественного языка, так и в тематическое наполнение романа представляется более значительным. К. Йетиш особо отмечает обращение писателя к темам современного ему периода и отдельно останавливается на особенностях многих его ранних романов [Yetiş 2012: 293], к примеру, прослеживает переход от социальной направленности к психологии, впервые наметившийся в романе «Молния» [Yetiş 2012: 294].

Как уже отмечалось, романное наследие Пеями Сафа нельзя назвать однородным. Напротив, оно сильно отличается как по тематике, так и по стилю. Турецкие литературоведы обычно подразделяют его на две основные группы.

К первой относят весь тот пласт приключенческих и детективных произведений, которые были написаны под псевдонимом «Сервер Беді» (Server Bedî). В силу своей развлекательной специфики они, как правило, не рассматриваются турецкими исследователями и критиками; чаще всего их литературная ценность вовсе отрицается. Мурат Гювенир объясняет это тем, что Пеями Сафа «и сам не придавал большой ценности» [Güvenir 1989: 257] этим романам. Считается, что писатель создавал их только чтобы заработать на жизнь, с чем сложно спорить по той причине, что Пеями Сафа почти всё время жил исключительно литературным заработком. По крайней мере, говоря о важных моментах в собственном творчестве, писатель не упоминал их. В последнее время, однако, исследовательский интерес к данным романам начинает возникать, благодаря чему появляются новые публикации [Tercüman 2012]. Кроме того, определённая популярность и востребованность их сохраняется в Турции до настоящего времени, и они периодически переиздаются¹.

Ко второй группе относятся «серьёзные» произведения, представляющие предмет изучения литературоведов и критиков. Эта группа представлена уже романами в полном смысле слова, хотя объём некоторых произведений невелик. Перечень наименований можно найти во многих обзорах и статьях как в научной и справочной литературе, так и в Интернете. В различных источниках можно порой встретить разночтения по датам², однако перечень наименований, как правило, не меняется. Это такие произведения, как «Молния» (Şimşek, 1923), «Так называемые девушки» (Sözde Kızlar, 1923), «Конец света» (Mahşer, 1924), «Был вечер» (Bir Akşamdı, 1924), «В тени штыков» (Süngülerin Gölgesinde, 1924), «Преступление юного девичьего сердца» (Bir Genç Kız Kalbinin Cürmü, 1925), «Возлюбленный» (Canan, 1925), «Палата в девятой хирургии» (Dokuzuncu Hariciye Koğuşu, 1930), «Фатих – Харбие» (Fatih – Harbiye, 1931), «Атилла» (Atilla, 1931), «Роман сомнения» (Bir Tereddüdün Romani, 1933), «Кресло мадмуазель Норалии» (Matmazel Noraliya'nın Koltuğu, 1949), «Мы одиноки» (Yalnızız, 1951), «Мы люди» (Biz İnsanlar, 1959).

Отличия этих романов от предыдущих М. Гювенир сформулировал следующим образом. Во-первых, это использование психологического подхода с целью докопаться до глубин подсознания. В качестве примера служит роман «Палата в девятой хирургии». Во-вторых, стремление показать пагубность вестернизации через демонстрацию её негативных итогов. Здесь показателен роман «Фатих – Харбие». В-третьих, то, что герои романов физически или духовно неполноценны, ущербны³. М. Гювенир подчёркивает многонаправленность писательского

¹ Стоит упомянуть, к примеру, серию детективных романов, опубликованную издательством «Радуга» (тур. Alkim Kitabevi).

² В данном случае названия романов и датировка приводятся по изданию: *Safa P. Fatih-Harbiye*. İstanbul : Ötüken, 2005.

³ Это связано, скорее всего, с физической слабостью самого писателя, вызванной тяжёлой и долгой болезнью.

подхода Пейями Сафа, его стремление к исследованию мыслей и чувств, причём для писателя «важно не событие, а анализ» [Güvenir 1989: 257].

Весомый вклад в изучение вопроса периодизации творчества Пейями Сафа и эволюции его художественной мысли внёс известный теоретик литературы Берна Моран (1921–1993). Он разделил романное творчество писателя на два больших периода: первый составили произведения, написанные между 1922 и 1939 годами, ко второму периоду отнесены романы «Кресло мадмуазель Нора-лии» и «Мы одиноки» [Moran 2012: 219].

По мнению Б. Морана, проблематику романов первого периода составляет противостояние Запада и Востока. Писатель, отдающий явное предпочтение последнему, показывает этот конфликт через противопоставление разных социальных групп – развращённой прослойки богатой буржуазии, проводящей время в развлечениях и помышляющей лишь о выгоде, и скромных бедняков-интеллигентов, руководствующихся принципами высокой нравственности и следующих традициям. Конфликт явлен через взаимодействие двух героев-антиподов, представителей вышеуказанных групп. Герои представляют собой полную противоположность, причём восточный тип идеализируется, а западный, соответственно, изображается как носитель нравственных пороков либо ложных, по мнению писателя, убеждений. Вместе с тем западному типу присущи черты сильного и волевого характера, которых зачастую не хватает скромному восточному интеллигенту. Во всех романах имеет место любовный конфликт, в центре которого находится девушка, на протяжении повествования не решающаяся выбрать ту или иную сторону. Исследователь подчёркивает, что такая композиционная структура характерна для всех романов Пейями Сафа, написанных до 1939 года [Moran 2012: 222].

Пытаясь подойти к корню противопоставления героев, Б. Моран определяет его как оппозицию духовного и материального; Пейями Сафа, не отвергая качеств, присущих западному типу, отдаёт предпочтение восточному именно потому, что считает материальные цели иллюзорными, а стремление к ним – ошибочным [Moran 2012: 223].

Женские персонажи также похожи друг на друга, обладают набором почти идентичных качеств и из романа в роман совершают один и тот же выбор. Как правило, это образованные девушки из обеспеченных, но испытывающих материальные трудности (часто из-за радикальных изменений в стране) семей, стремящиеся усвоить передовые тенденции в культуре и социальной сфере. При этом Пейями Сафа придерживается консервативных взглядов на семейные отношения и выступает противником экономической независимости женщин [Moran 2012: 229]. Сомнения его героинь всегда оканчиваются выбором героя, олицетворяющего «восточный тип», а слишком долгое колебание влечёт за собой трагические последствия.

Причину постоянного, раз за разом, использования такой композиции и расстановки персонажей Б. Моран предлагает искать в биографии писателя, в частности, в автобиографическом романе «Палата в девятой хирургии». Он делает предположение, что юношеская несчастная любовь писателя сыграла определяющую роль в выработке и воспроизведении им подобной модели отношений у своих героев [Moran 2012: 231].

Роман «Мы люди», изданный в 1959 г., но в силу своей специфики также отнесённый Б. Мораном к первому периоду, выводит философскую составляющую на новый уровень: это уже не оппозиция «Запад/Восток» или «духовное/материальное», теперь друг другу противопоставлены материализм и идеализм. На художественное осмысление подобной идеи у Пеями Сафа ушло без малого двадцать лет. При этом Б. Моран, отмечая прогресс в технике письма, всё же не считает роман удачным в силу того, что Пеями Сафа, пытаясь очернить марксизм, обнаружил своё предвзятое отношение и, по сути, непонимание исторического материализма [Moran 2012: 234]. Неприязнь к марксизму и левым взглядам в целом проявилась у писателя задолго до этого, а именно после ссоры с Назымом Хикметом [Güvenir 1989: 255].

Отдельную главу посвящает Б. Моран роману «Кресло мадмуазель Норалии». Во многом его интерес обусловлен особенностями техники письма в данном произведении, характерными также для «Романа сомнения» и «Мы одиноки». Обращая внимание на тематическое сходство романа П. Сафа с романом его современницы, турецкой писательницы Х.Э. Адывар «Синекли Баккал» (Sinekli Bakkal, 1936), Б. Моран подчёркивает, что именно новая техника письма делает данное произведение действительно модернистским. Впервые в турецкой литературе была применена техника, оставляющая так мало места автору-рассказчику [Moran 2012: 238]. С одной стороны, это приближало роман к пьесе, а с другой – позволяло автору оставаться как бы в стороне, не разделяя позиций кого-либо из действующих лиц. Кроме того, писатель уже не был той всезнающей и всё контролирующей внешней силой, от которой зависели мельчайшие мысли и поступки персонажей; теперь он мог избрать более удобный для себя подход, при котором смотрел на происходящее порой от лица кого-то из героев, порой – своими глазами [Moran 2012: 241]. Пеями Сафа, впрочем, не зашёл так далеко, а придерживался более взвешенного и менее радикального для того периода подхода, выстроив повествование от лица главного героя, Ферита. При этом писатель, максимально сократив своё вмешательство в повествование героя-рассказчика, всё-таки не дошёл до использования потока сознания. Самое значительное отступление от модернистской техники Б. Моран видит в том, как изображены внутренние переживания Ферита: здесь писатель прибегает к смешению нескольких приёмов традиционного письма и тем самым вновь обнаруживает своё присутствие [Moran 2012: 243].

Идейное наполнение романа также заметно отличается от более ранних произведений. Теперь Пеями Сафа отстаивает «мистический взгляд на мир» [Moran 2012: 245]. Пропуская героя через перипетии духовного кризиса, писатель в конечном итоге полностью преобразует его личность. Ферит в корне меняется и обретает истину в мистической философии [Moran 2012: 245]. Пеями Сафа ополчается теперь, не как раньше, только на материализм – теперь к нему добавляются все естественные науки. Запад как среда, в которой получили развитие данные науки, олицетворяет дурную сущность, которую должен стремиться перебороть человек; Восток же мыслится как дух, способный привести к единству с Богом. В каждом человеке присутствует в той или иной мере составляющая этих абстрактных «Запада» и «Востока» [Moran 2012: 251].

С критикой точки зрения Б. Морана выступил современный писатель, поэт и учёный Хильми Явуз. По его мнению, Б. Моран оставил без внимания ряд вопросов, важных для корректной интерпретации идей Пеями Сафа. Прежде всего, это касается роли женщины в синтезе Востока и Запада. Женщина, способная сочетать в себе признаки западной и восточной культуры (что у Пеями Сафа не могут делать мужчины – они полностью на стороне или Востока, или Запада), является единственным связующим звеном в процессе межкультурного синтеза. Однако в силу того, что писатель не наделил её самостоятельным и критическим мышлением, она оказывается неспособной на это. Таким образом, идея синтеза превращается в утопию. Пеями Сафа, по мнению Х. Явуза, возложил на женщин заведомо невыполнимую миссию именно для того, чтобы обосновать своё неприятие их эмансипации [Yavuz 2013: 83].

Не только Б. Моран уделил большое внимание «Креслу мадмуазель Норалии». Параллельно с ним и вслед за ним многие исследователи занимались изучением данного романа. Можно даже сказать, что он является самым популярным в научной среде произведением писателя.

Севим Кантарджиоглу, рассуждая о модернизме в турецкой и мировой литературе, также подробно останавливается на данном романе. Он, в отличие от Б. Морана, в первую очередь обращается к философскому наполнению произведения, однако также высоко ценит применение писателем модернистской техники, главным образом, введение модернистского героя [Kantarcioğlu 2007: 91].

Роману «Кресло мадмуазель Норалии» посвящён целый ряд статей, рассматривающих разные его аспекты. Мехмет-Эмин Улудаг стремится с точки зрения психологии описать душевные состояния героя, дать максимально целостную оценку его поведения с позиций психоанализа [Uludağ 2012]. С похожих позиций его рассматривает Фуат Йондемли, который, однако, пытается охватить более широкий круг понятий медицины, психологии, при помощи них описать психологические травмы героя. Исследователь показывает, насколько широкими познаниями Пеями Сафа обладал в медицине и какое отражение эти знания нашли в романе [Yöndemli 2012]. Имран Гюр на примере «Кресла мадмуазель Норалии» подходит к вопросу о модернистском сознании и присущих ему страхах [Gür 2012]. Кроме того, материал романа иллюстрирует мистический взгляд на мир, служащий предметом изучения в статье Али Йылдыза [Yıldız 2012]; параллельно с ним рассматривается также не менее популярный роман «Мы одиноки».

Роман «Мы одиноки», повествующий о запутанных отношениях, также является частым объектом внимания критиков и литературоведов. Большое внимание ему уделяет Гюрсель Айтач. В своих «Исследованиях современных турецких романов» она стремится максимально показать особенности данного произведения. В технике письма отмечается использование большого количества как явных, так и скрытых цитат европейских авторов – Новалиса, И.В. Гёте, А. Бергсона, Ф. Ницше, М. Пруста, Р.М. Рильке [Aytaç 1999: 98]. Повествование ведётся как от третьего, так и местами от первого лица. Исходя из его замысла и манеры изложения, Г. Айтач склонна считать «Мы одиноки» романом-размышлением (тур. düşünce romanı) [Aytaç 1999: 100].

Юнус Балджи интерпретирует проблемы героев при помощи анализа психологии писателя. По его мнению, воспроизведение сюжетных ситуаций, представ-

ленных в романе «Мы одиноки», и образы героев тесно связаны с личными переживаниями Пеями Сафа, испытанными им в раннем детстве [Balcı 2012: 23]. Объяснив ряд особенностей в поведении действующих лиц, Ю. Балджи уточнил, что языковая и образная сторона романа требуют отдельного подробного разбора [Balcı 2012: 25]. Джафер Гарипёр посвятил отдельную статью вымышленной стране Симерании, продемонстрировав таким образом депозитизацию окружающей героев действительности. Симерания, являющаяся современной утопией и изначально задуманная как идеальный мир, лишена изъянов реального мира и призвана помочь сбежать из него хотя бы в воображении. Кроме того, введением подобного образа Пеями Сафа в очередной раз знакомит турецкого читателя с опытом европейской литературы [Gariper 2012: 41].

Романы раннего периода в принципе менее востребованы у критиков и исследователей творчества Пеями Сафа. Но среди них также есть как более, так и менее популярные. К примеру, редко можно встретить статьи, посвящённые роману «Атилла» (или «Аттила»: написание названия также разнится). Согласно распространённой точке зрения, данный роман был написан под влиянием одноимённого произведения французского писателя Марселя Бриона, вышедшего в 1928 г. и в 1931 г. переведённого на турецкий язык. Такое мнение, вероятнее всего, получило распространение благодаря тому, что Пеями Сафа при создании своих произведений стремился учитывать европейский опыт [Yetiş 2012: 297]. Фазыл Гёкчек поставил задачу провести подробный анализ данного романа и выяснить не только то, в чём состоит сходство и различие этих двух произведений, но также и то, что общего имеет Аттила, выведенный Пеями Сафа на страницах романа, с реальной исторической личностью [Gökçek 2012: 75]. Итог его исследования, по сути, опроверг расхожую точку зрения о подражательности Пеями Сафа. Важным фактором при написании романа послужила политическая ситуация в Турции. 1932 год стал датой проведения I Турецкого исторического конгресса, активно пропагандировались идеи турецкого национализма, и Аттила стал одним из его воплощений [Gökçek 2012: 77]. Однако Пеями Сафа и здесь не стал идти магистральным путём: в романе (не считая предисловия) нигде не восхваляется «тюркскость» Аттилы. Он, безусловно, представлен в хорошем свете, но причиной тому служит не его происхождение; это естественно сближает его с романом М. Бриона. Содержательно два произведения во многом близки, прежде всего, потому, что описывают одни и те же события, хотя между ними есть ряд отличий в изложении исторических фактов, появляющийся из-за разницы смысловых акцентов. У Пеями Сафа, в отличие от М. Бриона, на первом плане вновь находится любовная линия. По сравнению с ней, остальные качества личности Аттилы – его выдающиеся таланты политика и полководца – блекнут [Gökçek 2012: 80]. Уделяя внимание личной жизни Аттилы, Пеями Сафа не делал акцентов на военных кампаниях, однако, касаясь их, упоминал лишь победы. Ф. Гёкчек также обращает внимание на некоторые логические нестыковки между идеологизированным предисловием и самим текстом романа [Gökçek 2012: 82].

Среди общих исследований творчества Пеями Сафа особенно выделяется работа Мехмета Нарлы́ и Берны Услу́-Ка́я, посвящённая источникам несчастья в романах писателя [Narlı 2012]. В центре внимания также находится эффект раз-

очарования в культурных, социальных и политических преобразованиях первых лет Турецкой Республики. Тексты произведений исследуются на нескольких уровнях – общеязыковом, лексическом; чтобы проанализировать поведение героев, авторы прибегают к методам из области социологии и психологии. М. Нарлы и Б. Услу-Кая стремятся охватить максимальное количество материала, в связи с чем, в работе представлены практически все основные романы Пеями Сафа; учитывается даже роман «Из грязи в князи» (Cumbadan Rumbaya, 1936), опубликованный под псевдонимом «Сервер Беди». Данное исследование отличается чрезвычайно подробным изложением содержания произведений. Действующие лица распределены по категориям в соответствии со своим «типом несчастья». Отдельно рассматриваются герои-мужчины и героини-женщины, причём это не обязательно главные действующие лица – героям второго плана также уделяется внимание. Подобный подход позволяет не только вникнуть в проблематику каждого из произведений, но и в общем шире взглянуть на идейную составляющую творчества Пеями Сафа.

Схожие принципы наблюдаются в исследовании Мюзейен Буттанры́, посвящённом образам родителей в романах Пеями Сафа [Buttanrı 2012]. Здесь используется материал одиннадцати романов, представляющих все периоды творчества писателя. Образы матерей и отцов рассматриваются по отдельности, при этом делается разграничение на положительных и отрицательных персонажей. Исследователь отмечает, что образы отцов прописаны далеко не так подробно, как образы матерей, хотя в большинстве случаев они являются положительными персонажами. Кроме того, они часто переживают жизненные трудности, связанные с войной или тяжёлой болезнью. Типично в разных романах также отношение детей к родителям. На основании полученных результатов М. Буттанры связывает это с личными переживаниями самого писателя, потерявшего отца в раннем возрасте. В качестве подтверждения приводится также роман «Палата в девятой хирургии», выпадающий из общего ряда и обладающий наибольшей степенью автобиографичности [Buttanrı 2012: 40].

Помимо этого, турецкие литературоведы не оставили без внимания вопрос идеализма в творчестве Пеями Сафа. Так, Седа-Гюль Картал, изучив образы молодых людей в романах, их взгляды, образ жизни и действий, определяет их как героев-идеалистов. Подобные герои чаще появляются на страницах ранних романов писателя – это, прежде всего, герои романов «Так называемые девушки», «Конец света» и близкого им позднего романа «Мы люди», то есть герои, на чьё детство и юность выпали все потрясения, случившиеся в стране в начале XX века. С ними Пеями Сафа во многом ассоциировал самого себя [Kartal 2012: 123] и всех их наделил набором схожих черт.

Таким образом, в современной Турции творчество Пеями Сафа является объектом подробного рассмотрения в многочисленных и разносторонних исследованиях и критических статьях. Анализ их материала позволяет обнаружить следующие отличительные черты:

1. Наряду с исследованиями, посвящёнными отдельным произведениям Пеями Сафа, имеются также комплексные работы, в которых рассматриваются общие вопросы творчества Пеями Сафа и его место в литературном процессе.

2. В большинстве исследований прослеживается трансформация взглядов писателя и развитие его авторского стиля.

3. В последнее время для анализа романов Пейами Сафа всё шире применяется междисциплинарный подход.

4. Предпринимаются попытки пересмотреть традиционные точки зрения на некоторые произведения.

Вместе с тем, всё ещё можно обнаружить вопросы, которым турецкая критика и литературоведческая наука уделили мало внимания или вовсе обошли стороной. К примеру, романы, подписанные псевдонимом «Сервер Беди», по-прежнему не становятся объектом отдельного изучения; мало освещён роман «В тени штыков», пьеса «Светает» (Gün Doğuyor, 1932). Малые жанры (рассказы, сказки), в которых также проявился талант писателя, пока изучены не полностью. Между тем, их материал может быть использован при исследовании романов и способен дать сведения по эволюции авторского стиля и мировоззрения. Поэтому есть основания говорить о том, что исследовательский потенциал романов Пейами Сафа до настоящего времени полностью не исчерпан.

Литература

- Магазаник 1934 – *Магазаник Д., Михайлов М.* Пейами // Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 8. М.: ОГИЗ РСФСР, 1934. – Стб. 628–629.
- Образцов 2014 – *Образцов А.В., Сулейманова А.С.* Модернизм в турецкой литературе // Модернизм в литературах Азии и Африки. Очерки / Отв. ред. А.В. Образцов. СПб., 2014. – С. 94–152.
- Сулейманова 2014 – *Сулейманова А.С., Козинцев М.А.* Модернизм у Пейами Сафа // *Universum: Филология и искусствоведение*, 2014. – № 9(11). – URL: <http://7universum.com/en/philology/archive/item/1595> (дата обращения: 22.06.2017)
- Аytaç 1999 – *Aytaç G.* Çağdaş Türk Romanları Üzerine İncelemeler. – Ankara: Gündoğan, 1999.
- Balcı 2012 – *Balcı Y.* Psikanalist Bir Romancının Psikanalizi *Yalnızız*'da Peyami Safa'nın Psikanalizi Üzerine Bir Uygulama // *Erdem: Atatürk Kültür Merkezi Dergisi*. – Ankara, 2012, sayı 62. – S. 17–26.
- Buttanrı 2012 – *Buttanrı M.* Peyami Safa'nın Romanlarında Anne ve Babalar // *Erdem: Atatürk Kültür Merkezi Dergisi*. – Ankara, 2012, sayı 62. – S. 27–40.
- Çandır 2012 – *Çandır M.* Bir İsyanın Romanı: Mahşer // *Vefâtının 50. Yılında Peyami Safa Kitabı / Editörler: S. Altıntop, R. Bağcı, C. Şen.* – Manisa, 2012. – S. 57–69.
- Gariper 2012 – *Gariper C.* *Yalnızız* Romanında Mekânın Poetikasıyla Şaşması ve Ütopik Dünya Olarak *Simeranya* // *Erdem: Atatürk Kültür Merkezi Dergisi*, sayı 62. – Ankara, 2012. – S. 41–58.
- Gökçek 2012 – *Gökçek F.* Marcel Brion ve Peyami Safa'nın Attila Hakkındaki Romanları // *Erdem: Atatürk Kültür Merkezi Dergisi*, sayı 62. – Ankara, 2012. – S. 75–82.
- Gür 2012 – *Gür İ.* Matmazel Noraliya'nın Koltuğu: Modern Bilinç ve Korkunun Şuuru // *Vefâtının 50. Yılında Peyami Safa Kitabı / Editörler: S. Altıntop, R. Bağcı, C. Şen.* – Manisa, 2012. – S. 71–79.
- Güvenir 1989 – *Güvenir M.* Peyami Safa Üzerine // *Ankara Üniversitesi SBF Dergisi*, 1989, cilt 44, sayı 1. – S. 253–263.
- Kantarcioglu 2007 – *Kantarcioglu S.* Türk ve Dünya Romanlarında Modernizm. – İstanbul: Paradigma, 2007.
- Kartal 2012 – *Kartal S.G.* Peyami Safa'nın Romanlarında İdealist Gençler ve Ortak Özellikleri // *Erdem: Atatürk Kültür Merkezi Dergisi*, sayı 62. – Ankara, 2012. – S. 111–124.
- Moran 2012 – *Moran B.* Türk Romanına Eleştirel Bir Bakış 1: Ahmet Mithat'tan Ahmet Hamdi Tanpınar'a. – İstanbul: İletişim, 2012.
- Narlı 2012 – *Narlı M., Uslu Kaya B.* Peyami Safa'nın Romanlarında Mutsuzluğun Kaynakları // *Erdem: Atatürk Kültür Merkezi Dergisi*. Ankara, 2012, sayı 62. – S. 133–156.

- Tercüman 2012 – *Tercüman Ç.* Peyami Safa'nın Romancılığında *Cumbadan Rumbaya*'nın Yeri // Erdem: Atatürk Kültür Merkezi Dergisi, sayı 62. – Ankara, 2012. – S. 207–222.
- Uludağ 2012 – *Uludağ M.E.* Matmazel Noraliya'nın Koltuğu'nda Gerçekleşen Psikolojik Aktiviteler // Erdem: Atatürk Kültür Merkezi Dergisi, sayı 62. – Ankara, 2012. – S. 277–288.
- Yavuz 2013 – *Yavuz H.* Edebiyat ve Sanat Üzerine Yazılar. – İstanbul: Yapı Kredi Kültür Sanat Yayıncılık, 2013.
- Yetiş 2012 – *Yetiş K.* Peyami Safa'nın Türk Romancılığındaki Yeri // Erdem: Atatürk Kültür Merkezi Dergisi, sayı 62. – Ankara, 2012. – S. 289–297.
- Yıldız 2012 – *Yıldız A.* Peyami Safa'nın Düşünce ve Sanat Dünyasında Mistisizm // Erdem: Atatürk Kültür Merkezi Dergisi, sayı 62. – Ankara, 2012. – S. 299–318.
- Yöndemli 2012 – *Yöndemli F.* Hekim Gözüyle “Matmazel Noraliya'nın Koltuğu” // Erdem: Atatürk Kültür Merkezi Dergisi, sayı 62. – Ankara, 2012. – S. 319–324.
- Ziya Bakırcıoğlu 2005 – *Ziya Bakırcıoğlu N.* Başlangıcından Günümüze Türk Romanı. – İstanbul: Ötüken, 2005.

Novelist Peyami Safa in Turkish critique and literary studies

M. Kozintcev,
Saint Petersburg

Summary: The article is dedicated to the literary works of Peyami Safa, the outstanding Turkish novelist of the 20th century, whose works are nevertheless very little known in Russia. The author's analysis is based on the researches of several Turkish scholars and literary critics and shows how thoroughly the works of Peyami Safa are studied in Turkey itself. The author of the article also seeks to determine some general trends of the further research in this field.

Keywords: Turkish literature of the 20th century, novel, Peyami Safa, critique, literary studies

Сведения об авторе

Козинцев Марк Альвиевич – магистр востоковедения и африканистики, старший лаборант Института восточных рукописей РАН; e-mail: m.kozintcev@mail.ru

ХОДЖА НАСРЕДДИН С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КАТЕГОРИИ СМЕХА

Б.О. Курбанов,

г. Газиантеп (Турция)

Резюме: В статье исследуется образ Ходжи Насреддина с точки зрения категории смеха. Автор приходит к выводу о том, что в рассказах о Ходже Насреддине используются основные художественно-эстетические принципы, присущие категории смеха: ирония, юмор, сатира, сарказм, гипербола и др. Автор выделяет наиболее значимые группы рассказов, в ходе анализа некоторых из которых вырисовывается многогранный образ Ходжи Насреддина. Особо автор останавливается на значении образа Ходжи Насреддина для тюркского мира.

Ключевые слова: категория смеха, тюркский мир, образ, ирония, сатира, юмор

Каждый народ создает свой собственный образ комического героя. Например, говоря о европейской культуре смеха, юморе и сатире, мы вспоминаем героев романа Сервантеса «Дон Кихот», американская смеховая культура прочно ассоциируется у нас с героями всемирно известного Чарли Чаплина, для тюркского мира мастером смеха является Ходжа Насреддин¹. Насреддин, в котором сочетаются благородство, отзывчивость, остроумие, народная смекалка, клеймит социальное зло, невежество, тупоумие чиновников, отзывается на реакционные события времени.

Образ Ходжи Насреддина вышел за границы тюркского мира и вошел в сокровищницу мировой культуры².

Существует достаточно большое количество исследований, посвященных рассказам о Ходже Насреддине, однако в основном это работы социально-исторического характера. Исследователей рассказов о Ходже Насреддине в первую очередь интересуют вопросы о том, был ли Ходжа Насреддин реальным историческим лицом, где он родился, каким родом деятельности занимался, к какому социальному классу принадлежал, был ли действительно знаком с теми историческими фигурами, которые упоминаются в рассказах о нем, например, с правителем Тимуром, поэтом Ахмеди и т.д. Безусловно, социально-исторический, культурологический ракурс важен, однако необходимо обращаться и к исследованию художественно-эстетических особенностей рассказов о Ходже Насреддине.

¹ Тюркские народы также называют его Мола Насреддин, Хаджи Насреддин, Апанди. Болгарским аналогом Ходжи Насреддина является хитрый Петр.

² 1996 год был объявлен ЮНЕСКО годом Ходжи Насреддина.

не, анализу средств создания комического в них, выявления их композиционных особенностей и др.

В рассказах о Ходже Насреддине проявляются такие важные художественно-эстетические категории смеха, как сатира, юмор, ирония, гротеск, сарказм и т.д. Необходимо отметить, что при помощи этих средств смеховой эффект создавался еще с древнейших времен, что можно проследить во многих образцах мирового фольклорного творчества, в частности, в древнегреческих легендах и мифах. Например, в одном древнегреческом мифе рассказывается, как Пармениск, испугавшись, потерял способность смеяться. Чтобы спасти его от этого недуга, Дельфийский пророк посоветовал Пармениску найти портрет матери Аполлона – Латоны. Пармениск ожидал увидеть красивую, благородную пожилую женщину, однако к его удивлению ему показали кусок бревна, и Пармениск начал смеяться [Борев 1981].

В фольклоре и литературе старое, отжившее свой век явление представляется в новом «наряде», а проходящее и незначительное абсолютизируется. В обоих случаях наблюдается несоразмерность, несоответствие между формой и содержанием. Выявленные противоречия контрастно сопоставляются, превращаются в объект комического. Комическое может выражаться по-разному, например, безобразное, изжившее свой век событие наделяется гуманистической ценностью, желаемое нередко представляется как действительное, жизненно важные, значимые события вовсе игнорируются.

Обычно комичные ситуации возникают, когда объект смеха сам не понимает своего комического положения, до конца придерживается ошибочного мнения и защищает ошибочную мысль или явление, верит в их справедливость и истинность. В рассказах Ходжи Насреддина можно найти множество примеров подобного рода. Например, в рассказе о казане сосед, который одолжил Ходже Насреддину казан, а впоследствии получил от него два казана. Насреддин объясняет это тем, что казан, одолженный у соседа, родил еще один казан. Думая только о выгоде и наживе, сосед верит в эти небылицы. В другой раз, когда Насреддин еще раз попросил у него казан, тот с радостью одолжил его, думая, что казан снова «родит» ему еще один казан. Однако его ожидания не оправдываются: Насреддин сообщает, что он не может вернуть ему казан, так как тот скончался. Удивленный сосед восклицает: «Разве казан может умереть?» На что Насреддин Ходжа отвечает: «А разве казан может родить?» [Анекдоты Мола Насреддина 1975: 209]. Подобный неожиданный поворот событий иллюстрирует не только остроумие, чувство юмора Ходжи, но и его ненависть, враждебность к таким негативным человеческим порокам, как корыстолюбие, жадность и т.д.

В рассказе «Намаз в христианской деревне» мы становимся свидетелями того, как смехотворен человек, оторванный от своей обычной среды и вынужденный действовать в необычной ситуации. В рассказе повествуется о том, как во времена Османской империи было захвачено одно из христианских селений, и его жители должны были принять ислам. Султан приказывает найти для них подходящего имама для совершения *намаза*. Далее показывается, что имам механически осуществляет ритуал, скрупулезно выполняет все по правилам, что и становится основным объектом смеха. Перед молитвой он сообщает присутст-

вующим, что они в точности должны повторять его слова и действия. Процесс учебы происходил под деревом, неожиданно подул сильный ветер, и в нос имама попала веточка с дерева. Когда он закричал: «Мне в нос попала ветка!», все присутствующие в точности повторили его слова. Тогда имам, воскликнув: «Вы все собаки!», вытащил ветку из носа и хлестнул ей стоявшего рядом с ним человека. Все присутствующие поступили так же. Имам, находящийся в растерянности и не знающий, что же делать дальше, не нашел ничего лучше, как сказать: «Намаз завершен» [Молла Насреддин 1969].

В этом рассказе высмеивается слепое подражание, копирование явлений действительности. Здесь мы встречаемся также с критикой формального отношения к своей работе и обязанностям, с педантизмом, с механическим выполнением обязанностей. Напомним, что подражание и внешние повторы считаются важными механизмами создания комического, и неслучайно в творчестве комедийных актеров они нередко используются в качестве главных средств художественной выразительности, примером чего может послужить творчество Чарли Чаплина.

Этот вопрос многократно освещался в научных исследованиях, посвященных эстетике, например, в трудах И. Канта, Ф. Гегеля и в особенности А. Бергсона. В то же время необходимо отметить, что подражание и повторы оправданы лишь в том случае, когда помогают выявлению идейно-художественного содержания произведений искусства. В обратном случае они не служат способу создания комического, не могут передать все специфические особенности смеха, который играет важную воспитательную роль.

Возвращаясь к образу Ходжи Насреддина хотелось бы отметить еще одну его особенность: смеясь над своими близкими, соседями, друзьями, учеными и др., он всегда сохраняет по отношению к ним чувство симпатии, сердечности, доброжелательности. На наш взгляд, подобные рассказы можно объединить под общим названием: «Ходжа Насреддин среди своих друзей». Иронизируя над своими родными и близкими, он стремится к тому, чтобы они избавились от своих пороков, таких как невежество, наивность, доверчивость и т.д. Благодаря такому наполнению этого образа, мы можем констатировать, что одной из главных категорий, создающих комическое в рассказах о Ходже Насреддине, является юмор, – это отчетливо видно, например, в рассказе «Мулла защищает осла». Явившийся к мулле гость упрекает при нем своего осла за то, что тот не захотел везти груз с продуктами, предназначенными мулле, и этим якобы опозорил его. В ответ на это мулла, сказав, что не стоит зря бить осла, подчеркивает: «Если он не захотел привезти из вашей деревни предназначенные нам продукты, то, конечно же, и отсюда он не захочет ничего увезти» [Молла Насреддин 1969].

В подобных рассказах чаще всего объектом смеха становится сам Ходжа Насреддин, однако народ относится к нему с большой симпатией – не вопреки, а, скорее, благодаря этому. Несмотря на некоторые его ошибочные, непривычные поступки, порой несовместимые с общепринятыми нормами поведения, он всегда воспринимается как близкий каждому простому человеку образ, выступая при этом выразителем интересов и чаяний народа. В рассказах о Ходже Насреддине мы одновременно видим свои просчеты, упущения и ошибки, порой не все-

гда замечаемые нами. Рассказы как бы знакомят нас с самим собой, и по сути мы смеемся над собой.

Подобную тенденцию можно проследить, например, в творчестве Чарли Чаплина, выражавшего чувства и чаяния простого, «маленького» человека, который в действительности отражает интересы и потребности большинства людей.

Существует целая группа рассказов, в которых проявляется критическое отношение Ходжи Насреддина к людям, занимающим высшие посты: это султаны, представители духовенства и даже сам Тимур – жестокий и свирепый властелин своего времени. В подобных рассказах мы становимся свидетелями, как характер смеха видоизменяется: он становится саркастическим, язвительным. Ходжа особенно безжалостен к тем, кто не принимает во внимание духовную культуру, обычаи, нравственные ценности своего народа, унижает его честь и достоинство.

Не прощает он несправедливости и ханжества даже своему сыну. Например, в рассказе «Высокомерный сын» разбогатевший сын, заставляющий своего отца ожидать приема у дверей, считает, что человек, человеческое достоинство и честь измеряются лишь богатством, высоким положением в обществе. Обращаясь к отцу, он с гордостью изрекает: «Помнишь, когда-то ты мне говорил, что из меня не выйдет настоящий человек, теперь ты сам видишь, что я стал им». На что отец резко отвечает: «Сын, ты все еще не стал человеком!». В этой группе рассказов комическое создается, прежде всего, при помощи сарказма и сатиры.

Другим распространенным приемом создания комического в рассказах о Ходже Насреддине является гипербола. Например, тонущий в бассейне торговец никак не реагирует на слова друзей: «Дай руку!». Подоспевший Ходжа разъясняет присутствующим, что подобные люди привыкли не давать, а брать, кричит утопающему: «Возьми руку!», – и таким образом спасает его.

В целой группе рассказов поднимается – в основном в завуалированном виде – проблема социального неравенства людей. Например, в рассказе «Болезнь муллы» говорится о том, что, когда больной Ходжа Насреддин объяснил врачу, что его болезнь вызвана голодом, тот пригласил его на обед. После вкусного обеда Ходжа приходит в себя. Уходя, он благодарит врача и говорит, что все его домочадцы болеют этой болезнью и что теперь ему придется их направить именно к нему [Molla Nasreddin 1956].

Как известно, народ во все времена свой протест против несправедливых правителей, свои идеалы о справедливости и социальном равенстве выражал не в абстрактной форме, а посредством конкретных художественных образов, и здесь трудно найти более жизненный и конкретный образ, чем Ходжа Насреддин. «Вневременность» поднятых в рассказах о Ходже Насреддине проблем проявляется и в том, что объектом критического осмысления в них являются хронологически разные события. Ярким примером этого служат встречающиеся в рассказах о Насреддине имена таких известных личностей, как Ыылдырым Баязид, Насреддин Туси, Тимур, а также упоминание о различных, порой отдаленных друг от друга по времени исторических событиях, научных открытиях и т.д.

В другой группе рассказов поднимаются вопросы нравственного воспитания, проблем семьи и брака, науки, искусства и т.д. Особое место занимают рассказы

о поэзии. Сам Ходжа Насреддин придает большое значение поэтическому творчеству и всякий раз клеймит тех, кто снисходительно относится к поэзии, считая забавой, не требующей значительных усилий. Примером могут послужить такие рассказы, как «Ходжа пишет стихи», «Стихотворения Ходжи», «Поэтический дар Ходжи», «Охота на зайцев», «Берзали Бей», «Стихи Ходжи на фарси» и т.д. В них мы видим стремление Насреддина к сохранению лучших художественно-эстетических принципов прошлого, его бережное отношение к поэтическому наследию своего народа.

В заключение следует отметить, что рассказы о Ходже Насреддине играли и играют большую роль в развитии и формировании культуры тюркоязычных народов. Так, например, трудно представить себе жанр карикатуры или комическое в литературе и в других видах искусства без комедийных образов Насреддина Ходжи. Лучшим примером этого может служить журнал «Молла Насреддин»³, который был широко известен во многих странах. В журнале критически осмыслились многие социально-политические и экономические проблемы как в Азербайджане, так и в других регионах мусульманского мира. Основателем и редактором журнала был известный азербайджанский писатель-сатирик Джалиль Мамедкулизаде, который, назвав журнал именем Насреддина, продолжал его благородное дело. Вместе с талантливыми авторами он боролся за социальную справедливость и прогресс своего народа. При этом авторы журнала были верны многим принципам создания комического, присущих рассказам о Ходже Насреддине [Nesin 1973]. Большой успех журнала можно объяснить еще и тем, что поднятые в нем проблемы были близки и понятны широкой массе читателей. Опубликованные на страницах журнала материалы, в том числе рассказы, отражали народную мудрость, искусство смеяться над собой и над другими, что так явственно проявляется в рассказах о Ходже Насреддине. Эта преемственность наблюдается и в творческом наследии многих писателей и поэтов тюркоязычных народов: А. Несина, О. Сейфеддина, Н. Хикмета, Д. Мамедкулизаде, А. Азимзаде, Н. Нариманова, Г. Зардаби, У. Гаджибейли, которые не раз подчеркивали, что многое заимствовали у выдающегося мастера смеха, знаменитого мудреца Ходжи Насреддина.

Литература

- Ansoy 1977 – *Ansoy, Sumullah. Türk gülmece ve yergisinden seçmeler*. İstanbul, 1977; *Erdogan Tokmakçioğlu. Bütün Yönleriyle Nasrettin Hoca*. – Ankara 1981.
 Боров 1981 – *Боров Ю.Б. Эстетика*. – М., 1981.
 Анекдоты Молы Насреддина 1975 – *Анекдоты Молы Насреддина*. – Баку: Элм, 1975.
 Молла Насреддин 1969 – *Молла Насреддин*. – Баку, 1969.
 Molla Nasreddin 1956 – *Molla Nasreddin. Latifleri*. – Bakı: Elm, – 1956.
 Nesin 1973 – *Nesin, Aziz. Cumhuriyet döneminde Türk Mizahı*. – Düz Yaz. Akbaba Yayınevi, 1973.

³ Азербайджанский еженедельный иллюстрированный сатирический журнал, издававшийся в 1906–1931 гг. Журнал в дальнейшем снова стал выходить благодаря профессору Азизу Мирахмедову и Турану Гасанзаде. См.: *Molla Nasreddin* (в 12-и томах, на азербайджанском языке). 1-й том. – Bakı: Elm, 1988.

**Khodzha Nasreddin's stories
from the point of view of the category of «laughter»**

***Babek Kurbanov,**
Gaziantep (Turkey)*

Summary: In the article the image of Khodzha Hasreddin is investigated through the prism of the category of laughter. The author concludes that in Khodzha Hasreddin stories one can find almost all artistic and aesthetic principles inherent in the category of laughter that is irony, humor, satire, sarcasm, hyperbole etc. The author marks especially important groups of stories. Analyzing some of the stories he presents multifaceted image of Khodzha Nasreddin. At the end of the article the author points out the importance of Khodzha Nasreddin's image for the world of the Turkic peoples.

Key words: Category of laughter, Turkic world, image, irony, satire, humor

Сведения об авторе

Курбанов Бабек Османович – доктор философских наук, профессор Газиантепского университета (Турция); e-mail: kurbanov@gantep.edu.tr

ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ЛИРИКИ А. МУСАЕВА (НА ОСНОВЕ СТИХОТВОРЕНИЙ ПОЭТА, СОЗДАНЫХ В НАЧАЛЕ XX В.)

*Ш.У. Саимбетов,
г. Нукус (Узбекистан)*

Резюме: Статья посвящена изучению публицистической лирики каракалпакского поэта А. Мусаева. Свержение царской власти, установление нового общественного строя в начале XX в. способствовало созданию художественных произведений, отражающих реалии действительности. Анализ произведений А. Мусаева показывает, что исторические перемены в общественно-политической, социальной жизни каракалпакского народа получили отклик в его публицистической лирике.

Ключевые слова: публицистическая лирика, поэт А. Мусаев, ассонанс, аллитерация, редиф, рифма

Как известно, художественные произведения, отражающие важнейшие события в политической, культурно-экономической области государства, условия труда человека, образ жизни, изменения в мировоззрении и взглядах общества обычно трактуются как публицистические. Публицистика (*лат.* общественный, присущий большинству) – один из жанров литературы и журналистики [Ахметов 1972: 105; Ахметов 1992: 77; Жаримбетов 2004: 80], причем литературная публицистика отличается своеобразными особенностями в содержании и тематике, и «является оперативной и боевой частью литературы» [Бобоев 2002: 460].

Существует следующее пояснение к термину: «публицистическая лирика – тенденциозные лирические произведения, в которых выражаются актуальные мировоззренческие, политические и др. взгляды <...> В публицистических стихах поэты стремятся показать объект утверждения или отрицания для того, чтобы через его изображение подвести читателя к справедливости своей декларации, лирико-публицистического вывода» [Словарь литературоведческих терминов // <http://ukrlitra.com.ua/996pp.html>].

В каракалпакском литературоведении публицистическая лирика интерпретировалась как политическая лирика (*сиясий лирика*), гражданская лирика (*гражданлык лирика*), лирика долга (*азаматлык лирика*) [Абрамович 1979: 235; Фесенко 2008: 293; Каримов 1966: 271; Куронов 2004: 184; Мамбетниязов 1989: 10; Ахметов 1987: 205]. В дальнейшем широкое применение нашло обозначение термина как «публицистическая лирика, публицистические стихотворения» [Жаримбетов 2004: 81]. Как утверждает исследователь А. Аяпов, существуют объективные причины, способствующие усилению публицистического характера в лирике, ибо в период преобразований в обществе именно посредством публицистической лирики можно передать дух времени [Аяпов 2010: 3].

Как известно, начало XX в. ознаменовалось событиями, круто изменившими жизнь народов Средней Азии. Свержение колониального режима царской власти, установление новых порядков способствовали созданию художественных произведений, с наибольшей достоверностью отражающих реалии действительности. В этот период в каракалпакской литературе на передний план выступает публицистическая лирика, призванная освещать общественно-политическую обстановку в стране, а также нужды, надежды и чаяния народа. Одним из поэтов, обратившихся к данному жанру, является поэт Аяпберге'н Муса'ев (Аяпберген Му'усаев, 1880–1936).

В лирике А. Мусаева нашли отражение исторические перемены в общественной жизни народа. Разнообразна поэзия А. Мусаева, в которой мы можем выделить историческую, социальную, общественно-политическую лирику. Особое значение творчества поэта подчеркивает тот факт, что даже сегодня, по прошествии почти целого века со времени своего создания, его произведения сохраняют свою художественную ценность, являясь при этом важным источником по истории каракалпаков. Следует отметить, что литературное наследие А. Мусаева ранее было исследовано в различных аспектах такими учеными, как академик М. Нурмухамедов (1980), К. Максетов (1961), К. Байниязов (1972, 2000). В данной статье мы обращаемся к вопросу о публицистической лирике каракалпакского поэта.

Яркая картина общественно-политических перемен, изменений в социальной жизни народа начала XX в. создается через сравнение периода колониальной власти и нового общественного строя, живым свидетелем которых стал сам поэт. В созданных А. Мусаевым в данный период стихотворениях «*Бола баслады*» («Началось», 1924), «*Тасқын*» («Полноводие», 1930), «*Шөлкем*» («Организация», 1931), «*Жүз басы*» («Сотник», начало XX в.), «*Яранлар*» («Друзья», начало XX в.), «*Баспапшылардың қыят аўылын шабыўы*» («Нашествие басмачей на аул кыятов¹») мастерски раскрываются особенности жизни и быта каракалпакского народа.

Через реалистическое описание поэт стремится показать общественные порядки колониального режима русского царя Николая и горькую участь простого народа. Так, в стихотворении «*Бола баслады*» («Началось») сопоставлена система управления ханской и новой власти:

*Тарийх бир мың үш жүз отыз үшинде,
Заман ҳәр тәрәпке дәне баслады.
Журт жыласып Николайдың тусында,
Ҳәр түрли қысыўмет көре баслады.* [Мусаев 1980: 35]

Подстрочный перевод:

‘В историческом тысяча триста тридцать третьем (году)
Время началось меняться по-разному,
Народ, плача при Николае,
Начал терпеть разные притеснения’

¹ **КЫЯТ** – название одного из каракалпакских родов.

Приведенный в этом отрывке 1333 год мусульманского летоисчисления (*ҳижрий жылы есабы*) соответствует 1914–1915 гг. по григорианскому календарю [Байниязов 1972: 75]. В данном произведении с большой достоверностью передано тяжелое положение каракалпакского народа.

События 1920-х гг., изменившие жизнь и быт народов Средней Азии, дали возможность осознать заслуги исторических личностей, и А. Мусаев приступает к созданию положительного образа А. Досназа'рова, сыгравшего важную роль в истории каракалпаков. Достойный сын каракалпакского народа, сумевший добиться установления национальной государственности, описан подобным образом:

*Бул жерде бармалы енди көп сөзге,
Журт ушын зар жылап, жас алып көзге,
Миллет қатарында шықпаға жузге,
Бул жигит сорасып кете баслады.*

*Өз миллетим дейип қарақалпақты,
Бир болсын деп аржақ пенен бер жақты,
Даньшпанд нұқтадан – қаслы ырғақлы,
Улықларға қағаз сала баслады. [Мусаев 1980: 37]*

Подстрочный перевод:

‘Не нужно теперь много слов,
(А) Народу – плакать, стеная, проливать слезы,
Чтобы встать в один ряд с (другими) национальностями,

Этот джигит пошел искать путь.
Считая каракалпака своей национальностью,
Чтобы стали равными и тот, и другой,
Мудрый оратор, выходец из (рода) ыргаклы²
Стал слать бумаги³ великим’

Поименно знакомя с каждым волостным управляющим, поэт стремится к точности и конкретизации описания:

*Болыс ким-ким десең, айтайын атпа-ат,
Бириси-Марқабай, бири-Сейитмурат,
Бириси-Аманбай, Сейит, Қалмурат,
Бири-Мойнақ болып кете баслады. [Мусаев 1980: 39]*

Подстрочный перевод:

‘Если спросишь «Кто болыс⁴?» скажу поименно:
Один Маркабай, другой – Сейитмурат,
Еще Аманбай, Сейит, Калмурат,
А тот пошел в Муйнак.’

² **ыргаклы** – название одного из каракалпакских родов.

³ *здесь*: письма.

⁴ **болыс** – волостной управляющий.

Таким образом, применение приема параллелизма позволяет поэту достичь мастерского раскрытия особенностей периода царской власти и установившегося в 20-х гг. XX столетия нового общественного строя.

Мысли поэта о событиях 1930-х гг. легли в основу лирического стихотворения «Шөлкем» («Организация»), в котором А. Мусаев стремится описать социальное положение дехкан, объединившихся в колхоз «Шөлкем». Люди хотели изменить свою жизнь к лучшему, но наводнение, настигнувшее жителей побережья Амударьи, становится причиной ухудшения условий жизни аульчан.

Публицистический характер произведения позволяет А. Мусаеву абсолютно точно передать численность дехкан, сплотившихся вокруг колхоза «Шөлкем», а также показать условия жизни и быта членов хозяйства:

*Бир жүз-де еллидур хожалық саны,
Алты жүз-де еллидур үй-иши жаны...* [Мусаев 1980: 65]

Подстрочный перевод:

‘Численность хозяйства – сто и пятьдесят,
Шестьсот и пятьдесят число домашних членов семей’

Здесь же конкретно показаны источники питания населения аула, виды выращиваемой сельскохозяйственной продукции:

*Жеп жүргени хукиметтиң жемиси,
Жақсы деп болмайды, көпти кемиси,
Гүнжи, кендир, буўдай тары егиси,
Суў алып аз болды наны «Шөлкем»ниң.* [Мусаев 1980: 65]

Подстрочный перевод:

‘То, что они едят – плоды правительства,
Нельзя говорить, что (всё) хорошо, есть (еще) недостатки,
Посеянные кунжут, конопля, пшеница, просо
Остались под водой, хлеба стало мало у «Шөлкем»а’

Действительно, залившее поля колхоза наводнение стало причиной трудностей быта дехкан. Занятые возведением дамб, дехкане не смогли своевременно обеспечить свои семьи запасами пропитания. Мы становимся свидетелями, что данное стихийное бедствие в то же время отразилось на жизни всего каракалпакского народа:

*Жазы менен шыға алмадық қашыдан,
Күни-түни кете алмадық басынан,
Сол себепли кемис болды асыў-нан...* [Мусаев 1980: 65]

Подстрочный перевод:

‘Всё лето не смогли отойти от (строительства) дамб,
Не могли уйти от работы,
Поэтому стало не хватать пищи и хлеба’

Сложное положение народа, в трудный период в качестве основной пищи перешедшего на питание рыбой, воссоздается в следующих строках:

*Күнде қайғы болды атпай түнлери,
Айта берсек көптур аның минлери,
Бәхәр шығып пахта егис күнлери,
Нан таппай теңселди ели «Шөлкемнің».*

*Ар билдик қол жайып «нан бер» демеге,
Көлди гездик минип алып кемеге,
Шаныып алдық ойын балық жемеге,
Азық болды арқа көли «Шөлкемнің». [Мусаев 1980: 66]*

Подстрочный перевод:

‘Каждый день проходил в печали, не вставала заря,
Что и говорить, много было у него (времени) недостатков,
Прошла весна, когда надо было сеять хлопок,
Не найдя хлеба, шаталось население «Шолкем»а.

Мы считали зазорным протягивать руки и просить «Дай(те) хлеба»,
Плыли по озеру, влезши в лодки,
Чтобы есть, ловили игривых рыбок,
Стало пропитанием северное озеро «Шолкем»а’

Таким образом, описание реального стихийного бедствия и трудностей, с которыми столкнулись члены колхоза «Шөлкем», придает стихотворению публицистический характер. Данное обстоятельство подтверждается мнением каракалпакского ученого-литературоведа К. Жаримбетова: «Публицистический характер и художественно-эстетические чувства в лирических произведениях передаются через личные душевные переживания, потрясения, недовольство» [Жаримбетов 2004: 81].

Если обратить внимание на строение стиха публицистической лирики А. Мусаева, мы увидим, что «*Бола баслады*» («Началось») состоит из четверостиший в 45 строф, написанных силлабическим размером *бармақ*, тогда как лирическое «*Шөлкем*» («Организация») создано в форме четверостиший, и состоит из 10 строф. В «*Шөлкем*» («Организация»), как и в «*Бола баслады*» («Началось») строфы в составляют строки из 11-12-слогов, причем стихотворная форма начальной строфы построена в виде **а,б,а,б**, а последующие строфы рифмуются как **а,а,а,б**, и, таким образом, использованы перекрестная и однородная рифмы. В первой строфе 1-3-я и 2-4-я строки рифмуются между собой перекрестной рифмой **а,б,а,б**, и четные строки замыкают редифы. Редиф – слово, словосочетание или предложение, *повторяющееся* (включено мной – Ш.С.) в конце стихотворной строки после рифмы [Хатамов 1983: 269].

Строфы с парной рифмовкой **а,б,а,б** поэт замыкает редифом:

*Төменнен қуралған гедей баллары,
Мийнеткеш дийқандур – бәри «Шөлкемнің».
Колхозлар ишинде төмен халлары,
Төмен тап күн көрис халы «Шөлкемнің». [Мусаев 1980: 65]*

Подстрочный перевод:

‘Из низов сплотились дети бедняков,
Трудяги-дехкане – все в «Шолкем»е,
(Даже) Среди колхозников состояние тяжелое,
Очень плохо состояние проживания «Шолкем»а’

1-2-3 строки последующих строф взаимно рифмуются в форме **а,а,а,б**, и замыкающие редифы даны в завершающей четвертой строке. Для стихотворных строк А. Мусаевым в основном выбраны слова из 2-3-х слогов.

При взаимной рифмовке строк поэт использует слова, состоящие из 2-3-х, иногда – 4-5-и слогов, причем слова, состоящие из 5-и слогов, приведены в строках с редифом. Следует отметить, что здесь мы встречаем применение особой формы редифа: если в стихотворении «*Бола баслады*» («Началось») поэт использует редифы в конце строк, то в «*Шөлкем*» («Организация») редифы даны в середине стихотворной строки:

*Жазы менен шыға алмадық қашыдан,
Күни-түни кете алмадық басынан. [Мусаев 1980: 65]*

Подстрочный перевод:

‘Всё лето не смогли отойти от (строительства) дамб,
Не могли уйти от работы’

Строки с редифом, замыкающим строфу, А. Мусаев использует для реалистичной передачи сложностей исторического периода, а также внешних признаков конкретных исторических личностей:

*Әбиұ жүзден шыққан тулпар екендур,
Жете жүйірик, көзи қунқар екендур,
Атадан бир туўған суңқар екендур,
Мәрт жолдасын таўып келе баслады. [Мусаев 1980: 38]*

Подстрочный перевод:

‘Абу⁵ – скакун, вышедший из ста,
Очень быстроногий, глаза, налитые кровью,
Сокол, появившийся на свет один-единственный раз,
Найдя, привел храбрых своих друзей’

⁵ Әбиұ Қудабаев – политический деятель, сыгравший важную роль в истории каракалпаков.

В приведенном выше отрывке слова *тулпар екендур, қунқар екендур, суңқар екендур* взаимно рифмуются между собой, и повторение в каждой из трех строк слова *екендур* создает строчный реди́ф. Как утверждает литературовед К. Оразымбетов, в каракалпакской литературе «строчный реди́ф является широко распространенной формой, и слова, выбранные в качестве реди́фа, могут встречаться и в конце, и в середине, и в начале строки» [Оразымбетов 2004: 124]. Таким образом, в своем стихотворении Аяпберген применяет различные формы рифмовки.

В «*Бола баслады*» («Началось») мы встречаем продуктивное использование аллитерации и ассонанса. Некоторые строфы начинаются со слов с одинаковыми согласными, и таким образом, мысли поэта раскрываются через аллитерационное описание. Так, рассмотренный нами ранее отрывок из стихотворения, где А. Мусаев поименно знакомит с каждым из волостных управителей на каракалпакской земле, является ярким примером аллитерации.

Помимо этого, поэт использует ассонанс, и некоторые слова в строфах начинаются с одинаковых гласных звуков:

*Еркинлик ҳаўазы алемге түсти,
Еситкенди қарақалпақтың нуш-нушты...* [Мусаев 1980: 38]

Подстрочный перевод:

‘Голос свободы достиг (всего) мира,
Услышавши про род каракалпаков’

А также:

*Атым – Аяпберген, қырық төртте жасым,
Атам – молла Муўса, жоқдур қардашым...* [Мусаев 1980: 40]

Подстрочный перевод:

‘Моё имя – Аяпберген, мне сорок четыре года,
Мой отец – мулла Муса, (и) нет у меня друзей’

В стихотворении «*Шөлкем*» («Организация»), как и в «*Бола баслады*» («Началось») мы находим широкое применение аллитерации, где мысль поэта передается через использование слов, начинающихся с одного и того же согласного звука:

*Жеп жүргени ҳүкметтиң жемиси,
Жақсы деп болмайды, көпти кемиси.* [Мусаев 1980: 65]

Подстрочный перевод:

‘То, что они едят – плоды правительства,
Нельзя говорить, что (всё) хорошо, есть (еще) недостатки’

Как мы видим, А. Мусаев достиг реалистичного отображения общественно-политической обстановки в обществе, а также показа социального положения народа через мастерское использование в форме четверостиший, состоящих из 11-12 слогов таких художественных приемов, как аллитерация, ассонанс и параллелизм.

Большинство отечественных ученых едины во мнении, что строение стиха лирических произведений классиков каракалпакской поэзии имеет схожую форму. Например, Б. Исмаилов, анализируя лирику Кунходжи, приходит к выводу: «одной из часто встречающихся форм является строение стиха с куплетом с рифмой **а,б,а,б**, последующих – **а,а,а,б** с 8-ю слогами, или же смежными 7-8-ю и 11-ю слогами» [Исмаилов 1961: 271].

Говоря о редифах, И. Сагитов на примере творчества классика каракалпакской литературы Бердаха указывает на характер стихосложения его поэзии: «Одной из особенностей стихотворений Бердаха является то, что первые три строки четверостиший обычно рифмуются между собой, а четвертая строка устойчиво рифмуется с последними строками последующих куплетов» [Сагитов 1974: 317], тогда как А. Каримов утверждает следующее: «В стихах Отеша встречаются и рифмы в форме **а,б,а,б**. Подобная рифмовка дана лишь в первом куплете» [Каримов 1984: 88].

Таким образом, научные материалы по изучению каракалпакской литературы показывают, что в национальной классической поэзии широко распространены замыкающие редифы с рифмой, имеющей форму **а,б,а,б**, с последующими строками в виде **а,а,а,б**. Анализ строения стиха публицистической лирики А. Мусаева указывает на соблюдение поэтом традиций предшественников. При изучении внешней формы стихотворений А. Мусаева мы становимся свидетелями мастерского продолжения традиций каракалпакской классической поэзии, и использование рифмы в виде **а,б,а,б** в начальных строфах, в последующих – как **а,а,а,б** присуще всему творчеству поэта. Публицистический характер произведений А. Мусаева способствует реалистическому отображению особенностей нового периода в истории каракалпакского народа.

Исходя из вышесказанного, мы приходим к выводу о том, что исторические перемены начала XX в., произошедшие в общественно-политической, социальной жизни каракалпакского народа нашли своеобразный отклик в публицистической лирике А. Мусаева. Значимость творчества А. Мусаева проявляется в отражении реальной обстановки в стране, выражении актуальных проблем современной действительности через поэтическое слово.

Литература

- Абрамович 1979 – *Абрамович Г.Л.* Введение в литературоведение. – Москва: Просвещение, 1979.
Ахметов 1972 – *Ахметов С.* Краткий словарь литературоведческих терминов. – Нукус: Каракалпакстан, 1972 (на каракалп. яз.).
Ахметов 1992 – *Ахметов С., Бахадырова С.* Краткий словарь фольклорных терминов. – Нукус: Билим, 1992 (на каракалп. яз.).
Ахметов 1987 – *Ахметов С., Султанов К.* Литературоведение. – Нукус: Каракалпакстан, 1987 (на каракалп. яз.).

- Аяпов 2010 – *Аяпов А.* Каракалпакская публицистическая лирика периода Независимости (проблемы художественного конфликта, лирического героя и поэтики художественной речи). Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Нукус, 2010 (на каракалп. яз.).
- Байниязов 1972 – *Байниязов К.* Особенности стиля Аяпбергенов Мусаева. – Нукус: Каракалпакстан, 1972 (на каракалп. яз.).
- Бобоев 2002 – *Бобоев Т.* Основы литературоведения. – Ташкент: Узбекистан, 2002 (на узб. яз.).
- Жаримбетов 2004 – *Жаримбетов К.* Жанровые свойства и история развития каракалпакской лирики XIX века. – Нукус: Билим, 2004 (на каракалп. яз.).
- Исмаилов 1961 – *Исмаилов Б.* Жизнь и творчество Кунходжи. – Нукус: Каракалпакское Государственное издательство, 1961 (на каракалп. яз.).
- Каримов 1984 – *Каримов А.* Жизнь и творчество Отеша шайыра. – Нукус: Каракалпакстан, 1984 (на каракалп. яз.).
- Каримов 1966 – *Каримов Г.К.* История узбекской литературы. – Ташкент: Укитувчи, 1966 (на узб. яз.).
- Курунов 2004 – *Курунов Д.* Введение в литературоведение. – Ташкент: Издательство народного наследия имени А.Кадыри, 2004 (на узб. яз.).
- Мамбетниязов 1989 – *Мамбетниязов Т.* Каракалпакская лирика. – Нукус: Каракалпакстан, 1989 (на каракалп. яз.).
- Мусаев 1980 – *Мусаев А.* Первое мая. – Нукус: Каракалпакстан, 1980 (на каракалп. яз.).
- Оразымбетов 2004 – *Оразымбетов К.* Эволюция и типология художественных форм в современной каракалпакской лирике (на примере лирики 1970– 2000-х гг.). – Нукус: Билим, 2004 (на каракалп. яз.).
- Сагитов 1974 – *Сагитов И.Т.* Соловей степи. – Нукус: Каракалпакстан, 1974 (на каракалп. яз.).
- Словарь литературоведческих терминов // <http://ukrlitra.com.ua/996pp.html>. (дата обращения 11.06.2017).
- Фесенко 2008 – *Фесенко Э.Я.* Теория литературы. – Москва: Академический проект: Фонд «Мир», 2008.
- Хатамов 1983 – *Хатамов Н., Саримсаков Б.* Русско-узбекский толковый словарь литературоведческих терминов. – Тошкент: Укитувчи, 1983 (на узб. яз.).

Features of A. Musaev's publicistic lyrics (on the poet's works created at the beginning of the XXth century)

*Sharafatdin Saimbetov,
Nukus (Uzbekistan)*

Summary: The article is devoted to the analysis of the publicistic lyrics of Karakalpak poet A. Musaev. The poet being inspired by the fall of imperial power, establishment of a new social system, his works reflect the realities of the early XXth century. Analysis of the A. Musaev's works shows that historical changes in the political and social life of the Karakalpak people have found a response in his publicistic lyrics.

Keywords: publicistic lyrics, poet A. Musaev, assonance, alliteration, redif, rhyme

Сведения об авторе

Саимбетов Шарафатдин Уракбаевич – старший научный сотрудник Отдела Каракалпакского фольклора и литературы Каракалпакского научно-исследовательского института Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан; e-mail: saimbetov.sharafatdin@mail.ru

О РОЛИ ВЛИЯНИЯ АРАБО-ТЮРКО-МУСУЛЬМАНСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ НА ТВОРЧЕСТВО Р. ФАХРЕТДИНОВА

*Ф.Ш. Сибатов,
г. Уфа*

Резюме: В статье объектом анализа стали повести «Салима, или целомудрие», «Асма, или поступок и наказание» и научно-популярный исторический труд «Мухаммад (мир ему)». Автор делает вывод о том, что литература конца XIX – начала XX вв. синтезирует в себе художественные традиции национального фольклора и арабо-тюрко-мусульманской культуры.

Ключевые слова: Р. Фахретдинов, башкирская литература, арабо-тюрко-мусульманская литература, образ, просвещение, повесть

Башкирская литература конца XIX – начала XX века, синтезирующая в себе художественные традиции национального фольклора и арабо-тюрко-мусульманской культуры, занимает особое место в духовном наследии народа. На этом богатейшем наследии воспитывалось не одно поколение читателей, ее эстетико-художественные традиции и стилевые особенности были продолжены в прозе и поэзии XX в.: она явилась основой национальной литературы, истоком творчества крупнейших писателей и поэтов – М. Гафури, Ш. Бабича, Дж. Юмаева, М. Карима, Н. Наджми и др. [Псянчин 2017: 251–255].

Литература конца XIX – начала XX века ознаменовала собой кризис канонических вероисповеданий, когда традиционные картины мира разрушились под натиском науки, религиозные науки и учения вступили в конфликт с научным знанием. В связи с этим анализ эволюции национальной литературы показывает ее сложность и многогранность. Основными составляющими ее развития, как и во многих тюркоязычных национальных литературах, были традиции устного народного творчества, письменной литературы на тюрки и мусульманской культуры, т.е. получалось, что «на дореволюционном этапе башкирская литература развивалась целиком и полностью в русле классической мусульманской культуры. Поэтому художественный и идеологический облик героев произведений всегда соответствовал тем требованиям, которые были установлены Кораном и сунной. Согласно коранической традиции, идеальному мусульманину должны быть свойственны такие психологические и нравственные черты, как богобоязненность, терпение и покорность судьбе» [Сибатов 2015а: 98].

Начало нового возрождения арабо-мусульманского Востока, как известно, относится ко второй половине XIX в. Этот период характеризовался более по-

следовательным и углубляющимся взаимодействием между западной и восточными типами цивилизаций, который проявился в общественной, экономической, политической и идеологической областях и способствовал поступательному развитию светской культуры. В связи с этим наступает период просветительства, связанный со стремлением приобщиться к высшим духовным достижениям западной цивилизации, которая, в свою очередь, сочеталась с идеями о необходимости реформации в обществе.

Своими истоками данная концепция опирается на традиции, просуществовавшие в арабо-мусульманской культуре в X–XV вв., которую позднее стали называть «мусульманским ренессансом». Именно в этот период наука и культура достигли своего наивысшего расцвета. Этому способствовала особая доктрина государства, основанная на принципе синкретизма – слияния общественно-политической, светской и религиозной жизни с идеалом духовной общности людей. Имена таких ученых и поэтов мусульманского Востока, как Абу Насра ал-Фараби (870–950), Абу Райхан ал-Бируни (973–1048), Абу Али ибн Сина (Авиценна) (980–1037), Абу Абдаллах Рудаки (?–941), Абу ал-Касим Фирдоуси (934/941–1025), Низами Ганджави (1141/1147–1203/1209), Алишер Навои (1441–1501) и др. вошли в историю мировой науки и культуры. Произведения мастеров восточной словесности вдохновляли не только современников, но и поэтов позднейших времен. Однако с XVI в. начинается культурный спад, который отбросил Восток далеко назад. Одной из причин, на наш взгляд, является преобладание влияния духовенства, агрессивно настроенного против всего светского, и частичный отход от некоторых постулатов ислама, особенно от первоначального демократического, в сторону догматизма.

Только в конце XIX в. в мусульманском мире начинается культурно-просветительский подъем, стремление урезать влияние агрессивно настроенного против образования и культуры духовенства и реализация в обществе некоторых нововведений, которые облегчили бы социальное положение. Такими общественно-политическими деятелями являются Мухаммад Афгани (1839–1897), Мухаммад ‘Абду (1849–1905), Мухаммед Икбал (1877–1938). В России, в тюркском мире он связан с именами Исмаила Гаспринского (1851–1914), Каюма Насыри, Ризаитдина Фахретдинова и др.

Как известно, любое художественное произведение несет в себе не только следы авторской индивидуальности, но и воплощает определенные мировоззренческие концепции, обусловленные мироощущением писателя. Ризаитдин Фахретдинов (1859–1936), будучи идейным сторонником просвещения, в своих произведениях старается не только донести свои мысли до читателей, но и заинтересовать их. В отличие от прежних лет, эта заинтересованность основывается на материальном благополучии, что явилось своего рода новаторством для мусульманской идеологии.

Мусульманские реформаторы были убеждены, что достижение человеческого совершенства будет возможным лишь в лоне гармонично развивающегося общества. Социальный прогресс может осуществляться при условии соблюдения истинной религии, которая сама должна давать санкции на разностороннюю научную и образовательную деятельность человека как главную основу его благополучия и процветания. При этом мусульмане были свидетелями новых рефор-

маторских шагов в исламе, которые были сделаны высшим духовенством. Например, на них огромное влияние оказали деятельность Мухаммеда Абдо, муфтия Египта, который для развития экономики страны разрешает получать проценты с прибыли (риба).

Прошло совсем немного времени, когда башкирская интеллигенция получила возможность для самовыражения и самоопределения, и наметился поворот общества на путь современного развития. Характерное для этого времени вдохновение присутствует в произведениях многих авторов. В этих условиях новые взгляды, концепции и нормы переосмыслены через призму ислама в привычных для народа образах и сюжетах. Вследствие этого Р. Фахретдинов, М. Гафури, З. Хадый пишут именно в такой легкодоступной форме и стремятся к тому, чтобы их произведения могли быть адекватно приняты в общемусульманском контексте. Р. Фахретдинов на примере героев своих произведений поднимают такую актуальную для всех времен тему, как беззаветное служение своему народу и обществу в целом. Все это дается не в повествовательной или увещательной форме, а выражается во всей авторской позиции, ибо она «богаче позиции повествования, поскольку она выражается не отдельным субъектом речи, а всей субъектной организацией произведения» [Корман 1992: 67].

Именно поэтому писатели-просветители свои идеи и мысли преподносят читателям не в форме наставления и увещаний, а стараются их заинтересовать, чтобы герои их произведений могли стать примером, за которым можно было бы следовать.

В конце XIX в. в Ближневосточном регионе поднимается вопрос о равноправии женщин, в частности, их праве на получение достойного образования. В художественной форме данная проблема находит отражение в творчестве египетского писателя и общественного деятеля Касим Амина (1865–1908), книга которого «Освобождение женщины» (1899) получила широкий резонанс на Ближнем и Среднем Востоке. На наш взгляд, возможно, именно идеи Касима Амина и других авторов и общественных деятелей Востока нашли художественное воплощение в произведениях писателей Урало-Поволжского региона. Примером этому является повесть «Салима, или целомудрие» (1904) Р. Фахретдинова и др.

Концепция героя в башкирской литературе этого периода, как и во многих тюркоязычных литературах, в основном связана с особенностями интерпретации предназначения человека в коранической традиции. Например, в своей повести «Салима, или целомудрие» Р. Фахретдинов создает образ девушки, которая может быть примером для подрастающего поколения.

Повесть «Салима, или целомудрие» по своему содержанию является светским произведением. У нее есть реальная основа. Персонажи действуют как представители конкретных народов, при этом точно обозначено время действия и т.д. Автор коротко знакомит нас с Казанью, с состоянием науки и культуры города. Это является как бы экспозицией, фоном произведения, готовит читателя к дальнейшим событиям, в том числе ставит проблему серьезного отставания башкир в культуре (конкретнее – в науке и образовании).

Шакирд «Б», хотя и считался одним из лучших учеников медресе, хорошо понимает, что по уровню знания он отстает от своих сверстников, получивших гимназистское или университетское образование. Особенно этот разрыв заметен

в точных и естественных науках. Размышления об этом наводят молодого человека на мысль о необходимости самосовершенствования своих знаний: кроме персидского и арабского, он начинает изучать немецкий, английский, французский языки, другие предметы, не предусмотренные программой медресе. Он понимает, что только овладев духовной и материальной культурой развитых народов, можно будет применить их в повседневной жизни.

Во время путешествия на пароходе в Уфу случай свел шакирда с Салимой. Эта встреча оказала заметное влияние на его дальнейшую судьбу.

Салима – дочь богатого купца, окончила университет в Египте. Она хорошо знакома с мировой историей, культурой и литературой, знает много иностранных языков. Они находят много общих тем. В ходе беседы шакирд понимает многое, особенно это касается низкого уровня его знаний. В дальнейшем он начинает интенсивно работать над собой и достигает определенных успехов.

В образы Салимы, Шакирда и др. Р. Фахретдинов вкладывает большой смысл. Во-первых, они выступают как ориентир, на который надо равняться молодому поколению. Во-вторых, Салиму можно считать идеалом мусульманской женщины, поскольку она свободна, образована, богата.

На примере образа Шакирда Р. Фахретдинов открыто показывает слабые стороны системы образования мусульманских учебных заведений и указывает на необходимость его реформирования. Кроме того, произведение звучит и как призыв молодому поколению по возможности отдавать предпочтение светскому образованию. Салима окончила университет в Египте, Шакирд «Б» («Салима, или целомудрие») и Габбас («Счастливая девушка») получили образование в медресе, однако всех троих объединяет одна общая черта – наряду с религиозным образованием, тяга и к светскому. Они получают уроки по иностранным языкам, самостоятельно осваивают естественные науки и т.д.

Таким образом, просветители в своих произведениях постарались создать концепцию «совершенного человека» (*ал-инсану-л камил*), выступая против концепции абсолютной предопределенности действий человека. Он свободен в своих действиях, поступках и сам осуществляет свой выбор. Достичь совершенства может каждый, кто работает над собой.

В связи с развитием науки и техники, обществом были востребованы светски образованные молодые люди с кругозором и широтой мысли. Это был своего рода социальный заказ для своего времени и общества. Р. Фахретдинов, видя в лице молодого поколения будущее нации, поднимает проблему о необходимости получения соответствующей своему времени образования и воспитания, изучения русского языка, освоения культурных достижений русских и других народов, независимости женщин, свободной любви и брака, нравственной чистоты.

Наряду с вышеуказанным, здесь может лежать и общественно-политическая подоплека. Восток и сам исламский мир к этому времени заметно отстают от Запада. Для того, чтобы восточные страны смогли достичь цивилизационного уровня Запада, особенно в области образования и науки (что в конечном итоге приведет к экономическому подъему), они должны были совершить рывок вперед.

В то же время не стоит забывать, что Р. Фахретдинов был патриотом своей большой родины – России. Он хотел, чтобы мусульманские народы страны стремились к прогрессу, чтобы в конечном итоге с надеждой смотрели на будущее.

Художественное воплощение концепции нравственности, ответа за свои поступки мы можем наблюдать и в повести «Асма, или поступок и наказание».

В исламе считается, что ребенок рождается с чистой, безгрешной душой. Только с годами в его душе накапливаются грехи. Кроме того, мусульманину строго запрещается обижать детей-сирот, больных и инвалидов. Считается, что Аллах слышит и принимает их мольбы и стенания быстрее, чем у других слоев населения. О сиротской судьбе самого Мухаммеда упоминается и в Коране: «Разве не нашел Он тебя сиротой и приютил?» [Коран 1963: 93: 5–6]. Поэтому рекомендуется не обижать таких людей, по мере возможности поддерживать их духовно и материально.

Вокруг главной героини произведения Асмы-Зайнап действуют такие персонажи, как Саях бай, Габбас мулла (отец Асмы), Юнус хадрат, Гали халфа, Юсуф бабай, Хикмат хажи, Хамида, Зайнуш. Они, исходя из своего отношения к главной героине, создают два противоположных лагеря. Отрицательными героями, по воле которых Асме пришлось испытать немало горя и страданий, являются Хикмат хажи, Хамида, Зайнуш.

В итоге мольбы и стенания девушки были услышаны, и в дальнейшем злодеи понесли заслуженную божью кару. Хамида, заразившись смертельной болезнью, глубоко раскаялась за свои прежние грехи: «Сколько безвинных душ загубила я, сама жила словно собака. Из ста друзей не осталось ни одной. Умру я как собака. Возьмите с моего состояния пример! Увидев мое состояние, пусть ваши души истоскуются по богу» [Фахретдинов 1903: 72]. Любящий богатство Хикмат хажи скончался в нищете, Зайнуш стала попрошайничать на улице...

Таким образом, Хикмат хажи, Хамида, Зайнуш и др. отрицательные персонажи несут определенную смысловую нагрузку – на их примере автор, опираясь на отдельные аяты Корана и законы шариата, обращаясь к своим современникам, призывает их воздержаться от небогоугодных дел, и предостерегает их, что им в случае греха уготовлены сложные испытания. Расплата может наступить не только в загробном мире, как говорится в Коране, но и раньше.

Таким образом, просветительский характер произведения Р. Фахретдинова заключен не в пространных назиданиях, характерных для средневековых дидактических сочинений, а раскрывается по мере развертывания сюжета и вплетен в художественную ткань произведений. Все счастливые и несчастные повороты в судьбах главных героев оказываются следствием и результатом нравственного, просвещенного, либо безнравственного, безграмотного поведения персонажей, движимых добрыми или злыми побуждениями. Зачастую автор не поучает, а действует гораздо тоньше и деликатнее – читатель воспринимает пропагандируемые художественными произведениями мировоззренческие ориентиры, гуманистические ценности и этические принципы как свои внутренние убеждения и нравственные нормы поведения. Поэтому эти простые и понятные всем истины в сочетании с увлекательной художественно-образной формой изложения становились частью их духовного мира.

Еще одним традиционным направлением арабо-мусульманской культуры является жанр сира (сират ан-наби), воспринимаемый обычно как «особый жанр ранней мусульманской историографии, жизнеописание основателя ислама Мухаммеда» [Ислам 1991: 209]. Наряду с традициями народного романа на форми-

рование его структуры оказал влияние историографический жанр арабской литературы *магази* (повествование о военных походах Мухаммада). В VII–XIX вв. в арабской литературе авторы включали в повествование не только исторически достоверные сообщения о битвах и военных стычках, но и фольклорные повествования. В основном, такие повествования распространялись *кавасс* – рассказчиками из народа.

Произведение Ибн Исхака состоит из трех частей и имеет четкую и продуманную схему – история древних пророков до Мухаммада (ал-Мубтада’), жизнеописание Мухаммада до первого года хиджры (ал-Муб’ас) и завоевательные походы Мухаммада и до конца его жизни (ал-Магази). Ибн Хишам, как известно, убрал первую часть.

В башкирской литературе начала XX в. в некоторой степени этим принципам строения соответствует только произведение Р. Фахретдинова «Мухаммад (галяйхи-с саям)» [Сибгатов 2015б: 51–59]. Кроме того, чувствуется большое влияние труда Ахмад б. Фарис ар-Рази. Это, во-первых, стремление к краткости, приведение лишь необходимого набора фактов, во-вторых, «оно было достаточно популярно в мусульманском мире, но никак не относится к вершинам мусульманской религиозной литературы. Подобных сочинений было много повсюду. Они в принципе стандартны, содержат повторяющийся набор фактов, сведений и формул. Это как бы образец массовой средневековой мусульманской литературы, и именно этим сочинение особенно интересно» [Хрестоматия 1994: 26]. Например, ар-Рази считает необходимым привести родословную Мухаммада, Р. Фахретдинов также следует данной традиции. «У Аллаха мы просим помощи и у него испрашиваем благословения для украшения посланников, господина миров, печати пророков и имама благочестивых Абу-л-Касима Мухаммада б. ‘Абдаллаха б. ‘Абд ал-Мутталиба б. Хашима б. ‘Абд Манафа б. Кусайфа б, Килаба б. Мурры б. Ка’ба б. Луайфа б. Талиба б. Фихра б. Малика б. ан-Надра б. Кинаны б. Хузаймы б. Мудрики б. Илйаса б. Мудара б. Низара б. Ма’адда б. ‘Аднана. До этого имени в родословной мусульманская община единогласна» [Хрестоматия 1994: 27; Фахретдинов 1909: 3].

Анализ содержания труда показывает, что это в большей части научно-историческое сочинение. Автор выводит дату рождения пророка не только по хиджре, но и по григорианскому календарю, что было обусловлено активно меняющейся жизнью начала XX в.

Таким образом, творчество Р. Фахретдинова развивалось и обогащалось в синтезе традиционной арабо-тюрко-мусульманской и национальной культур.

Литература

- Ислам 1991 – Ислам. Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991.
 Коран 1963 – Коран / Перевод и комментарии И.Ю. Крачковского. – М., 1963.
 Корман 1992 – *Корман Б.О.* Избранные труды по теории и истории литературы. – Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 1992.
 Псянчин 2017 – *Псянчин Ю.В.* Исламская составляющая в религиозном стиле башкирского языка (к постановке проблемы) // Развитие гуманитарной науки в регионах России. Материалы международной научной конференции. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017. – С. 251–255.
 Сибгатов 2015а – *Сибгатов Ф.Ш.* Духовная литература башкирского народа. – Уфа: Гилем, 2015.

- Сибгатов 2015б – *Сибгатов Ф.Ш.* Сират ан-наби как жанр религиозно-дидактического характера в башкирской литературе начала XX века // Проблемы востоковедения. – 2015. № 4 (70). – С. 55–59.
- Фахретдинов 1903 – *Фахретдинов Р.* Асма, или поступок и наказание. – Оренбург, 1903 (на тюрки).
- Фахретдинов 1909 – *Фахретдинов Р.* Мухаммад (мир ему). – Оренбург, 1909 (на тюрки).
- Хрестоматия 1994 – Хрестоматия по исламу / Сост. и отв. ред. *С.М. Прозоров.* – М.: Наука, 1994.

Upon influence of Arab-Turk-Muslim cultural traditions on R. Fakhretdinov's works

*Flur Sibgatov,
Ufa*

Summary: In the article the author analyzes the story «Salima Or chastity», «Asma Or the act and punishment» and the popular scientific work «Muhammad (peace be upon him)» and makes a conclusion that literature of the late XIXth – early XXth century, synthesizes traditions of national folklore and Arab-Turkic-Muslim culture.

Key words: R. Fakhretdinov, Bashkir literature, Arab-Muslim literature, lifestyle, education, story

Сведения об авторе

Сибгатов Флюр Шарифуллинович – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Башкирского государственного университета, г. Уфа; e-mail: jamachta@mail.ru

ҚҰМАЛАҚ АШУ – УСТНАЯ ТРАДИЦИЯ ГАДАНИЯ И ЕЁ ВЕРОЯТНЫЕ ИСТОКИ

*В.М. Яковлев,
г. Москва*

Резюме: Живую традицию гадания, в которой отсутствуют или не сохранились гадательные тексты можно считать устной. Казахское гадание *кумалак*, так же как тувинское *хуанок*, являются такого рода гаданиями. Представляется, однако, что *кумалак* очень близок к появлению письменного текста, его описание на одном из европейских языков (французском в нашем случае) демонстрирует такую возможность. Ясно, что у книги, имеющей заглавие «Kumalak. Le Miroir de la Destinée» («Кумалак. Зеркало судьбы») был источник на казахском языке (хотя и не опубликованный).

Ключевые слова: Кумалак, традиционные гадания, устная традиция, истоки и возникновение, гадательные тексты

Устной можно считать традицию гадания при отсутствии соответствующих письменных гадательных текстов или наставлений, относящихся к данному виду гадания. При наличии письменных текстов – таких, например, как «Ырк битиг» (древне-тюркская «Книга предсказаний») [Ырк битиг 2004] или «Felekler kitabı» [Felekler kitabı б. д.] (*араб.* «Kitab al-Eflak») устная передача тоже не исключается.

В раскладе *кумалаков* (бобов, камушков, кизилых косточек и др.) в качестве основы можно выделить комбинации из 4-х *кумалаков* по три. Всего набирается 64 таких гадательных символа. В «Ырк битиг», где эти символы определяются путем бросания кости, они изображены в виде кружочков. Таким образом, основа гадания в обоих случаях одна и та же, и можно полагать, что и казахское «Зеркало судьбы» (*Құмалақ*) пришло из Пещеры Тысячи будд близ Дуньхуана. Влияние китайской «Книги Перемен» на «Ырк битиг» весьма ощутимо. Перебирание *кумалаков* в казахском гадании (а также, вероятно, и в родственном ему тувинском гадании *Хуваанак*) производится совершенно так же, как перебирание и откладывание стеблей тысячелистника при построении гадательных символов (*гуа*) «Книги Перемен» [И цзин 1998: 210–213].

Кумалаки раскладываются по девяти клеткам квадратной решетки (*тор*), которая также идет из китайской древности. Это были овечьими легендами «Письмена с реки “Ло”» («*Ло шу*»). И хорошо известны числа от 1 до 9, суммирование которых в строках, столбиках и по диагоналям квадрата дает одинаковое число – 15. «Письмена с реки “Ло”», так же как и «Чертеж с Желтой реки», записывались белыми и черными кружочками. Вряд ли следует сомневаться, что при гадании эти символы-числа выкладывались из белых и черных камешков. Это китайская традиция. В Индии, Тибете и на Ближнем Востоке употреблялись буквенные символы. Они же наносились на гадательные кости.

Удивительно описание гадания по цвету камней, которое мы встретили на сайте Proza.ru: «Это гадание на тайные мысли предмета чувств Вопрошающего. ... Вам потребуются камни 7 различных оттенков: темный (черный), светлый (белый), коричневый, желтый, красный, синий, зеленый». Здесь перечислены цвета клеток упомянутого выше магического квадрата в соответствии с тибетской буддийской традицией Калачакры. Темный цвет у верхней правой клетки с цифрой 2; три белых – клетки нижнего ряда с числами 8 1 6; в коричневый цвет окрашивается средняя клетка с цифрой 9 в верхнем ряду; желтая с цифрой 5 находится в центре квадрата; красный – цвет правой клетки с цифрой 6 среднего ряда; синей будет левая в среднем ряду клетка с цифрой 3; и зеленая клетка с цифрой 4 – левая сверху.

Значения каждой такой позиции приведены в астрологическом трактате регента V и VI Далай лам Дэси Сангье Гьамцо «Вайдурья карпо» («Белый лазурик») [Vaidur karmo 2001: 92]:

Клетки с числами	Стихия	Стороны света	Божество	Положение	Животное в год рождения
Белая 1	железо	Север	<i>дэва</i> ¹	дети	мышь, лошадь, птица, заяц
Черная 2	вода	Юго-Запад	<i>тишачи</i> ²	взрослые	тигр, обезьяна, свинья, змея
Синяя 3	вода	Восток	демоница	немошные	бык, овца, собака, дракон
Зеленая 4	дерево	Юго-Восток	<i>нага</i> ³	вдовы	мышь, лошадь, птица, заяц
Желтая 5	земля	Центр	<i>садаг</i> ⁴	буддийские монахи	тигр, обезьяна, свинья, змея
Белая 6	железо	Северо-Запад	<i>раджа</i> ⁵	бонские жрецы	бык, овца, собака, дракон
Красная 7	огонь	Запад	<i>бцан</i> ⁶	женщины	мышь, лошадь, птица, заяц
Белая 8	железо	Северо-Восток	божество местности	министры	тигр, обезьяна, свинья, змея
Красная 9	огонь	Юг	Ума	цари	бык, овца, собака, дракон

В казахской традиции значения мест (справа налево, сверху вниз) будут 1. правый висок; 2. лоб, чело (*маңдай*); 3. левый висок; 4. правая почка (*оң бүйрек*); 5. сердце (*жүрек*); 6. левая почка (*сол бүйрек*); 7. правый косяк (*оң босаға*); 8. подхвостник лошади (*құйысқан*); 9. левый косяк (*сол босаға*).

¹ Божество.

² Демоны.

³ Змеевидное мифическое существо, обитающее в подводном мире.

⁴ Досл. 'хозяин местности'.

⁵ Царь.

⁶ Злой демон.

Эти обозначения, относящиеся к фигуре всадника, проецируемой на решетку, вполне соответствуют аналогичным частям тела обращенной к нам животом и держащей такой же квадрат черепахи, изображаемой на тибетских астрологических свитках. Так что 8-й клетке, где в казахском гадании видится подхвостник лошади (*құйысқан*), в ламской астрологии соответствует хвост черепахи. Преемственность здесь несомненна.

Құмалақ близок к закреплению в письменном тексте. В 1999 г. появилась книга французского автора Дидье Блау «Кумалак – Зерцало Судьбы» [Кумалак 2002] (Didier Blau. Kumalak – le miroir de la destinée. Éd. Dangles, Saint-Jean-de-Braye). Безукоризненное описание на основе устной передачи Гули Садыковой (Алма-Ата), хранящей в свою очередь записи ее мамы и бабушки о гаданиях, и, очевидно, их устные пояснения. Ценнейший, судя по книге Дидье Блау, источник сведений о казахском традиционном гадании и, несомненно, о языке гаданий. На французский язык автору книги объяснения переводили, видимо, с русского Гулия (учительница французского в одной из алма-атинских школ) и, вероятно, Айгул Каспанова, пресс-атташе при французском посольстве. Трудно судить, были ли записи в маминой тетрадке у Гулии на русском языке или на казахском. Система очень стройная. К сожалению, к французскому переводу или переложению (адаптации, как пишет автор) не приложен указатель оригинальных казахских терминов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

(Толкование кумалаков в книге Дидье Блау).

1 1 3 Ясность мыслей, великодушие, открытость к окружающему, к людям. Действия целенаправлены. Есть вера в то, что планы осуществляются. Преимущества – нескованность в движении, воодушевленность, дух инициативы [Кумалак 2002: 25].

3 1 1 Настроенность на все положительное, значительное, возвышенное. Вера в себя позволяет находить выходы, влиять на обстоятельства, вовлекать окружающих. Не страшны ни трудности, ни соперники. Выбранный вами путь соответствует вашим сокровенным желаниям.

2 1 2 Потребность делиться. Любовь, нежность, доброта важнее всего. Поиски семейного счастья, гармонии чувств. Если гадаете о детях, желание исполнится.

4 1 4 Похоже, вы обеспокоены, разочарованы. Вы недовольны собой либо испытываете сомнение в ценности того, к чему стремились. Все же вы сознаете, что вы на верном пути.

1 2 2 Дела идут не так, как вы бы хотели, или вы зависите от кого-то или от обстоятельств. В настоящий момент у вас нет ключей к решению проблемы.

3 2 4 Вы расстроены, в унынии, даже в тревоге или в страдании. Даже не очень хорошо понимаете, что делать, куда отправиться, к кому обратиться.

2 2 1 На первый взгляд кажется, что вы полны серьезных намерений, полны, скорей, оптимизма, но в действительности нет ясности ума, мысли беспорядочны, или же вы не подумали о подводных камнях, которые могли оказаться на вашем пути.

4 2 3 Внешне вы выглядите веселым и довольным, но внутренне вы в стеснении. Одно видно не вооруженным глазом: либо кто-то вас обманывает, либо вы не уверены в себе.

1 3 1 Вы целеустремленны, воодушевлены, полны оптимизма. Ясность мысли, цели определены. Этот положительный настрой позволяет вам придать конкретную форму вашим желаниям.

3 3 3 Три звезды. Способность устранять препятствия, с блеском добиваться успеха, проторять путь, соответствующий вашим сокровенным желаниям. Три эти звезды охраняют вас. Далее уже нет необходимости испрашивать Кумалак! Все будет очень хорошо, лучше даже, чем вы можете предполагать.

2 3 4 Страх, что ваши действия неудачны, что вы оказываетесь не на высоте, на вашу долю выпадают страдания, вас обидели. Но, хотя в настоящий момент обстоятельства складываются не в вашу пользу, вы знаете, что находитесь на правильном пути.

4 3 2 Что-то вам докучает, вы гневаетесь на кого-то, или опять препятствия мешают вам на пути. При этом вы знаете, что идете в нужном направлении, но остальные или кто-то из них пребывают в замешательстве, что отражается на вас.

1 4 4 Ваш ум в смятении, вы задаете себе бесконечные вопросы, на которые не находите ответа, либо препятствие вам кажется непреодолимым. Какой-то груз гнетет вас. Вы потеряли ориентиры, либо из-за долгов вам пришлось чем-то поступиться. Те (или тот), кто мог бы прийти вам на помощь, находятся далеко, недоступны, или вы не можете им полностью доверять. Вы весьма зависимы от других.

3 4 2 Вы не чувствуете себя свободно в существующих обстоятельствах, не уверены, что будет результат от предпринимаемых вами действий, как и в своих желаниях. Ваши мысли не встречают понимания, или окружающие не поддаются влиянию. Вы не видите, каким образом ваши мечты могут осуществиться, и это приводит вас в уныние.

2 4 3 У вас есть все, чтобы быть счастливым, но чего-то или кого-то вам не хватает. Вас дергают: то притягивают, то отталкивают. Вы чувствуете потребность в действии, в движении, отправились бы в путешествие, на поиски новых впечатлений, но какая-то тяжесть мешает вам, обстоятельства, похоже, сковывают вас, либо на поверхность выходит старая проблема.

4 4 1 Противоречивая ситуация. Внешне кажется – достаточно в вас силы, и есть стимулы к продвижению. Но внутренне какой-то вопрос мучает вас, и вы чувствуете, что ваши желания не смогут скоро исполниться. В данных обстоятельствах вы не можете на кого-либо рассчитывать. По существу, вы не знаете, что другие (или кто-то другой) ждут от вас. Под кажущимся безразличием и уверенностью вы прячете определенный страх перед будущим [с. 40].

Второй ряд. Настоящее время.

1 1 2 Ситуация скорей положительная, ибо ваше сердце чисто, ваша интуиция подсказывает вам, что вы на верном пути. Но у вас нет пока преимуществ, весо-мости или убежденности. В настоящий момент отношения, в которые вы вступаете с другими или другим, не в вашу пользу [Кумалак 2002: 42].

3 1 4 У вас много преимуществ, и вы в душе полны добрых намерений. Другие готовы следовать за вами, помогать вам, полагаться на вас. Со своей стороны вы готовы щедро одаривать. У вас есть средства и душевные силы исправить положение вещей, войти в новый союз или укрепить тот, который уже существует. Ваша интуиция подсказывает вам, что вы на верном пути.

2 1 1 В данный момент вы не в состоянии начать действовать или выбрать в каком направлении делать это, ибо вы зависите от других. Работа не окончена, соотношение сил неустойчиво.

4 1 3 В отношениях с другими вы чувствуете определенный комплекс неполноценности, у вас недостаточно уверенности в себе, но у вас есть все возможности восполнить эти пробелы.

1 2 1 Обстоятельства не в вашу пользу, тяжесть лежит на сердце. Если вы не воспрянете духом, рискуете еще больше запутаться. Да, да: отсутствие спокойствия плохой советчик.

3 2 3 Вы хотите сбалансировать отношения, прийти к гармонии, но чувствуете некоторую нервозность, определенную напряженность. Ваше положение хрупко, ибо вы не уверены в себе. Прежде всего вам следует обрести уверенность.

2 2 4 Вам не очень понятно, куда вы движетесь, как вам себя держать, при том что и другие – или другой – находятся примерно в таком же положении. Сил у вас достаточно, но в данный момент не удастся их приложить.

4 2 2 Вас охватывает сомнение, вы волнуетесь, терзаетесь, тревожитесь, и это отражается на ваших связях. Те, кто вас окружает, пользуются своей властью, чтобы раздавить вас и затем использовать. Вы пока не в состоянии принять решение. В отношении здоровья есть серьезный риск накопления усталости, переутомления или депрессии. Не раздумывая, посоветуйтесь с врачом.

1 3 4 В глубине души вы чувствуете радость, избыток сил. У вас есть все преимущества, чтобы направить ситуацию в положительное русло. Достаточно физических и моральных сил. Ваше сердце открыто для окружающих, и вы чувствуете, что способны выдержать новые испытания.

3 3 2 Вы испытываете чувство неполноценности, зависите от других или другого. Эти обстоятельства, которые не в вашу пользу, могли бы вас удручить, но этого не происходит, поскольку вы на верном пути.

2 3 3 Сильные и слабые стороны: Вы чувствуете, что способны преодолеть препятствия, а у ваших соперников нет такого же шанса. Чаша весов качнулась в вашу пользу.

4 3 1 Нельзя сказать, что вы самостоятельны, способны принимать решения и предпринимать действия, ибо вы находитесь почти в полной зависимости от других или от другого. У вас пока недостаточно сил, чтобы изменить положение вещей в свою пользу. Но вам удастся сохранять спокойствие.

1 4 3 Похоже, вас обманывают, и грусть охватывает сердце; вопросы возникают без всякой последовательности; чувство, как будто вас заперли; вы не в состоянии справиться со своими переживаниями. Вы ошибочно оцениваете положение вещей.

3 4 1 Мысли путаются; страхи, сомнения, отчаяние охватывают вас. Вы чувствуете физическую усталость, переутомление. Вам трудно бороться, справлять-

ся с проблемами, взяв быка за рога. В данный момент вы безоружны в устранении препятствий, встающих на вашем пути.

2 4 2 Трудная, изобилующая конфликтами ситуация, напряженная эмоционально. Нет ясного видения обстоятельств и понимания людей. Внутренне вы чувствуете боль, тревогу, корите себя, кому-то завидуете. Кажется, все пропало; изматываете себя, пытаетесь решать одни и те же вопросы, возникающие без конца. Вы теперь не знаете, к кому и обратиться за помощью.

4 4 4 Масса идей, множество планов, желаний. В этой комбинации обилие возможностей и многозначность толкований. Вы чувствуете в себе силы, которые требуют выхода. Так что, откуда эта грусть?!

Третий ряд: Предсказание будущего и советы

1 1 2 Предсказание: Здесь импульсивность, страсть движет вами, но у вас недостаточно веса или стабильности, чтобы конкретизировать ситуацию. Вы в настоящее время парализованы обстоятельствами.

Что можно предпринять: Умерьте пыл, ждите более подходящего для действия момента и не расстраивайтесь, если ситуация не развивается в желаемом темпе [Кумалак 2002: 59].

2 1 1 В этой комбинации заложены действие и динамика. Можно, следовательно, отважиться на новые испытания. Благоприятно отправиться в путешествие, поменять место жительства, изменить прежние планы или приступить к осуществлению новых. Неблагоприятно оставаться в том же положении.

Что можно предпринять: Стремитесь к обретению свободы, независимости; не сидите дома, на одном и том же месте, но выходите или выезжайте. Лишь на новом месте, с новыми людьми или непредвиденным образом вы почувствуете желаемое удовлетворение.

3 1 4 Выпадение этой комбинации очень хороший знак. Здесь успех вашего предприятия, и он близок. Дело идет о денежных выгодах, о преуспевании, счастливой случайности, благополучии. Не вы отправляетесь на поиски, хорошие новости идут к вам. Для мужчины тут знак надежного союза, семейного счастья или женитьбы.

Что следует предпринять: Не замыкайтесь, покажите гостеприимство, ибо вас ожидает встреча.

4 1 3 Если выпадет эта комбинация, очень хороший знак. Но успех вашего предприятия достигается в движении. Вы уедете, будете где-то искать то, чего вам не хватает. Ожидание благоприятных перемен и исполнения желаний [Кумалак: 62]⁷.

⁷ Ср. вариант: «Изменение ситуации в лучшую сторону при условии сдерживания эмоций. В действительности, сохраняется еще внутреннее напряжение, которое необходимо снять, нужно разобраться с самим собой.

Что можно предпринять: Держитесь как можно проще, будьте открытым для восприятия новых идей. Это привлечет людей к вам. Поймите, что в вашем положении окончательное решение не зависит от вас» – http://www.iza-voyance.com/pratiques_divinatoires_dans_le_monde/voyance_kumalak_figures3.htm.

1 2 1 Выпадение этой комбинации не слишком хороший знак. Будут трудности, разногласия, одиночество или необходимость уединения.

Что можно предпринять: Посмотрите, что в ваших планах не согласуется с действительностью.

2 2 4 Предсказание: В этой комбинации положительный ответ на ваш вопрос, но не следует проявлять слишком явное нетерпение, совершать поспешные действия или ждать помощи извне.

Что можно предпринять: Вы на верном пути, но не во всем еще найдено решение. Необходимо к тому же постоянство в продвижении, приложение усилий и отказ от рассчитывания на чью-либо помощь.

3 2 3 Предсказание: В этой комбинации выявляются точки разногласия, напряжения, трудности в отношениях с другими (или с другим). Речь идет о борьбе за власть, противостоянии, столкновении или разрыве.

Что следует предпринять: Вам необходимо выбрать другой путь, другой образ действия. Не медлите с изменением направления, настроя или принятием решения, даже если покажется, что это трудно сделать.

3 2 2 Предсказание: Изменение ситуации в лучшую сторону при условии сдерживания эмоций. В действительности, сохраняется еще внутреннее напряжение, которое необходимо снять, нужно разобраться с самим собой.

Что можно предпринять: Держитесь как можно проще, будьте открытым для восприятия новых идей. Это привлечет людей к вам. Поймите, что в вашем положении окончательное решение не зависит от вас.

1 3 4 Предсказание: Эта комбинация очень хороший знак! Не нужно беспокоиться, ваша ситуация определенно улучшится.

Что следует предпринять: Можно не сомневаться. Не ищите счастья, которое рядом с вами, где-то еще. У вас теперь есть все возможности, чтобы жить лучше.

2 3 3 Предсказание: В этой комбинации заложена изменчивость, метаморфозы. Она указывает скорей на перемену внутреннего настроения, чем на что-то конкретно материальное.

Что можно предпринять: Ускорьте темп, не старайтесь выиграть путем ослабления других и не пытайтесь что-либо осуществить во что бы то ни стало. Ваша ситуация изменится в лучшую сторону неожиданным образом.

3 3 2 Проблемы к разрешению, но еще не достигнуто равновесие, остается в зависимости. Вы стремитесь идти дальше, но что-то или кто-то препятствует вам.

Что можно предпринять: Ситуация становится более благоприятной, но не следует пока ничего торопить. Не пришло еще время действовать. Сохраняйте спокойствие.

4 3 1 Предсказание: Нужно быть готовым отправиться в путь. Успех придет благодаря помощи извне. Вам облегчат задачу.

Что следует предпринять: Предпримите что-либо, свяжитесь с кем-либо или отправьтесь в путешествие. Обменивайтесь мнениями. Вы обращаетесь к хорошим людям.

1 4 3 Выпадение этой комбинации очень хороший знак, ибо она обещает осуществление ваших планов, стабилизацию вашего положения, исполнение ваших желаний. Кто-то несет вам эти добрые вести.

Что можно предпринять: Продолжайте идти в том же направлении, ничего не форсируя. Дела идут к лучшему, и вы затем получите хорошие новости.

2 4 2 Эта комбинация предвещает одиночество, узы, ограничение свободы. Следует подождать, пока не спадет напряженность или пока ваши чувства не успокоятся. И тогда вы будете способны влиять на ситуацию.

Что можно предпринять: Вы зависите от других или условия не позволяют вам действовать. Вы не в состоянии продвинуться, и другие не могут прийти к вам на помощь. Не совершайте слишком поспешных действий, эти препятствия носят лишь временный характер. Вскоре эти ограничивающие факторы утратят влияние.

3 4 1 Ваши обстоятельства определенно изменятся к лучшему. В этой комбинации предсказание богатства, благополучия. Удача здесь, близко от вас или уже у вас. От некоего лица, уважаемого вами, и которое свяжется с вами, вы узнаете эти добрые вести.

Что следует предпринять: Не нужно совершать масштабных действий, переезжать. Не избегайте общения.

4 4 4 Вам выпала лучшая комбинация в кумалаке! Она предсказывает удачу, успех, доброе здоровье, счастье, выгодные поездки. Ваши мечты осуществимы, и они исполнятся. Вы талантливы, наделены всем необходимым во всех ваших начинаниях. Вы щедры и полны творческих замыслов.

Гадательный текст на французском языке адресован непосредственно к обращающемуся. Текст источника, очевидно, был гораздо лаконичней. К примеру, «vous suivez le bon chemin (вы на верном пути)», вероятно, передавало «дұрыс жолда болу» или даже «ақ жол». Очевидно, оригинальные гадательные термины и суждения переводились на французский язык описательно. Видимо, поэтому на титульном листе автор публикации указывает под заглавием, что описание традиционной системы гадания в ней является адаптацией.

Ниже приводим список вероятных терминов, содержащихся, мы полагаем, в тексте источника:

беспокойство (волнение, тревога) – *аландау; абыржу*
 верный – *дал, дұрыс*
 вести – *хабар*
 выгода – *олжа; пайда*
 выигрыш – *ұтыс*; быть в выигрыше – *ұтыста қалу*
 выход (из положения) – *құтылу амалы; құтылу жолы*
 дела – *жұмыс*
 дети – *балалар*
 желания, исполнение желания – *тілектің орындалуы*
 женитьба – *үйлену*
 заблуждаться – *алжасу*
 зависть – *қызғаныш*
 замешательство – *абыржу*
 замкнутость – *тұйықтық*

- замкнутость характера – *тұйық мінезділік*
 затруднения – *бөгет; кедергі*; быть (находиться) в затруднении – *қиын халде болу*
 знакомство – *таныс болушылық; таныстық*
 интересы – *мүдделері*
 медлить – *кешіктіру; шабандау*
 место – *жер; орын*; новые места – *жаңа орындар*
 надежда – *үміт*; питать надежду – *үміт ету*
 потерять надежду – *күдер ұзу; үміт ұзу*
 намерение – *ниет*; твердое намерение – *берік ниет*
 новости – *жаңалық*
 обман – *алдау*; ввести в обман – *алдауға түсіру*
 обстоятельство, ситуация – *жағдай*; *қиын жағдай* – затруднительное положение; *қолайлы жағдай* – благоприятная ситуация
- одинокость, уединение – *жалғыздық*
 открытость – *ашықтық*
 переезд – *көшу*; переезд на новую квартиру – *жаңа пәтерге көшу*
 перемены – *алмасу; өзгерту*; перемена места – *орнын өзгерту; орын ауыстыру*
 пересуды – *ғайбаттау; даттау; өсек-аяң*
 поиски – *қарау; іздеу*; искать счастье – *бақыт жолында болу*
 помощь – *көмек*; получить помощь – *көмек алу*; помощь извне – *сырттан көмек*
 потери – *шығындар; жоғалу*
 препятствия – *кедергі*; чинить препятствия – *кедергі келтіру*
 прибыль – *кіріс; пайда; түсім*
 промедление – *баяулау; кешігу*
 пустые хлопоты – *әурелік; далбаса; далбасалық*
 путешествие – *саяхат*
 путь – *жол*; направление, маршрут – *бағыт*; сбиться с пути (заблудиться) – *жолдан адасу*
- раздумье (колебание) – *екі ойлы болу*
 разочарование – *түңілу*
 решимость – *батылдық*; проявить решимость – *батылдық көрсету*
 решительность – *табандылық; батылдық*
 свадьба – *той*
 смущение – *абыржу; қымысыну; қысылу*
 смятение (чувств) – *сезім толғанысы*
 соперничество – *бәсеке; бәсекелестік; бақталыстық*
 сплетни – *өсек*
 счастье: быть счастливым – *құтты болу*; счастливая звезда – *жұлдызы оңынан туған*
 счастливый путь – *ақ жол*
 удача – *бақ; құт; сәт*
 убытки – *залал*

уныние – *сары уайым*

хлопоты – *алек; әрекет; әуре; қам*

цель (*перен.*) – *мақсат; мүдде; мұрат; достигнуть цели – мақсатқа жету*

Литература

- И цзин 1998 – *И цзин*. «Книга Перемен» и ее канонические комментарии / Перев. с кит., предисл. и примеч. В.М. Яковлева. М., Янус-К., 1998.
- Кумалак 2002 – *Didier Blau*. Kumalak – le miroir de la destinée. Éd. Dangles, Saint-Jean-de-Braye, 2002.
- Маркус 2006 – *Маркус С.В.* Тува. Словарь культуры. М. Академический Проект, Трикста. – 2006.
- Ольшлэгель 2005 – *Anett C. Oelschlägel*: Deutung und Wahrheit. Zwei Divinationspraktiken bei den Tuva im Süden Sibiriens: в кн.: „Roter Altai, gib Dein Echo!“ Festschrift für Erika Taube zum 65. Geburtstag. – Leipzig, 2005.
- Ольшлэгель 2005 – *Oelschlägel, Anette K.* Тувинское гадание «хуваанак» – вопросы к природе (Das tuvanische Orakel „chuvanaanak“ – Fragen an die Natur.). – Музей в XXI веке: проблемы и перспективы. Материалы международной научно-практической конференции г. Кызыл, 21–24 сентября 2005 г. Ч. II. – Кызыл, 2005.
- Ырк битиг 2004 – Ырк битиг: Древнетюркская гадательная книга / Пер., предисл., примеч. и словарь В.М. Яковлева. – Бюллетень Общества востоковедов. Прилож. 4. – М., ИВ РАН, 2004.
- Яковлев 2011 – *Яковлев В.М.* Об упорядоченности Четырех Качеств (*сы дә*) в «Книге Перемен». – Общество и государство в Китае: XLI научная конференция / Ин-т востоковедения РАН. – М.: «Восточная литература», 2011.
- Яковлев 2016 – *Яковлев В.М.* Мотивы гаданий в сказаниях о Манасе. – Вопросы тюркской филологии. Материалы Дмитриевских чтений. – Вып. XI. – М., 2016.
- Vaidur karmo 2001 – Tibetan Elemental Divination Paintings. From *The White Berill of Sangs-rgyas Rgya-mtsho*. – London, 2001.
- Felekler kitabı б. д. – Muhammed Nur'ül Arabî ve Felekler Kitabı // http://www.sufizmveinsan.com/astroloji/htm/muhammed_nur.htm

Құмалақ ашу – oral tradition of divination and its probable sources

Victor Yakovlev,
Moscow

Summary: Tradition of divination, which is alive, but where written texts about divination are absent or not preserved, may be considered an oral one. Kazakh *Kumalak* divination, as well as Tuvinian *Huwanak* represent this kind of divination. Nevertheless, *Kumalak* seems to be quite near to the creation of a written text. Its presentation in one of the European languages (French in our case) demonstrates such a possibility. It is clear that the book titled «Kumalak. Le Miroir de la Destinée» had a source (though unpublished) in the language of its origin.

Keywords: Kumalak, traditional divination, oral tradition, source and origin, divination texts

Сведения об авторе

Яковлев Виктор Михайлович – член Ассоциации востоковедов РАН, кандидат философских наук, Москва; e-mail: vm.yakovlev1@gmail.com

ПРОТОКОЛ

пленарного заседания Годичного собрания Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН совместно с редколлекцией и редсоветом журнала «Российская тюркология», а также представителями других тюркологических организаций России

Москва, 3–4 февраля 2017 г.

Присутствовали: члены бюро РКТ: *Кормушин И.В.* – председатель РКТ, Институт языкознания РАН, д.ф.н., проф.; *Насилов Д.М.* – заместитель председателя РКТ, Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, д.ф.н., проф.; *Дыбо А.В.* – заместитель председателя РКТ, Институт языкознания РАН, чл.-корр. РАН, д.ф.н., проф.; *Экба З.Н.* – ученый секретарь РКТ, Институт языкознания РАН, к.ф.н.; члены РКТ: *Алишина Х.Ч.* – Центр тюркологии Тюменского государственного университета, д.ф.н., проф.; *Бавуу-Сюрюн М.В.* – Тывинский государственный университет, к.ф.н., проф.; *Добродомов И.Г.* – МГПУ, д.ф.н., проф.; *Кызласов И.Л.* – Институт археологии РАН, д.и.н., проф.; *Мудрак О.А.* – РГГУ, д.ф.н., проф.; *Мусаев К.М.* – Институт языкознания РАН, д.ф.н., проф.; *Невская И.А.* – Институт филологии СО РАН / университет г. Франкфурт, Германия, д.ф.н., проф.; *Рассадин В.И.* – Калмыцкий государственный университет, д.ф.н., проф.; *Телицин Н.Н.* – Восточный факультет СПбГУ, к.ф.н.; *Тугужекова В.Н.* – ХАКНИЯЛИ, д.и.н., проф.; *Функ Д.А.* – МГУ имени М.В. Ломоносова, д.и.н., проф.; *Хаджиева Т.М.* – Институт мировой литературы им. М. Горького РАН, к.ф.н., проф.; *Хисамитдинова Ф.Г.* – Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, д.ф.н., проф.; *Шенцова И.В.* – Новокузнецкий филиал КемГУ, д.ф.н.; приглашенные: *Деревянко К.С.* – директор издательства «Словари XXI века»; *Есипова А.В.* – Новокузнецкий филиал КемГУ, д.ф.н.; *Костякова Л.В.* – член союза писателей РФ, к.п.н.; *Кочикаева З.К.* – Дагестанский гос. университет, к.ф.н.; *Легусина У.* – Институт языкознания РАН, аспирантка; *Оганова Е.А.* – Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, к.ф.н.; *Озонова А.А.* – к.ф.н., Институт филологии СО РАН; *Меметов А.М.* – Крымский федеральный университет им. Вернадского, д.ф.н., проф.; *Пустогачева О.Н.* – издательство «Словари XXI века», к.п.н.; *Селендили Л.С.* – Крымский федеральный университет им. Вернадского, д.ф.н.; *Трофимова С.М.* – Калмыцкий государственный университет, д.ф.н., проф.; *Усманова М.Г.* – БГПУ им. М. Акмуллы, д.ф.н., проф.; *Хаджиев Р.А.* – соискатель.

Заседание открыл председатель РКТ И.В. Кормушин. Была принята следующая повестка дня:

1. Научные и отчетные доклады.
2. Организационные вопросы.
  - 2.1. О работе редколлегии журнала «Российская тюркология».
  - 2.2. Об избрании новых членов РКТ.
  - 2.3. О представлении членов комитета к государственным наградам.

ПРОГРАММА

3 февраля, пятница.
Утреннее заседание (11.00 – 14.00)

Научная сессия.

Регламент 15 минут

Тугужекова В.Н., д.и.н., проф., Хакасия

Некоторые результаты в изучении хакасского этноса: достижения и проблемы

Алишина Х.Ч., д.ф.н., проф., Тюмень

Исторический ономастикон сибирских татар

Телицин Н.Н., к.ф.н., Санкт-Петербург

О кафедре тюркской филологии СПбГУ

Селендили Л.С., д.ф.н., Крым

Развитие крымскотатарской филологии на современном этапе

Невская И.А., д.ф.н., проф., Германия

Взаимодействие тюркских языков и культур в постсоветском Казахстане

Бавуу-Сюрюн М.В., д.ф.н., проф., Тува

Информационные технологии в исследованиях по тувинской филологии

Рассадин В.И., д.ф.н., проф., **Трофимова С.М.**, д.ф.н., проф., Элиста

О работе Научного центра монголоведных и алтаистических исследований Калмыцкого госуниверситета за прошедший период

Хисамитдинова Ф.Г., д.ф.н., проф., Уфа

Об этимологическом словаре башкирского языка

Хаджиева Т.М., к.ф.н., Москва

Карачаево-балкарские материалы из архивов А.Н. Генко и А.К. Боровкова

Шенцова И.В., д.ф.н., Новокузнецк

«О целесообразности накопления электронных версий научных изданий по тюркским языкам на сайте Комитета тюркологов в виде “Bibliotheca Turcicae”».

Хаджиев Р.А., соискатель, Карачаевск

Арабо-персидские заимствования в тюркских языках

3 февраля, пятница.

Вечернее заседание (15.00 – 18.00)

Организационные вопросы

Выступления Председателя РКТ И.В. Кормушина и заместителя Председателя РКТ Д.М. Насилова.

Обсуждение вопросов состава РКТ и редколлегии журнала «Российская тюркология».

4 февраля, суббота.

Утреннее заседание (11.00 – 14.00)

Научная сессия

Кормушин И.В., д.ф.н., проф., Москва

О некоторых особенностях отражения языка Кашигари в арабско-тюркском письме Дивана

Кызласов И.Л., д.и.н., проф., Москва

Эпиграфические памятники Азии в связи с опытом прочтения рунических письмен Европы

Меметов А.М., д.ф.н., проф., Крым

*Лингвистические и экстралингвистические сведения о древних племенах и народах Северного Причерноморья
Вопросы и обсуждения*

4 февраля, суббота.

Вечернее заседание (15.00 – 18.00)

Есипова А.В., д.ф.н., Новокузнецк

Изучение шорского языка в НСО «Лингва» Новокузнецкого филиала-института Кемеровского государственного университета

Усманова М.Г., д.ф.н., проф., Уфа

Отражение особенностей башкирского языка в средствах выражения категории времени изъявительного наклонения

Озорова А.А., Тюнтешева Е.В. ИФЛ СО РАН, Новосибирск

К вопросу о создании диалектного словаря (на материале чалканского диалекта алтайского языка)

Тезисы докладов и сообщений

Тугужекова В.Н.

«Некоторые результаты в изучении хакасского этноса: достижения и проблемы»

Особое место в научных исследованиях института занимает изучение хакасского этноса по следующим направлениям:

1. Хакасский язык.
2. Адаптация народов Сибири в условиях современных реформ на рубеже XX–XXI вв.
3. Хакасская семья в начале XXI в.
4. Межнациональные и этноконфессиональные отношения.
5. Проблемы асоциального поведения в молодежной среде титульного этноса.

В настоящее время процесс межнациональной интеграции, наиболее характерный для хакасов, в некоторых областях культуры стал перерастать в ассимиляционный. Однако следует иметь в виду, что если в одних областях жизни и культуры ассимиляционные процессы в последнее время проявили себя вполне определенно, то в других сохраняется устойчивость традиционных форм культуры, а в некоторых – наблюдаются тенденции возрождения, то есть этнические процессы у хакасов идут не прямолинейно, а составляют довольно сложную конфигурацию.

Алишина Х.Ч.

«Исторический ономастикон сибирских татар»

Презентация новой монографии, в которой публикуются результаты многолетнего историко-лингвистического исследования ономастикона сибирских татар юга Тюменской области. Автор исследует проблемы семантики, словообразования, грамматики омонимов через сопоставление явлений в разносистемных языках на общем тюркском фоне, выявляет типологические сходства и различия, обусловленные многими лингвистическими и экстралингвистическими факторами. Ряд актуальных проблем топонимики Западной Сибири впервые решается с учетом данных археологии, этнографии, диалектологии. Анализируются памятники средневековой татарской и русской письменности, реконструируется татарская ойконимическая система. В научный оборот вводится большое количе-

ство новых архивных материалов, топонимов, микротопонимов и антропонимов. Монография стала лауреатом регионального конкурса «Книга года-2016» в номинации «Лучшая научная книга».

Телицин Н.Н.

«О кафедре тюркской филологии СПбГУ»

Презентация сборника «Актуальные вопросы тюркологических исследований», изданного по результатам научной конференции, посвященной 180-летию кафедры в 2015 г. Отчет о «31 Кононовских чтениях», проведенной в рамках конференции «Письменное наследие народов Востока». Анонс предстоящих в 2017 г. конференций – «19-е Ивановские чтения» и «32-е Кононовские чтения».

Селендили Л.С.

«Развитие крымскотатарской филологии на современном этапе»

В докладе в ознакомительном аспекте раскрываются основные вопросы крымскотатарского языкознания и литературоведения, изученные до 2017 г. Автор приводит библиографическую и научно-теоретическую информацию о проблематике состоявшихся и перспективных исследований на современном этапе развития крымскотатарской филологии.

Невская И.А.

«Взаимодействие тюркских языков и культур в постсоветском Казахстане»

Докладчик знакомит с результатами более 10 экспедиций, проведенных научными сотрудниками и преподавателями Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Астана), с привлечением студентов трех вузов Казахстана. В процессе экспедиций был проведен социо-лингвистический опрос представителей всех тюркских народов Казахстана, в том числе караимов, долганцев, шорцев, турок-месхетинцев и др. Носителям языков была предложена анкета, содержащая более 120 вопросов. Результаты экспедиций находятся в стадии обработки материала.

Рассадин В.И.

«О работе Научного центра монголоведных и алтаистических исследований Калмыцкого госуниверситета за прошедший период»

Докладчик подробно остановился на исследованиях по тофаларскому языку. Это малочисленный этнос, не имеющий ни территории, ни административного образования. В виду обособленного образа жизни его носителей, язык практически не изменился за последние 100 лет. Автором на базе русского алфавита и 9 дополнительных знаков был создан алфавит тофаларского языка, написан учебник, подготовлены педагогические кадры. Огромным достижением можно считать тот факт, что течение последних 20 лет этот язык преподается в школах

и даже детских садах. В.И. Рассадиным были изданы монографии по другим тюркским языкам: «Турецко-месхетинско-русский словарь», «Сойотско-бурятско-русский словарь», «Язык сойотов Бурятии», «Тофаларский язык и его место в системе тюркских языков». В данное время автор работает над проблемой «Взаимодействие тюркских и монгольских языков». При поддержке гранта будет издан словарь тюркско-монгольских соответствий.

Хисамитдинова Ф.Г.

«Об этимологическом словаре башкирского языка»

В докладе сообщалось о завершении научным коллективом института работы над 10-томным «Академическим словарем Башкирского языка», недавно вышел из печати 8-й том. Ранее под руководством Т.М. Гарипова был разработан историко-этимологический словарь башкирского языка, который ляжет в основу нового этимологического словаря. Базовые материалы имеются не только для башкирского, но и для чувашского, татарского, якутского и др. тюркских языков. Особое внимание уделяется башкирским диалектам. На сегодня имеются 4 тома Диалектного словаря и Атлас. Учитывая, что в башкирском языке есть и общеалтайский пласт, и общетюркские, кыпчакские и огузские элементы, предварительно должна быть разработана методология составления этимологического словаря.

Хаджиева Т.М.

«Карачаево-балкарские материалы из архивов А.Н. Генко и А.К. Боровкова»

Доклад посвящен изучению фольклора народов Северного Кавказа и Дагестана в дореволюционных публикациях. В архиве А.Н. Генко в Санкт-Петербурге была найдена рукопись Чурсина, посвященная карачаевцам. Особый интерес представляет ее фольклорно-этнографическая часть, которая требует дальнейшего изучения и публикации. Автор также рассказала о научных экспедициях на Северный Кавказ 1929–1931 гг. под руководством акад. Марра, результатом которых стал обширный материал по фольклору и этнографии народов Кавказа – песни, пословицы и поговорки, загадки, нартский эпос.

Шенцова И.В.

«О целесообразности накопления электронных версий научных изданий по тюркским языкам на сайте Комитета тюркологов в виде “Bibliotheca Turcicae”».

Электронная библиотека сделает доступными материалы для широко круга исследователей. Электронные версии изданных монографий, сборников, энциклопедий, словарей могут присылать авторы. Эти материалы должны быть защищены системой «Антиплагиат».

Финансирование сайта может осуществляться за счёт подписки пользователями.

Есипова А.В.

Изучение шорского языка в НСО «Лингва» Новокузнецкого филиала-института Кемеровского государственного университета

В докладе говорится о становлении и современном состоянии тюркологических исследований, а также о подготовке учителей шорского языка и литературы в Новокузнецком филиале (институте) Кемеровского государственного университета (ранее НГПИ, позднее КузГПА). Здесь затрагивается проблема исчезновения Новокузнецкого тюркологического центра, в котором активно изучались тюркские языки Южной и Западной Сибири: язык томских татар, шорский, телеутский и др. Ученики профессоров А.П. Дульзовна, Е.И. Убрятовой, В.М. Надеяева и М.И. Черемисиной проводили экспериментальные и сравнительно-сопоставительные исследования в области фонетики, лексики, словообразования, морфологии, синтаксиса и других разделов языкознания, используя лингвистические данные названных языков. В настоящее время в области тюркологии в вузе работают только два специалиста. Автор освещает также проблему дальнейшего существования национального образования шорцев в школе и вузе. Названные проблемы являются следствием реформы образования в РФ.

Усманова М.Г.

«Отражение особенностей башкирского языка в средствах выражения категории времени изъявительного наклонения»

Как известно, грамматическая категория времени свойственна лишь изъявительному наклонению. Категориальным значением изъявительного наклонения является сообщение о реальных, достоверных действиях, относящихся к настоящему, будущему или прошедшему времени. В башкирском языкознании существует мнение, что только прошедшее и будущее времена изъявительного наклонения имеют определенные (-сак) и неопределенные формы (-ыр), а какое понятие передает аффикс настоящего времени -а (/ -э, -й) – ничего не говорится. Это языковая картина, написанная учеными. Между тем, наши исследования значительный аффиксов глаголов и многочисленные примеры из художественной литературы, а также диалектные данные дают другую картину, и они совпадают с языковой картиной мира башкир, созданной самими башкирами. В частности, категория времени в башкирском языке реализуется различными языковыми средствами – совокупностью грамматических, лексических и комбинированных средств. Все времена (прошедшее, будущее и настоящее) изъявительного наклонения имеют определенные и неопределенные формы.

Озонава А.А., Тюттешева Е.В.

«К вопросу о создании диалектного словаря (на материале чалканского диалекта алтайского языка)»

В докладе сообщалось о работе сотрудников Сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН над чалканско-русским словарем, который является своего рода обобщением материалов, накопленных ими в ходе работы по документации этого диалекта с 2000 г. В настоящее время с начала 2000 г. изучение

языка и культуры чалканцев заметно активизировалось: появились новые работы по чалканской этнографии, фольклору и языкознанию, опубликованы сборники текстов, книги для чтения. Практически все выходящие издания используют разные варианты алфавитов, отличающиеся друг от друга набором специальных знаков, их графическим обликом. При составлении словаря стал вопрос об алфавите. Идеальным алфавитом принято считать алфавит, построенный по фонематическому принципу: количество букв соответствует количеству фонем языка. Новосибирскими тюркологами для языка чалканцев предлагается алфавит, созданный на фонико-фонематической основе: буквами обозначаются как фонемы, так и отдельные аллофоны фонем. Последнее необходимо для того, чтобы не привести к нарушению специфики чалканского произношения.

Тексты научных докладов Кормушина И.В., Кызласова И.Л., Меметова А.М. будут опубликованы в полном объеме в ближайших номерах журнала «Российская тюркология».

Постановили:

1. Об изменениях в составе РКТ.

Внести на рассмотрение Бюро ОИФН РАН следующие кадровые изменения в составе РКТ:

1.1. Ввести в бюро следующих членов комитета: Минуллин К.М. (Казань), Телицин Н.Н. (зам. председателя РКТ от Санкт-Петербурга), Хисамитдинова Ф.Г. (Уфа).

1.2. Ввести в комитет следующих новых членов от регионов: Алиева Т.К. (Карачаево-Черкессия), Галиуллин К.Р. (Татарстан), Гусейнов Г.А. (Дагестан), Дьячковский Ф.Н. (Якутия), Есипова А.В. (Новокузнецк), Замалетдинов Р.Р. (Татарстан), Кетенчиев М.Б. (Кабардино-Балкария), Киндикова Н.М. (Горный Алтай), Кузнецов А.В. (Чувашия), Кызласова И.Л. (Хакасия), Майзина А.Н. (Горный Алтай), Майнагашева Н.С. (Хакасия), Меметов А.М. (Крым), Муртазалиев А.М. (Дагестан), Насипов И.С. (Башкортостан), Оганова Е.А. (Москва), Озонова А.А. (Новосибирск), Псянчин Ю.В. (Башкортостан), Селендили Л.С. (Крым), Сиразитдинов З.А. (Башкортостан), Уртегешев Н.С. (Новосибирск), Харунова М. М.-Б. (Тува).

1.3. Вывести из комитета по причине смены профессиональной деятельности или ухода от активной работы следующих членов: Артемьев Н.М. (Санкт-Петербург), Батчаев А.-М.Х. (Карачаево-Черкессия), Глашев А.А. (Москва), Меликов Т.Д. (Москва), Чебодаева Л.И. (Хакасия).

2. О журнале «Российская тюркология».

2.1. Не принимать к рассмотрению статьи, требующие серьезной научной доработки, а также не соответствующие требованиям журнала с точки зрения оформления (ключевые слова, резюме на русском и английском языках и др.)

2.2 Ввести дополнительное требование к оформлению – подачу библиографии в транслитерации со второго полугодия 2017 г.

3. О представлении членов комитета к государственным наградам.

3.1. Обратиться с ходатайством к руководству Калмыцкого государственного университета для представления научных трудов директора Научного центра монголоведных и алтаистических исследований КГУ, д.ф.н., проф. Рассадина Валентина Ивановича на премию Президента РФ в области науки.

3.2. Обратиться с ходатайством в межведомственный совет по присуждению премии Правительства РФ в области образования за 2017 г. для предоставления премии декану факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврической Академии Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского, д.ф.н., проф. Меметову Айдеру Меметовичу за учебник для вузов «Земаневий кырымтатар тили» (Современный крымскотатарский язык) – Симферополь, 2016. – 320 с.

Протокол составлен и подготовлен к печати
Ученым секретарем РКТ к.ф.н. Эмба З.Н

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

БЮРО

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

5 апреля 2017 г.

№ 15

Москва

О составе Российского
комитета тюркологов

Бюро Отделения историко-филологических наук РАН
ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Вывести из состава Российского комитета тюркологов докторов филологических наук Алексеева Н.А., Благову Г.Ф., Галяутдинова И.Г., Ганиева Ф.А., Грунину Э.А., Зайнуллина М.В., Усманова М.А., Щека Ю.В. и кандидата исторических наук Кляшторного С.Г. в связи с кончиной; докторов филологических наук Артемьева Н.М., Меликова Т.Д., кандидатов филологических наук Батчаева А-М.Х., Чебодаеву Л.И. Глашева А.А. по причине смены рода деятельности.

2. Ввести в Российского комитета тюркологов докторов филологических наук Алиеву Т.К., Галиуллина К.Р., Гусейнова Г.-Р. А.-К., Дьячковского Ф.Н., Есипову А.В., Замалетдинова Р.Р., Кетенчиева М.Д., Киндикову Н.М., Меметова А.М., Муртазалиева А.М., Насипова И.С., Псянчина Ю.В., Селендили Л.С., кандидатов филологических наук Кузнецова А.В., Кызласову И.Л., Майзину А.Н., Майнагашеву Н.С., Оганову Е.А., Озонову А.А., Сиразитдинова З.А., Телицина Н.Н., Уртегешева Н.С. и кандидата исторических наук Харунову М.М.-Б.

3. Утвердить состав Российского комитета тюркологов (приложение 1).

Академик-секретарь
Отделения историко-филологических наук РАН
академик РАН

В.А. Тишков

Начальник Отдела – зам. академика-секретаря
Отделения историко-филологических наук РАН
по научно-организационной работе
кандидат филологических наук

В.Б. Черкасский

Приложение 1
к постановлению
Бюро Отделения историко-филологических наук РАН
от 5 апреля 2017 г. № 15

Состав
Российского комитета тюркологов (РКТ)

Бюро

Кормушин И.В.	–	д.ф.н., Институт языкознания РАН, председатель
Дыбо А.В.	–	член-корр. РАН заместитель председателя
Насилов Д.М.	–	д.ф.н., Институт стран Азии и Африки при МГУ, заместитель председателя
Телицин Н.Н.	–	к.ф.н., Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета, заместитель председателя
Васильев Д.Д.	–	к.и.н., Институт востоковедения РАН
Миннуллин К.М.	–	д.ф.н., член-корр. АН РТ, Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН Республики Татарстан
Хисамитдинова Ф.Г.	–	д.ф.н., член-корр. АН РБ, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра УО РАН
Экба З.Н.	–	к.ф.н., Институт языкознания РАН, ученый секретарь РКТ

Члены Комитета

Алексеев А.Н.	–	д.и.н., действительный член АН РС(Я), Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
Алиева Т.К.	–	д.ф.н., Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д.Алиева
Алишина Х.Ч.	–	д.ф.н., Институт тюркологии при Тюменском государственном университете
Бавуу-Сюрюн М.В.	–	к.ф.н., Тывинский государственный университет
Бичелдей К.А.	–	д.ф.н., министр образования и науки республики Тыва
Боргоякова Т.Г.	–	д.ф.н., Хакасский государственный университет им. Н.Ф.Катанова
Габышева Л.Л.	–	д.ф.н., Северо-Восточный федеральный университет им. М.К.Аммосова
Гаджихмедов Н.Э	–	д.ф.н., Дагестанский государственный университет
Галиуллин К.Р.	–	д.ф.н., член-корр. АН РТ, Казанский (Приволжский) федеральный университет
Гарипов Т.М.	–	д.ф.н., член-корр. АН РБ, Башкирский гос. педуниверситет им. М.Акмуллы
Гузев В.Г.	–	д.ф.н., Санкт-Петербургский государственный университет
Гусейнов Г.-Р. А.-К.	–	д.ф.н., Дагестанский государственный университет
Добродомов И.Г.	–	д.ф.н., Московский госпедуниверситет
Дьячковский Ф.Н.	–	д.ф.н., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
Егоров Н.И.	–	д.ф.н., Чувашский государственный институт гуманитарных наук
Есипова А.В.	–	д.ф.н., Кузбасская госпедакадемия
Закиев М.З.	–	д.ф.н., действительный член АН РТ, Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН Республики Татарстан
Замалетдинов Р.Р.	–	д.ф.н., Институт филологии и межкультурных коммуникаций
Исаев Ю.Н.	–	д.ф.н., министр образования и молодежной политики Чувашской Республики
Кетенчиев М.Д.	–	д.ф.н., Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М.Бербекова
Киндикова Н.М.	–	д.ф.н., НИИ алтаистики им. С.С.Суразакова

- Кузнецов А.В. – к.ф.н., Чувашский государственный институт гуманитарных наук
Кызласов И.Л. – д.и.н., Институт археологии РАН
Кызласова И.Л. – к.ф.н., Хакассский госуниверситет им. Н.Ф.Катанова
Майзина А.Н. – к.ф.н., НИИ алтаистики им. С.С.Суразакова
Майнагашева Н.С. – к.ф.н., Хакассский НИИ языка, литературы и истории
Меметов А.М. – д.ф.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
Мудрак О.А. – д.ф.н., РГГУ, Институт языкознания РАН
Муртазалиев А.М. – д.ф.н., Институт языка, литературы и искусства им.Г.Цадасы ДНЦ РАН
Мусаев К.М. – д.ф.н., действительный член НАН Казахстана, Институт языкознания РАН
Насипов И.С. – д.ф.н., Башкирский гос. педуниверситет им. М.Акмуллы
Невская И.А. – д.ф.н. Институт филологии СО РАН / Университет г. Франкфурта, Германия
Нуриева Ф.Ш. – д.ф.н., Казанский (Приволжский) федеральный университет
Оганова Е.А. – к.ф.н., Институт стран Азии и Африки при МГУ
Озонова А.А. – к.ф.н., Институт филологии СО РАН
Попова Н.И. – к.ф.н., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
Псянчин Ю.В. – д.ф.н., Региональный общественный фонд им. А.З.Валиди при Ассамблее народов Башкортостана
Рассадин В.И. – д.ф.н., Калмыцкий госуниверситет
Рыкин П.О. – к.и.н., Институт лингвистических исследований РАН
Сарбашева С.Б. – к.ф.н., Горно-Алтайский госуниверситет
Селендили Л.С. – д.ф.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
Селютина И.А. – д.ф.н., Институт филологии СО РАН
Сергеев В.И. – д.ф.н., Чувашский госуниверситет им. И.Н.Ульянова
Сиразитдинов З.А. – к.ф.н., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра УО РАН
Слепцов П.А. – д.ф.н., действительный член АН РС(Я), Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
Стеблева И.В. – д.ф.н., Институт востоковедения РАН
Тугужекова В.Н. – д.и.н., Хакассский НИИ языка, литературы и истории
Тыбыкова А.Т. – д.ф.н., Горно-Алтайский госуниверситет
Улаков М.З. – д.ф.н., Кабардино-Балкарский НИИ языка, литературы и истории
Уртегешев Н.С. – к.ф.н. Институт филологии СО РАН
Утургаури С.Н. – д.ф.н., Институт востоковедения РАН
Функ Д.А. – д.и.н., МГУ им. М.В.Ломоносова
Хаджиева Т.М. – к.ф.н., Институт мировой литературы им. А.М.Горького РАН
Хакимзянов Ф.С. – д.ф.н., Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет
Харунова М.М.-Б. – к.и.н., Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
Хузангай А.П. – д.ф.н., Чувашский институт гуманитарных наук
Чеченов А.А. – д.ф.н., Институт языкознания РАН
Шенцова И.В. – д.ф.н., Кузбасская госпедакадемия
Широбокова Н.Н. – д.ф.н., Институт филологии СО РАН

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Алишина Х.Ч., Оганова Е.А.</i> Дмитрий Михайлович Насилов	7
Список основных научных трудов Д.М. Насилова	10
<i>Есипова А.В.</i> Слово о моих учителях	28

ЛИНГВИСТИКА

<i>Абуталипова Р.А.</i> Совмещенные компоненты поля аспектуальности в башкирском и казахском языках	33
<i>Валеева Д.Р.</i> Вербализация концепта «Дом» в татарской языковой картине мира	38
<i>Гусейнов Г.-Р.А.-К.</i> Кубанско-булгарский язык и его отношение к другим булгарским языкам в контексте вопроса об области их первоначального распространения	47
<i>Дубровина М.Э.</i> Язык древнетюркских рунических памятников в аудиториях восточного факультета Санкт-Петербургского университета: минувшее и настоящее	55
<i>Есипова А.В.</i> Национальное образование и шорская письменность	64
<i>Кормушин И.В.</i> К семантике слова <i>кунчуй</i> на основе сопоставления данных орхонских памятников и «Дивана» Махмуда Кашгари	74
<i>Меметов А.</i> Лингвистические и экстралингвистические сведения о древних племенах и народах северного Причерноморья	77
<i>Напольнова Е.М.</i> Глагол <i>dur-</i> и другие средства выражения состояния неподвижности в современном турецком языке	86
<i>Псянчин Ю.В.</i> Место ислама в системе функциональных стилей башкирского языка (подходы, аспекты и перспективы изучения)	100
<i>Субраков А.Д.</i> Соматический код в традиционном мировоззрении хакасов	111

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Гайбуллаева Ю.А.</i> Обычаи и обряды, связанные с национальной узбекской одеждой (конец XIX – начало XX в.)	119
<i>Козинцев М.А.</i> Романист Пеями Сафа в турецкой критике и литературоведении	126
<i>Курбанов Б.О.</i> Ходжа Насреддин с точки зрения категории смеха	136
<i>Саимбетов Ш.У.</i> Особенности публицистической лирики А. Мусаева (на основе стихотворений поэта, созданных в начале XX в.)	142
<i>Сибататов Ф.Ш.</i> О роли влияния арабо-тюрко-мусульманских культурных традиций на творчество Р. Фахретдинова	151
<i>Яковлев В.М.</i> <i>Кумалақ ашу</i> – устная традиция гадания и её вероятные истоки	158
Протокол пленарного заседания Годичного собрания Российского комитета тюркологов (2017)	168
Постановление Бюро Отделения историко-филологических наук РАН	177

CONTENTS

<i>Alishina Hanisa, Oganova Elena</i> . Dmitriy Mihaylovich Nasilov	7
List of D.M. Nasilov's publications	10
<i>Esipova Alisa</i> . About my teachers	28

LINGUISTICS

<i>Abutalipova Ramzana</i> . Compatible components of the field of aspects in the Bashkir and Kazakh languages	33
<i>Valeeva Dinara</i> . Verbalization of the concept "House / Home" in Tatar language picture of the world	38
<i>Guseinov Garun-Rashid</i> . Kuban-bulgar language and its relation to other bulgar languages in the context of the question about area of their initial distribution	47
<i>Dubrovina Margarita</i> . Language of ancient runic inscriptions of the Eastern department of St. Petersburg State University: Past and Present	55
<i>Esipova Alissa</i> . National education and the shor written language	64
<i>Kormushin Igor</i> . To the semantics of the word <i>kunchuy</i> on the basis of comparison of the data of the orhonic monuments and the «Diwan» by Mahmoud Kashghary	74
<i>Memetov Ayder</i> . Linguistic and extra-linguistic information about ancient tribes and people of the Northern Black Sea	77
<i>Napolnova Elena</i> . The verb DUR- and other ways of expressing state of immobility in the modern Turkish language	86
<i>Psyanchin Yulay</i> . Place of Islam in the system of functional styles of the Bashkir language (methods, aspects and perspectives of study)	100
<i>Subrakov Aleksandr</i> . Somatic code in the traditional worldview of the Khakas	111

LITERARY CRITICS, FOLKLORE STUDIES, CULTURAL SCIENCE

<i>Gaybullayeva Yulduz</i> . Customs and ceremonies connected with national Uzbek clothes (end of XIX beginning of XX cent.)	119
<i>Kozintcev Mark</i> . Novelist Peyami Safa in Turkish critique and literary studies	126
<i>Kurbanov Babek</i> . Khodzha Nasreddin's stories from the point of view of the category of «laughter»	136
<i>Saimbetov Sharafatdin</i> . Features of A. Musaev's pulsicistis lyrics (on the poet's works created at the beginning of the XX th century)	142
<i>Sibagatov Flur</i> . Upon influence of Arab-Turk-Muslim cultural traditions on R. Fakhretdinov's works	151
<i>Yakovlev Victor</i> . Құмалақ ашы – oral tradition of divination and its probable sources	158
Record of the Plenary Annual Meeting of the Committee of Russian Turkologists (2017)	168
Resolution of the Bureau of the RAS Department of Historical and Philological Sciences	177

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Российская тюркология» просит авторов руководствоваться приведенными ниже правилами. Статьи, оформленные по иным техническим параметрам, к публикации не принимаются и возвращаются авторам без рассмотрения.

Общие положения

Научный журнал «Российская тюркология» выходит 2 раза в год и публикует материалы, основанные на результатах неопубликованных (авторы гарантируют) гуманитарных исследований по рубрикам:

- ✦ Структура и история языка
- ✦ Дискуссии и обсуждения
- ✦ Языковые связи
- ✦ Ономастика
- ✦ Культурология
- ✦ Литературоведение
- ✦ Фольклористика
- ✦ Сообщения и обзоры
- ✦ История науки, документы
- ✦ Рецензии и аннотации

Основным требованием к публикуемым материалам является их соответствие научным критериям:

- ✦ актуальности
- ✦ проблемности
- ✦ научной новизны
- ✦ доказательности
- ✦ фактологической обоснованности.

Редакционная коллегия оставляет право отбора материалов для публикации. Все статьи проходят рецензирование. Журнал не является гонорарным.

Представление статей

Авторские оригиналы – текст статьи на русском языке, краткая аннотация к нему и ключевые слова (не более 10) на русском и английском языках, название статьи на английском языке – должны быть отправлены в электронном варианте по адресу: nikolay.telitsin@gmail.com.

Объем статьи – не более 0,7 п.л., включая список литературы, аннотации и постраничные сноски.

Файл со статьей должен быть назван следующим образом: «**Иванов И.И. Статья для РТ**»

Текст должен отвечать следующим требованиям

Нумерация страниц сквозная. Номер страницы указывается внизу страницы по центру.

Параметры страницы – А4, поля для всех сторон – 2 см, ориентация – книжная.

Шрифт – **Times New Roman (14 пт)**, межстрочный интервал – полуторный, абзацный отступ – 0,75 см по всему тексту. Все заголовки (название статьи, список литературы, аннотации и пр.) вводятся полужирным шрифтом и располагаются по центру.

Тире среднее (не заменять дефисом!), с двух сторон отделяется пробелами: –

Между числами (для обозначения временного периода, страниц в издании и т.п.) ставится среднее тире без пробелов, например: 1941–1945 гг. Века обозначаются римскими цифрами, например: XIX–XXI вв. Кавычки внешние – «ёлочки», внутренние — “лапки”. Пропуски в цитатах обозначаются многоточием в угловых скобках: <...>.

Букву «ё» использовать только в смысловоразличительных случаях.

При применении другого оригинального шрифта для написания текста на национальном языке примеры необходимо давать курсивом, а фонт должен быть прислан вместе со статьей.

Все примеры на национальных языках должны иметь переводы на русский язык. Значения слов, словосочетаний и переводы даются в марровских кавычках (‘марровские кавычки’).

Заголовки набираются прописными буквами с выравниванием по центру.

Фамилия автора набирается после заголовка по центру полужирным курсивом (инициалы стоят впереди, после фамилии указывается город, например: ***И.И. Иванов, г. Новосибирск***).

Специальные символы набираются шрифтом **Symbol**. При употреблении сложных или авторских символов, статью необходимо прислать также и в формате **pdf**.

Ссылка приводится внутри текста в квадратных скобках; напр.: [Малов 1951: 430]; в случае необходимости *сноски* должны вводиться в виде верхнего индекса и иметь сквозную нумерацию по всему тексту.

Список литературы дается в конце статьи и оформляется по ГОСТу (Гост 7.1.-2003).

Порядок расположения материала:

Название на русском языке

ФИО автора, город

Резюме на русском языке

Ключевые слова на русском языке

Текст статьи

Литература

Название на английском языке

Имя, фамилия автора, город на английском языке

Резюме на английском языке (Summary)

Ключевые слова на английском языке (Key words)

Сведения об авторе (авторах) на русском и английском языке

Список литературы

Вводится заголовком «Литература». Приводится без нумерации в алфавитном порядке сокращенного обозначения источников по названию или фамилии автора и году издания прямым шрифтом; далее через **среднее тире** курсивом фамилия и инициалы автора, затем прямым шрифтом полное название труда и выходные данные.

Для книг – фамилии и инициалы всех авторов, полное название книги, через среднее тире место издания, двоеточие, издательство, год издания, том или выпуск.

Для периодических изданий – фамилии и инициалы всех авторов, название статьи, через две косые линии – название журнала (или сборника), через среднее тире год издания, том, номер, первая и последняя страницы статьи. Например:

Абдуллаев 1967 – *Абдуллаев Ф.А.* Фонетика хорезмских говоров. Опыт монографического описания огузского и кыпчакского наречий узбекского языка. – Ташкент, 1967.

Бирюкович 1975 – *Бирюкович Р.М.* О первичных долгих гласных в чулымско-тюркском языке // Советская тюркология. – 1975. – № 6. – С. 55–67.

ЭСТЯ 1974 – *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межатюркские основы на гласные. – М., 1974.

При ссылке на электронный источник в скобках указывается дата обращения. Например:

Сосницкая 2008 – *Сосницкая М.* Счастливики долины роз и смерти // <http://www.hrono.ru/text/2008/sos1008.html> (дата обращения 22.06.2015).

ВНИМАНИЕ: С 2018 года необходимым условием подачи статьи является наличие транслитерированной библиографии (помещается в фигурных скобках после указания источника на русском языке). Например:

Абдуллаев 1967 – *Абдуллаев Ф.А.* Фонетика хорезмских говоров. Опыт монографического описания огузского и кыпчакского наречий узбекского языка. – Ташкент, 1967. {*Abdullaev F.A. Fonetika khorezm-skikh govorov. Opyt monograficheskogo opisaniya oguzskogo i kypchak-skogo narechii uzbekskogo yazyka. – Tashkent, 1967*}.

Сведения об авторе

Вводятся заголовком «Сведения об авторе», сведения приводятся без сокращений и с дублированием на английском языке. Например:

Дубровина Маргарита Эмильевна – кандидат филологических наук, доцент СПбГУ; e-mail: ...

Margarita E. Dubrovina – PhD., Associate Professor of Saint-Petersburg State University; e-mail: ...

БУДЕМ РАДЫ СОТРУДНИЧЕСТВУ С ВАМИ!

Издатель: ИП *И.В. Кормушин*,
от имени Российского комитета тюркологов при ОИФН РАН

Данный номер журнала
подготовлен редакционной группой в составе:

Ответственный редактор: *Е.А. Оганова*

Компьютерная верстка: *О.В. Волкова*

Дизайн обложки: *Ф.Н. Латыпова*

ООО «Издательство МБА»

Москва, ул. Озёрная, д. 46 тел.: (495) 726-31-69;

(495) 968-24-16; (495) 623-45-54; (495) 625-38-13.

e-mail: izmba@yandex.ru

Генеральный директор С.Г. Жвирбо

Печать офсетная. Бумага офсетная 80 г/м². Формат 70×108¹/₁₆.

Тираж 200 экз. Заказ № 1026

Подписано в печать: 28.12.2017